

АЛЕКСАНДРА ПЛЕН

КРОНА
КОРОЛЕВСКАЯ
ШКОЛА

ЧАСТЬ 1 - ПАРИЯ

16+

Annotation

Как быть, если в двенадцать лет тебя лишили родителей, выгнали из дома, отобрали титул, земли, богатства, а единственным человеком, приютившим тебя, стала старенькая няня? Что делать, если в шестнадцать тебя уже сватают замуж и не принимают отказа? Единственный выход – бежать. Поступить в королевскую школу, полный курс которой оплатил отец незадолго до смерти. И постараться выжить среди ненависти, унижений, клеветы и притворства. Потому, что назад дороги нет.

-
- [Александра Плен](#)

-

Александра Плен

Королевская школа. Часть 1. Пария

– Я приеду, – главное сейчас не расплакаться, – на первых же каникулах приеду.

– Не нужно, – Марта поправила на мне криво завязанный платок и нежно провела ладонью по щеке. – Не беспокойся, у меня все будет хорошо. А ты учись изо всех сил. Это самое важное. Терпи, не вздумай бросать школу. Ты все выдержишь. Ты сильная.

Наверное, только любящие глаза Марты, моей бывшей няни, разглядели во мне какую-то мифическую силу. Я же видела только испуганную, неуверенную в себе девчонку. Кто бы знал, как я трусила куда-то уезжать! Но выбора действительно не было.

Я удрученно кивнула и еще раз обняла няню, сильно-сильно стискивая руки за ее спиной, вдыхая родной запах. Женщина легонько отодвинулась, развернула меня и подтолкнула вперед, иначе, наверное, я бы так и не решилась сдвинуться с места. Я медленно поплелась к телеге, оглядываясь назад. Закинула котомку с вещами, сама пристроилась на краешке, все остальное место было завалено мешками с мукой.

До города меня пообещал довести мельник, он сам ехал на ярмарку. Далее – поезд до столицы. Марта рассказывала, что сама школа расположена недалеко от нее, чуть южнее, на самом берегу моря. Занятия должны начаться с первым днем осени. До него оставалась неделя. Надеюсь, успею.

Утро было прохладным. Солнце еще не показалось из-за верхушек деревьев. И пусть на календаре еще лето, в нашем суровом северном краю даже летом иногда трава покрывалась изморозью. Изо всей силы вцепившись в борт телеги, я смотрела на маленькую сгорбленную женщину, стоящую у покосившейся ограды, кутающуюся в старую потертую шаль. Когда она успела так постареть? Видя Марту каждый день на протяжении всей своей жизни, я и не заметила, как согнулась ее спина и побелели волосы.

Я сглотнула горький комок, стоявший в горле. Поплачу потом, дорога длинная, время будет. Сейчас я не хотела тратить на слезы даже

секунду из отпущенного нам времени. Но в глазах все равно расплывалось, превращая Марту в призрачный туманный силуэт. Мельник щелкнул кнутом, и две огромные тягловые лошади потащили тяжело груженую телегу на юг.

Я смотрела и смотрела на размытые очертания няни, тающие в предрассветных сумерках, пока глаза не начали печь. Хотелось спрыгнуть и побежать обратно изо всех сил. Уткнуться ей в грудь, ощутить ласковые руки на своих плечах. Хотелось остаться здесь, в маленьком глухом хуторе на окраине королевства, где никто меня не знает, где остался единственный человек, который меня любит и который дорог мне.

Увы, единственный во всем мире.

Мы с Мартой встали затемно, точнее она встала. Я же так и не смогла накануне уснуть. Вещи собраны были еще вчера. Да и вещи – громко сказано. Два платья, туфли (вторая и последняя пара обуви – ботинки, были сейчас на мне), старое перешитое пальто Марты, гребень, маленькое полотенце, зубная щетка, смена белья.

Смешно. Я столько раз ездила с родителями в гости к друзьям, в столицу, к морю. И пусть прошло много лет, я прекрасно помню, что мою одежду и игрушки везла отдельная карета, запряженная четверкой лошадей. А сейчас все мои вещи уместились в холщовую котомку.

Марте пришлось продать козу, чтобы оплатить дорогу. Я отговаривала ее как могла. Одна из двух кормилиц была отдана за то, чтобы я добралась до школы.

– Все равно я уже не могу за ними ухаживать, силы не те, – отвечала няня на мои мольбы не делать этого. И действительно. В последние несколько месяцев козами занималась в основном я. А также огородом, домом, готовкой. Я отказывалась делать какие-то выводы, а на мои вопросы о здоровье Марта всегда отмахивалась. Зато убеждала она со всей страстью.

– Это единственный шанс для тебя вырваться отсюда!

– Зачем мне куда-то «вырываться»? – упрямо не хотела понимать я. – Мне и здесь хорошо. Мы прожили спокойно четыре года и будем жить дальше. Я умею готовить, доить коз, ставить силки на кроликов. Даже если ты не сможешь мне помогать, мы не умрем с голоду.

Марта улыбнулась и тут же глухо закашлялась.

– Это не твое, девочка моя, – хрипло произнесла она погодя. – Сколько ты сможешь скрываться? Мне скоро не станет. В лучшем случае тебя отдадут в жены сыну какому-нибудь пекарю или кузнецу. В худшем... – она немного помолчала. – Ты знаешь, что будет в худшем.

Конечно, я знала. Эти знания вбивала мне Марта на протяжении четырех лет – в худшем меня найдут плохие люди и превратят в рабыню. Запрут в подвале и заставят день и ночь работать на них.

– Поэтому, тебе нужно учиться, – закончила она веско, – не математике и письму. Это ты знаешь. А развивать свои умения. Силу рода, ее защиту. Я не смогу тебя этому научить, как бы ни хотела. Эти знания закрыты для простых людей.

Я угрюмо слушала ее наставления уже, наверное, десятый раз за последний месяц. Подобные разговоры с разными вариациями происходили постоянно, как только мне исполнилось пятнадцать лет.

– Твой отец сделал тебе бесценный подарок... – продолжала она, и впервые я улыбнулась. Это сейчас он стал бесценным, а тогда, четыре года назад, мне казалось, что более бесполезного подарка у меня не было никогда.

Я тряслась в телеге, наблюдая за тем, как солнце поднимается из-за леса и вспоминала свой последний день рождения в кругу семьи. Мне тогда исполнилось двенадцать. И я была жутким, избалованным монстром.

Моя семья купалась в деньгах. У меня было все, что только можно пожелать. На дни рождения мне уже не знали, что дарить – у меня было несколько игровых комнат с самыми красивыми и дорогими куклами: обычными, заводными, танцующими, маленькими и в полный рост; сотни шелковых, расшитых самоцветами, платьиц; горы золотых украшений; своя собственная конюшня с каретами, лошадьми, пони; свой собственный повар, учителя, гувернантки, горничные и прочее, прочее.

И я была единственным ребенком в семье. Не знаю почему. Мама родила меня в ранней молодости, через год после свадьбы, а потом на все мои просьбы подарить сестричку или братика отвечала, что вот-вот, уже скоро, на следующий день рождения, а потом еще на следующий и так далее, а потом я перестала спрашивать. Поэтому

мама и папа меня нещадно баловали. Я росла в окружении любви, золота и вседозволенности.

Сейчас я со стыдом вспоминаю, как изводила своих нянь и гувернанток. Бедная Марта, натерпелась она со мной. Но была единственной, кто с невозмутимостью и безмятежностью сносила все мои выходки. Разорванные платья, испорченные игрушки, разбросанную еду, разлитые на ковер напитки. Однажды я услышала, как вторая няня сквозь зубы выговаривала ей:

– Как ты терпишь это чудовище? – я тогда выплеснула той, другой, на платье чай. Он мне показался слишком горячим.

– Она просто маленькая девочка, – ласковым голосом ответила Марта, – и хочет внимания.

– Она хочет розги.

Надо ли говорить, что после этих слов девушку уволили в тот же день? Я кричала и топала ногами в папином кабинете, пока он не согласился это сделать.

Мои двенадцать отмечали в кругу семьи. И это был наш последний совместный праздник. Папа в последнее время постоянно пропадал где-то, я обижалась. Вот и тогда он приехал из столицы буквально на день. Я выпрашивала о подарке, но он загадочно молчал, поясняя, что хочет сделать сюрприз. Я ожидала чего-нибудь необыкновенного, но ничего умного не приходило в голову. Когда золота столько, что с лихвой хватает на самые безумные фантазии, этих самых фантазий и не хватает.

– Я решил подарить тебе полный курс учебы в Королевской школе, – торжественно произнес отец, когда уселись за праздничный стол, и протянул мне плотный свиток с красивой разноцветной печатью.

Я недоуменно уставилась на родителя, собираясь закатить истерику. Это потом я узнала, что стоимость учебы в этой школе за пять лет равна стоимости двух, а то и трех доходных поместий или целой флотилии торговых кораблей. Что учатся там самые богатые отпрыски семей нашего королевства. Что все выпускники потом работают на благо страны на самых высоких постах. Но тогда, четыре года назад, я была возмущена и обижена.

Конечно, папа после моих слез задобрил еще алмазными заколками, так что я вскоре успокоилась и выбросила этот странный

подарок из головы.

Я вспомнила о нем случайно. Когда уже два года жила у Марты. Она учила меня всему, что знала. А знала она немало. Только постоянно сокрушалась, что не может ничего мне рассказать о моей родовой силе.

– Тебя должен был учить твой отец, – вздыхала она. – И еще, говорят, в Королевской школе есть нужные книги. Там собрана величайшая библиотека.

Тут я про школу и вспомнила. Принимали в нее с шестнадцати лет, поэтому в течение последующих лет Марта изводила разговорами о том, что мне нужно обязательно туда попасть.

– Марточка, почему я должна ехать в шестнадцать? – наивно улыбалась я еще полгода назад. – Ведь я могу поехать и в семнадцать, и в восемнадцать.

– Потому что, тебе нельзя здесь задерживаться, – грозно отвечала она, – со мной уже разговаривали по поводу твоего замужества. Колай, сын кузнеца хочет тебя в жены, и Бакан заходил, у него второй сын подрос.

– Да что же им от меня надо?! – воскликнула огорченно я, вспомнив того сыночка. Толстый, прыщавый заносчивый мальчишка. Ему самому было немногим больше пятнадцати. Тот еще женишок. Хотя семья у него богатая. Самая богатая в нашем поселке.

– Ты необычная, Дени, – ответила Марта, – не похожа ни на одну из здешних девушек. А через год-два станешь настоящей красавицей. Да и женятся на хуторах рано, так что в восемнадцать у тебя вполне может быть ребенок, а то и два.

Мне стало неудобно. Я сама еще ребенок, тощая, нескладная, худая. Грудь совсем маленькая, какая из меня невеста?

– Да и вряд ли я проживу еще два-три года, – закашлялась няня. Я тут же принялась ее успокаивать, побежала за отваром мяты. Но разговор запомнила. Тем более, что Марта не давала его забыть, раз за разом напоминая о школе.

Все упиралось в родовую магию. Мой отец, дед и так далее повелевали металлами. Могли чувствовать их под землей и на земле. Могли вытащить из глубокой шахты на поверхность рудную жилу, могли управлять любым металлическим изделием, будь то железный нож или золотое украшение.

Металл всегда любил меня. Даже без особенных знаний я могла маленькими ручками согнуть толстый прут, распрямить подкову, разорвать надвое цепь. Но вот создавать что-то я была не в состоянии. Для этого нужно было знать определенные слова, уметь направлять потоки силы, обращаться к сути металла. Я этого не умела.

Какой же я была глупой! Да лучше бы я научилась хоть чему-то путному, чем танцам, этикету или правильной посадке на лошади. Как бы мне сейчас пригодилось пару бытовых заклинаний! Я же к двенадцати годам выучила только одно и то случайно.

Как-то я порвала золотой браслет и прибежала в слезах в папин кабинет. Он улыбнулся, взял цепочку в руки и произнес «шиба рото дадо». Цепь опять была как новая. Я запомнила слова, особо не раздумывая, что они означают. Жаль.

Уже потом, после всего, я начала тренироваться у Марты в доме. Смогла починить только несколько медных тазов и погнутую сковороду. Дом у нее был деревянным, забор тоже.

Я так и сяк тасовала три известные мне слова. Произнося их по отдельности, ничего не происходило. «Шиб рото и рото дадо» так же не давали никаких результатов. А вот «шиб дадо»... Я держала в руках медную ложку, когда произнесла слова. После этого в руке у меня остались золотисто-розовые гранулы. Медь в чистом виде. Я еще распылила несколько гвоздей, чтобы закрепить результат.

Марта порадовалась моим успехам, но на мое предложение помочь соседям, она резко и категорично ответила:

– Нельзя! Никто не должен знать о том, кто ты на самом деле!

Родовая магия. Сила, заключенная в крови. Марта рассказывала, что она вырождается. Еще сто назад ею владели десять семей королевства, а сейчас осталось всего пять. Эти пять семей каждый житель знал наперечет. Род Зорг, умеющий пробуждать силу земли. Они могли равнять горы и вызывать землетрясения. Род Тург, им подвластны растения. Марта рассказывала, что когда-то на спор один из Тургов за ночь взрастил густой высокий лес, окружив им столицу. Род Горн, умеющий двигать вещи на расстоянии. Не слишком прибыльное умение, но ранее пригождалось в доставке грузов издалека. Род Фархов, умеющий воздействовать на животных. Приручать диких, воспитывать и обучать домашних, даже разговаривать с ними.

И я, последняя из рода Крей – ария Дениза Крей. Хотя, сейчас уже не ария. Титул отобрали вместе со всеми деньгами, поместьями, землями. Сейчас я просто герра Дениза Крей. Бедная нищенка, простолюдинка, живущая вместе с бывшей няней, в ее покосившемся доме, в глухом поселке у Синих гор, на севере королевства, которым правит Рем пятнадцатый.

Зорг, Тург, Горн, Фарх и Крей. Их имена знают все. Одни из богатейших и древнейших семей королевства. Семей, у которых имя рода состоит из четырех букв. Выше лишь королевский род, у него три буквы. По легенде, изначально имена всех родоначальников состояли из четырех букв. И если второй, третий и так далее отпрыски уходили и создавали свою ветвь семьи, к их фамилии добавлялась буква. Таким образом, чем длиннее родовое имя, тем моложе род, соответственно, чем короче имя, тем старше родословная. Раньше, сотни лет назад, когда королевство было крошечным, родов было немного и имя рода было на вес золота. Сейчас оно разрослось так, что уже никто не придерживается этого правила. Лишь древняя четырехбуквенная кровь, ведущая свою родословную от самих богов, зацикленная на своей исключительности, соблюдает устаревшие законы.

Были еще семьи, у которых родовая сила исчезла по какой-то причине. Например, у отца или матери она еще была, а в ребенке не проявилась. Ни в первом, ни во втором, ни в третьем. Каждая такая потеря была серьезным ударом по благополучию нашего королевства, престиж и сила которого как раз и держалась на магах. Ведь они жили только у нас, в Альтее.

Марта рассказывала, что подобным образом пропала сила рода королевской ветви. Родовая магия у них была самая... неприятная. Они умели слушать эмоции, и внушать людям нужные им мысли.

– Неудивительно, что их род стал королевским, – сказала я тогда, – не справедливо использовать магию, чтобы управлять людьми.

Мое высказывание немного опередило няню, следом она мне рассказала, что в королевском роду магия пропала очень давно. И прошлый, и нынешний король не обладают ею. Последним, кто ею владел, был их то ли Рем пятый, то ли седьмой, Древняя древность.

Подобным образом исчезла сила Мару повелевать погодой. Пропала сила в роду Хорн – умение видеть истину, ранее им всегда доставалась должность верховного судьи королевства, хотя какой-то из

Хорнов и сейчас занимает этот пост. Пропала одна из самых лучших, по моему мнению сил – сила рода Берг, умение излечивать самые тяжелые болезни, смертельные раны. И так далее. Няня много всего знала, но увы, не все.

– Поэтому тебе и нужно учиться, – постоянно повторяла она, – ты должна уметь защитить себя, потому что больше некому. После школы ты станешь сильной, в измене королю ты не замешана, значит, тебя не ждет тюрьма, лишь злословие и сплетни. Это пустяк. Переживешь.

Я горестно вздохнула. Совсем даже не пустяк. Марта заметила выражение моего лица и ободряюще похлопала по руке.

– Ты выдержишь, – серьезно продолжала она, – я сама училась в большом городе. Не в столице, конечно, в соседней Ксении, но и там не любят бедных простолюдинов. Сколько я натерпелась, не передать словами. Но выучилась и стала довольно приличной гувернанткой.

– Почему же ты у нас работала няней? – поинтересовалась я.

– Потому что гувернанток предпочитают молодых, а когда я поступила к вам на службу, мне уже было за пятьдесят. У меня долго не было работы, и я согласилась на предложение вашего управляющего.

– Я безумно рада, что ты согласилась, ты сама лучшая няня на свете! – Марта отмахнулась от моей попытки ее задобрить и продолжила наставления:

– Закончишь школу, поменяешь имя, уедешь из столицы куда-нибудь, да хоть на север, в Бат, найдешь работу. С твоими умениями это не сложно. Устроишься в ювелирную мастерскую или в кузнечную. Будешь много зарабатывать, выйдешь замуж, за кого захочешь, – я скривилась, – а главное – будешь независима и богата. Твоя сила рода – это золотой колодец, Дени.

Пожалуй, да. Моя сила рода является самой прибыльной, потому что вместе с техническим прогрессом возрос спрос на различные металлы. Именно из-за этого наша семья считалась одной из самых богатейшей в королевстве.

Мы многое могли себе позволить. Шикарные многолюдные балы каждую неделю, швыряние золота под ноги селянам, кричащую роскошь многочисленных домов, золотые ванны и рукомойники, а еще... могли позволить себе попытаться стать во главе королевства. Замыслить страшное – переворот.

Не знаю зачем папе это было нужно. Хочется верить, что он затеял все это, погубившее и его, и нас, с какой-то благородной целью – избавить страну от тирана или еще что. А не просто из-за скуки или тщеславия. Потому что... Потому что тогда мне не остается вообще во что-то верить.

Мельник довез меня до главных ворот, именно там располагался сельский рынок, попрощался и принялся разгружаться. До центра, где находился вокзал, нужно было топать и топать.

Я несколько раз была в городе и хорошо его знала. В прошлом месяце мы с Мартой покупали мне рынке обувь, а год назад были на торжественном открытии железнодорожного вокзала. Дорогу в наше захолустье проложили совсем недавно, наверное, мы были одними из самых последних в королевстве. Да и поезд был всего один. Он отправлялся в двенадцать дня и ехал до столицы почти четверо суток.

Билет я купила самый дешевый, деньги нужно было беречь. Неизвестно, что ждет меня в столице. Конечно, ехать в общем вагоне, сидя на деревянной лавке, то еще удовольствие, но выхода не было. Повезло – мне случайно досталось место у окна. Можно хотя бы прислонить голову к стеклу и подремать. И пусть я не спала прошлую ночь, сонной я себя не ощущала. Скорее испуганной.

Я впервые еду так далеко, да еще совсем одна. Как бы было хорошо, если бы со мной смогла поехать Марта! Я с трудом заглушила пронзившую сердце боль. Дело сделано, теперь только вперед и никаких сожалений.

Точку в наших спорах о поездке поставил тот же Колай. Неделю назад рано утром я несла сметану и сливки семье Рыски, бывшей ученице Марты, иногда они покупали у нас молочные продукты. Вышедший из-за угла Колай меня сильно испугал, я даже выронила котомку. Сын кузнеца был взрослый, старше меня на три, а то и на четыре года. Высокий, мускулистый, даже можно сказать красивый. По крайней мере, деревенские девчонки сходили по нему с ума. Марта говорила, что он многих попортил. Правда, не объяснила, что это значит. Попортил одежду? Волосы? Лицо?

– Торопишься? – как бы между прочем поинтересовался он, загораживая путь. Я, признаться, струхнула. Ранее утро, на улице ни

души. Мощная фигура парня казалась огромной, особенно по сравнению с моими мелкими пропорциями.

– Да, – пискнула я и попыталась его обойти, подняв с дороги узелок. Колай шагнул вбок, заслоняя проход.

– Не спеши, есть разговор, – я испуганно прижала к себе сметану, уставившись под ноги. – Твоя тетка говорила о том, что я хочу на тебе жениться?

По легенде Марта приходилась мне теткой и забрала после того, как мои родители погибли.

– У меня нет приданого, – выдавила из себя с трудом, упорно не поднимая глаза.

– Я возьму тебя как есть, без приданого.

Какое благородство!

– Мне еще рано замуж, – попыталась зайти с другой стороны.

– По мне так в самый раз. Все, что надо, выросло, – пробасил Колай и крепко схватил меня за плечи.

Его руки, тяжелые как пудовые гири, прижали к груди. Я на секунду ощутила огромное тело Колая, твердое как камень, и себя, маленькую, потерявшуюся в крепких объятиях. Макушка даже не доставала ему до подбородка. И как только его губы коснулись виска, я принялась бешено вырываться. Слезы брызнули из глаз. Он что-то говорил низким утробным голосом, гладил по спине, бокам, опускал руки ниже, откровенно лапая, я же ничего не слышала. Паника накрыла с головой. В конце концов я вырвалась или он отпустил, не знаю. Бросилась по дороге, прижимая к себе узелок, а вслед мне неслись слова: «Я все равно на тебе женюсь! От меня еще никто не убежал» ...

Обратно я добиралась домой огородами, прячась за ботвой и заборами. На мой рассказ об утренней встрече Марта только и сказала:

– Надо ехать, спокойно тебе здесь жить не дадут.

Да. И самое жуткое. Она объяснила, что меня ждет в замужестве, чтобы уж точно испугать до икоты. Рассказала, что становиться женщиной страшно больно, что шестнадцать лет пусть и подходящий возраст для замужества, но не для меня. Крестьянские девушки взрослеют раньше и более выносливые. Я же благородная, мне еще как минимум пару лет нужно добрать. И так далее. Я краснела, бледнела, с ужасом слушая, что меня ждет. Потом няня добавила, что Колай

упрямый и не отступится, а она не сможет меня защитить. Решение ехать было принято быстро.

И вот я трясусь в поезде, боясь лишний раз встать в туалет. Иначе могут занять мое место у окна. Котомку с вещами я положила под себя. И мягче, и от воров хоть какая-то защита. Деньги были спрятаны в ботинке. Туда они точно не доберутся. Обувь можно с меня снять только вместе с ногами. Я сама застегивала глухую металлическую защелку на щиколотке и расстегнуть ее могла только я.

Пару раз я задремала и сквозь сон слышала, как меня легонько ощупывают, пытаюсь найти кошель. Я сразу же просыпалась, но ни разу никого не поймала за руку. Постоянно меняющиеся соседи делали вид, что ничего не происходит.

Может быть, лучше было бы потратить все деньги и купить билет во второй класс?

– Пирожки! Свежие пирожки! С мясом три медьки, с картошкой одна! – в вагон заскочила пухленькая темноволосая женщина с сумкой. Я подняла руку.

– Два с картошкой, пожалуйста, – произнесла я, протягивая крошечные монетки. Голодный желудок с утра бунтовал, требуя хоть какой-то еды.

В дорогу Марта дала мне пирог с капустой и шарик козьего сыра. За два дня от них не осталось и следа. Третий день я питалась яблоками, которыми меня угостила большая шумная семья, ехавшая со мной целый день и вышедшая в Бире. Четвертый пришлось голодать, только к вечеру мы остановились в Эсту, следующей остановкой был Шалир, столица нашего королевства.

Я страшно устала. Болело все: спина, ноги, голова. Поспать удалось две ночи и то кое-как. В остальное время народу набивалось столько, что меня, как самую худенькую, сдвигали к окну так плотно, что почти впечатывали в стекло.

Пирожки я проглотила за секунду и осталась голодной. Спустя некоторое время, смирившись, что ничего больше не достанется, желудок успокоился. Я опять уставилась в окно. Поселков и городков становилось все больше. Сменился и пейзаж, теперь мы чаще ехали по степи, лесочки если и были, то небольшие, низенькие, скорее рощи. Не сравнить с высокими северными деревьями.

В Шалир по расписанию мы должны приехать в полдень, в последний день лета. Затем дорога до школы и... Что дальше? Марта учила меня быть решительной и смелой. Спрашивать, требовать ответа, идти напролом. Я же дочь своего отца, ария Дениза Крей, наследница древнего рода. Но, во-первых, идти напролом было совсем не в моем характере, я была не такая сильная, как Марта, а во-вторых, мне было страшно. Казалось, моя двенадцатилетняя беззаботная и роскошная жизнь была сном, чудесным и нереальным. А реальность – жесткая деревянная лавка, холщевая котомка с бедными пожитками, пустой голодный желудок и неизвестность впереди.

– Отойди, нищенка, здесь не подают, – гаркнул один из охранников, стоящих у ворот, мельком взглянув на меня.

Я испуганно отшатнулась. И вовремя – в проем как раз въезжала роскошная карета, запряженная вороными. Колесо проехало в дюйме от моих ботинок. Я выпрямилась и сжала кулачки. Я сильная. Я смогу. И пусть мой внешний вид, действительно, оставлял желать лучшего, что неудивительно после четырех дней дороги, я задрала нас и высокомерно произнесла:

– Уважаемый, меня зовут герра Дениза Крей, у меня проплачен полный курс учебы в Королевской школе.

– Совсем умом тронулась?! – разозлился тот.

– Проверьте в секретариате. В списках, оплативших должно быть мое имя, – невозмутимо продолжила я, изо всех сил сдерживая противную трусливую дрожь. – Не судите по одежде, не придется потом извиняться.

– Да я тебя... – начал было он, но вдруг запнулся.

Я увидела легкое сомнение, проскользнувшее в глазах. А что если вдруг?.. Один процент из ста. И он испугался. Я стояла со спокойным уверенным видом, пусть и одетая в грязное, пропахшее потом платье, но моя осанка, тонкое лицо с благородными чертами...

– Ладно, схожу, – пробурчал охранник, и уже со спины прошипел: – но если ты меня обманула...

Я даже не посмотрела в его сторону. Я принялась рассматривать громадное величественное здание, построенное, как мне рассказывала Марта, более трехсот лет назад Ремом пятым. Высокий металлический забор окружал огромную территорию школы. Кованные ворота с

королевским гербом сейчас были распахнуты настежь, за ними – широкая подъездная аллея, ведущая к парадному входу с мраморными колоннами. Чистый почти белый песок сверкал на солнце, создавая поразительный контраст с темно-красным кирпичом стен.

Школа стояла у самого моря, с одной стороны почти нависая над скалистым обрывом. «Наверное, с верхних этажей открывается великолепный вид», – подумала я. Вдали, внизу виднелся порт со стоящими на причале многочисленными кораблями. До него было как минимум десятков миль. По широкой дороге в столицу бесконечным потоком везли грузы. Отсюда, с горы, обозы казались крошечными темными песчинками, катящимися по тонкой желтой ленте.

Направление мне показал кучер, к которому я подошла на вокзале.

– Иди в сторону порта – не ошибешься, – произнес он, – выйдешь через южные ворота, а дальше около пяти миль на запад. Да ты сразу увидишь высокое здание с башенками на скале. Мимо не пройдешь, – усмехнулся старик и добавил, – а лучше давай я тебя довезу.

Вежливо извинившись, я отказала. Что такое пять миль? Мелочь. Особенно по сравнению с тем, сколько я уже прошла.

Естественно, пять миль в устах кучера для меня превратились в десять. Но я упрямо шла вперед, решительно выпрашивая редких прохожих, не позволяя себе лишний раз задуматься над тщетностью всего, что делаю. Не позволяя даже мысли возникнуть повернуть назад.

Что-то долго нет охранника. Меня захлестнул ледяной страх, тисками сдавил сердце, сковал руки и ноги. А вдруг папа забрал заявление, если его потеряли, уничтожили... что тогда? Что мне делать?

– Извините, герра, – рядом раздался голос мужчины. Я вздрогнула и медленно обернулась, цепляя на лицо маску невозмутимости, – вас попросили зайти к директору.

– Где находится кабинет? – холодно поинтересовалась я.

– Сразу после входа на право, на первом этаже, – поклонился мужчина, и добавил словно пытаясь оправдаться в моих глазах. – В школе легко заблудиться, поэтому везде расположены указатели. Идите по ним.

Я кивнула и, с усилием переставляя ноги, направилась по аллее. Первый этап позади. Как жегодились подсмотренные мной те

немногочисленные сцены, которые демонстрировали мама или папа, общаясь в гостиной с неугодными торговцами или раздражающими надоедливymi просителями. У мамы менялся голос, осанка. Все ее поза выражала презрение. Сейчас я попыталась скопировать ее, и у меня получилось!

– Добрый день, – постучавшись, я приоткрыла дверь, – я Дениза Крей.

За дверью находилась просторная комната без окон, с красивыми креслами, расположенными вдоль стен, оббитыми синим бархатом. Наверное, приемная. Напротив входа была еще одна дверь с висевшей в центре медной табличкой «Директор королевской школы арий Китеп». Немолодая женщина в строгом темном платье, сидевшая за столом справа, недоверчиво вытаращила глаза.

– Этого не может быть! – воскликнула она потрясенно.

Я же тяжело вздохнула – опять придется изображать высокомерие и что-то доказывать.

– Пусть девушка зайдет в кабинет, – раздался приглушенный голос. Женщина встрепенулась, подскочила и открыла дверь с табличкой.

Арий Китеп подписывал какие-то бумаги. И бумаг, по-видимому, у него было много. Стол был завален ими полностью. Мужчина был совсем седой, с глубокими морщинами, прорезавшими лоб и щеки, кустистыми бровями и нездорового цвета кожей. С первого взгляда я решила, что он очень стар, почти дряхл, но когда директор поднял голову, и я встретила с цепким умным взглядом, то поняла, что ошиблась.

Приставка арий предусматривала благородную кровь. Передо мной сидел истинный аристократ, и я вежливо присела в реверансе.

– Добрый день, арий.

– Не такой уж и добрый, если я вижу дочь Фредерика Крея на пороге, – хохотнул он, и я почти не обиделась на явную грубость, таким веселым тоном она была произнесена. Мужчина пристально рассматривал меня. Я немного покраснела, представив, что он сейчас видит. Простое крестьянское платье с пятнами грязи по подолу, запылившиеся ботинки, серая котомка, стянутая обычной веревкой, растрепанные грязные волосы.

– Не ожидал, – наконец произнес он, откинувшись на спинку кресла, – неужели малютке Дени уже исполнилось шестнадцать? – Я подняла подбородок и сжала губы. Он опять усмехнулся. – Узнаю этот взгляд. Коронный взгляд Фредерика.

Я встрепелась. Он знал моего отца? Они были друзьями? Как же мне хотелось расспросить директора о папе! Хоть капельку сведений о нем, о его прошлом! Но нельзя. Отец предатель и изменник, да и не время сейчас.

– Так вы меня возьмете в школу? – голос все-таки дрогнул.

– Я не могу не взять тебя, Фред оплатил полный курс, – ответил арий задумчиво, – но прими мудрый совет – уезжай. Ты не сможешь здесь учиться. Уезжай туда, где жила. Я дам тебе денег, своего рода компенсацию за отказ. Много денег.

Я на мгновение задумалась. Далеко ли я уеду с огромной суммой? Несколько медяков я могла запихнуть в ботинок, но больше? И даже если доведу золото до Марты... Вспомнила Колая, его жадные руки, вспомнила слова няни, что без знаний я легкая добыча.

– Я остаюсь, – твердо заявила, – буду учиться. Имею право.

Директор равнодушно пожал плечами. Не знаю, расстроило его мое решение или нет, по лицу ничего нельзя было разглядеть. Мне показалось, что ему все равно. Одной студенткой больше, одной меньше. Арий встал, стремительно прошел мимо меня и приоткрыл дверь в приемную.

– Мили, оформи девушку, – женщина неохотно кивнула, – оплата за пять лет, полный пансион. – И уже ко мне: – проходи, Дениза. Герра Милена все расскажет. Удачи в учебе.

– Спасибо, арий, – прошептала я, глазам почему-то стало горячо. Мужчина отмахнулся от моего спасибо, словно от надоедливой мошки, и вернулся к себе. Я подошла к секретарю. Женщина что-то быстро писала в огромной толстой тетради. Вся ее фигура, лицо, даже руки выражали негодование.

– Это, – она протянула золотую круглую брошь, – твой полный пансион. Приколи к платью и не снимай.

– Куда дальше? – я взяла брошь. Внутри нее были вырезаны какие-то символы, потом рассмотрю.

Секретарь поджала губы, явно собираясь наругать. Потом бросила быстрый взгляд в сторону закрытой двери директора и

процедила:

– По коридору направо комендантская, покажешь брошь, тебя поселят, выдадут одежду, обувь, план школы. На втором этаже малая библиотека, получишь необходимые учебники и тетради, – в конце она не удержалась и уничижительно фыркнула: – Ты вылетишь отсюда через месяц. Может быть, даже раньше, – я не обратила внимания на ее слова. Марта предупреждала, что в мой адрес сразу же начнут злословить. Я была к этому готова. Почти.

Подхватив котомку, направилась на выход, стараясь идти степенно и не подпрыгивать от восторга.

Я – студентка! Меня зачислили! Плевать на косые взгляды, сплетни, презрение, следующие пять лет я под защитой школы. Никто не посмеет меня тронуть. Студенты неприкосновенны, так сказала Марта, а ей я верю больше всего на свете.

Комендант не обратил внимания ни на мою фамилию, ни на одежду. Быстро взглянул на брошь, протянул ключи.

– Комната двести десять на четвертом этаже, – произнес он уставшим голосом, – если что в ней не устраивает, обращайтесь ко мне. Одежду и обувь выберите сами, первая дверь по коридору.

Я радостно кивнула и направилась в гардеробную. На широких полках лежали стопки с темно-синей формой школы. Я нашла свой размер, подобрала платье и обувь. Еще полагался плащ, что-то типа мантии в сине-красных цветах школы. Прихватила и его. Подумала и взяла еще один комплект. На всякий случай.

Загрузившись по самую макушку, побежала на четвертый этаж. Открыла ключом дверь с табличкой «Двести десять» и замерла в восхищении. Что здесь может не устраивать?!

Апартаменты были великолепны. Маленькая прихожая вела в небольшую светлую комнату с односпальной кроватью, письменным столом у окна, красивой добротной мебелью из красного дерева. Широкий шкаф, четыре обитых бархатом стула, полки для книг. Пока пустые. Посреди комнаты на полу лежал темно-синий ковер. Такого же цвета шторы украшали окно.

Положив вещи на кровать, толкнула дверь, ведущую в умывальню. Крошечная ванная, уборная, начищенный медный умывальник. Я застыла в восхищении, у Марты удобства были на

улице, я уже и забыла, когда последний раз пользовалась настоящим унитазом.

Я в раю! У меня отдельная, прекрасно обставленная комната. Тогда я даже не подумала, что по сравнению с теми деньгами, которые студенты платят за обучение, комната выглядит даже бедновато. Просто я так давно не видела красивых вещей, что безумно соскучилась по ним. Соскучилась по мягкой кровати, коврам под ногами, горячей воде, чистой новой одежде из дорогой ткани, льняным простыням.

Через мгновение я уже с остервенением стягивала с себя старое платье. Сейчас же помоюсь и переоденусь. Сил не было терпеть грязь и запах пота. Потом за учебниками. И еще нужно найти столовую. Желудок уже даже не возмущался, угрюмо затих и готовился начать переваривать сам себя.

Заплетя мокрые волосы в косу, надев ученическую форму и приколов брошь к воротничку, вышла в коридор. Настроение было великолепное. Впервые за многие дни я почувствовала уверенность в будущем.

Здание королевской школы было построено триста лет назад специально как учебное заведение. Со стороны оно казалось величественным неприступным замком, неприспособленным для комфортной жизни. С толстыми стенами, сторожевыми башнями, крепостной стеной, от которой осталась лишь часть, обращенная к столице. Но внутри было уютно, красиво и практично. Просторные коридоры давали разминуться даже пятерым студентам, идущим в ряд, высокие узорчатые окна обеспечивали здание солнечным светом даже лучше огромных хрустальных люстр, свешивающихся с потолка. Широкие лестницы были устланы синими ковровыми дорожками.

Здесь властвовали богатство, честолюбие и амбиции. Роскошная школа для элиты королевства. Его лицо – визитная карточка, величественный монумент доброте и дальновидности королевского рода Ремов.

Правое крыло, смотрящее на море, было отдано под жилые комнаты для студентов и учителей, кроме первого этажа, где находились административные кабинеты.

Левое крыло занимали разнообразные аудитории. В центре были столовая и большая школьная библиотека, которая занимала три этажа. Гордость школы. Малая библиотека, где выдавали учебный материал, тетради и канцелярию была рядом с комендантской комнатой.

Новоприбывших было немного. То ли уже все приехали и расселились, то ли приедут завтра, к началу занятий. В библиотеке я встретила двоих парней – первокурсников, и уже, идя с учебниками назад по коридору миленькую девушку с огромным чемоданом, открывавшую ключом двести восьмую комнату.

– Я Фани Лоренсис, первокурсница. Ты тоже новенькая? – сразу же принялась она знакомиться.

Я отметила, что девушка не указала ария, значит не дворянка. Хотя была одета богато и модно. Скорее всего, дочь состоятельного торговца или государственного служащего.

– Дениза, – представилась я, отметив, как же хорошо, что я успела переодеться в форму, – приехала сегодня утром.

Если девушка и заметила, что я не назвала род, то не стала заострять внимание.

– Дай мне час, чтобы разложить вещи, потом пойдем и поищем столовую вместе, – дружески улыбнулась она, у меня внутри поселилась призрачная надежда на обретение подруги.

– Конечно. Стукнешь в дверь, когда будешь готова.

Фани действительно оказалась отпрыском богатого купеческого рода. Ее отец торговал специями, имел несколько десятков кораблей и множество магазинов в разных городах королевства. Мы быстро нашли по указателям столовую. Наверное, если бы я была одна, я бы растерялась, потому что никогда не сталкивалась с подобной системой кормежки. Поэтому я тихонько следовала за Фани и делала все то же самое, что и она. Девушка пошла за подносом, я за ней, потом она взяла приборы – я тоже, затем Фани двинулась к длинному проему в стене с выставленными блюдами и начала набирать что-то в тарелку. У меня разбежались глаза. Такого изобилия я не видела давно. Взяла суп с гренками, кашу с изюмом и орехами, крылышко цыплёнка, два сладких пирожка и стакан сока.

– А ты молодец, выглядишь худышкой, а аппетит зверский, – весело подшутила надо мной Фани, сама она ограничилась салатом из каких-то листиков и бледно-розовым компотом.

– Ехала издалека, не успела пообедать, – пояснила я неохотно. Огромный зал, отданный под столовую, был почти пустой. Я насчитала около десяти ужинающих в одиночестве студентов, наверное, все новенькие.

– Ты права, – подтвердила мои предположения Фани, – основная масса со второго по пятый курсы уехала на каникулы и придет либо завтра, либо сегодня поздно вечером. А многие вообще живут в столице и приезжают лишь на учебу.

– А так можно?

– Конечно! Полный пансион закрепляет за тобой комнату, но жить в ней или нет – твое дело, многие арии считают ниже своего достоинства ночевать в школе, у них есть собственные дома в Шалире, – мне повезло, Фани была болтушкой и совершенно не комплексовала в присутствии незнакомых, так что я должна была только слушать и в нужных местах поддакивать.

– А у тебя полный на пять лет? – спросила она, я молча кивнула, Фани уважительно присвистнула. – А мне папаня только один год оплатил, – видя мое недоумение пояснила, – сказал, что, если за курс не найду себе здесь жениха, выйду замуж за того, за кого он скажет. Мне уже восемнадцать. Давно пора.

– Э... – я в непонимании уставилась на жаждущую замужества особу.

– Ты думаешь, девушки сюда приехали учиться? – продолжила Фани, понизив голос. – Глупости. Здесь учатся самые богатые парни! Сыновья самых знатных и родовитых семей королевства. Даже на свадебных балах не найдешь столько выгодных партий.

– Свадебных балах? – переспросила я со смешком, слишком странно это звучало.

– Ага, – кивнула подружка, – так называют общественные королевские балы. Они проходят каждый месяц в последних числах. На них съезжаются все, кто хочет найти себе пару. И девушки, и парни. Бывала я на них. Тоска смертная. Куча дебютанток, а молодых людей кот наплакал, выбрать не из кого.

– И арии там бывают?

– Ты что, совсем деревня? – Фани была поражена моим невежеством. – У арий пары подобраны чуть ли не с рождения. Нужны им эти балы.

– А за год успеешь? – осторожно поинтересовалась я, возвращая разговор в прежнее русло...

– Успею, – твердо заявила Фани, – даже самый худший здесь, все лучше, чем какой-нибудь папин партнер по специям. Ты знаешь, какое папа за меня приданое дает! – похвасталась она. – Огого!

С ней было весело и легко. На мгновение я даже забыла, что я та самая дочь предателя, казненного за измену. Я мысленно представляла, как день за днем прилежно учусь, общаюсь со студентами, сама рассказываю смешные истории, и никто меня не презирует, никто не унижает. Вот бы было здорово.

– А давай с тобой дружить! – предложила Фани, прощаясь в коридоре, – ты хоть и младше меня, но вроде ничего.

Я заулыбалась и кивнула: «Давай». Мы распрощались довольные друг другом и договорились завтра утром вместе сходить на завтрак.

Вечером я еще раз помыла голову и искупалась. Развесила платья в шкафу, расставила по полкам немногочисленные учебники, приготовила тетради и карандаши.

Фани сказала, что завтра будут лишь вводные лекции, ничего серьезного, и вообще она не учиться сюда приехала, поэтому на лекциях будет лишь делать вид, а на самом деле выискивать симпатичного парня, который поведет ее под венец. Папаня специально настаивал на том, чтобы она ночевала в школе, хотя у них огромный особняк в столице, якобы для того, чтобы ничего её не отвлекало от поисков будущего мужа.

Смешная она, подумала я, забираясь под одеяло и с наслаждением растягиваясь на вкусно пахнущей лавандой простыне. И засыпая, повторяла без конца: «Милостивые Божички, пусть все будет хорошо, пусть никто не узнает как можно дольше, пусть...»

Утром в столовой было гораздо больше народу. Если бы не Фани, которую пришлось ждать почти час, я бы позавтракала раньше, столовая открывалась в семь. Но девушка слезно умоляла ее подождать, и я сидела на стуле, в точно такой же комнате, как у меня, и весело наблюдала, как она прихорашивается перед зеркалом.

– В школе обязывают носить только форму, зато драгоценностей можно навешать сколько угодно, – хихикала она, натягивая на палец

очередное кольцо. Уши, шея, запястья и волосы уже переливались и сверкали самоцветами.

Я опять набрала полный поднос еды: кашу, блинчики, блюдце с медом, травяной чай и два воздушных пирожных, Фани ограничилась чаем с малюсенькой булочкой.

– Я ужасно быстро толстею, – вздохнула девушка, жадно рассматривая мой поднос, – стоит только понюхать пирожное, тут же прибавляется лишний килограмм. Вот выйду замуж и перестану себя ограничивать.

Представляю, как удивится ее будущий муж, однажды обнаружив в доме пышку вместо стройной симпатичной девушки. Хмыкнула и решила, что это не мое дело. Принялась за еду, наслаждаясь каждым кусочком. Не скажу, что в доме Марты мы голодали, но пирожных со взбитыми сливками или каши с волосскими орешками у нас, конечно, не было.

Фани отщипывала по крошке от булочки, вертела головой, высматривая потенциальных кавалеров. И было из чего – народу в столовой с каждой минутой прибавлялось. Большая часть столов уже были заняты. И да – девушек было гораздо меньше парней.

– Вон-вон, смотри, как тебе? – периодически шептала Фани, я бросала взгляд в сторону, куда она указывала, одобрительно кивала или насмешливо фыркала, когда уж попадался совсем никудышный экземпляр. Мне было не интересно, гораздо больше интересовал завтрак.

В очередной раз подняв голову я вдруг встретила глазами с пристально смотревшим на меня парнем, сидевшим за два прохода от нас, у окна. Мимо воли я залюбовалась – парень был поразительно красив. Благородная голубая кровь проявлялась во всем – тонких чертах лица, словно вырезанных талантливым скульптором, волевом подбородке с ямочкой, ироничном изгибе губ, ярко-синих выразительных глазах, самоуверенно взирающих на нас, простых смертных, широких плечах, гордой посадке головы. Темно-синяя форма школы ему несказанно шла, особенно в комплекте с белокурыми волосами. Он сидел за четырехместным столиком вместе с еще одним парнем и двумя девушками.

– Куда ты смотришь? – поинтересовалась Фани, оглядываясь. Я, очнувшись, испуганно опустила голову и принялась ковырять

пирожное. – Ну ты даешь, детка! Эти женихи точно не про нас!

Я смущенно кашлянула и перевела глаза на Фани, из всех сил стараясь смотреть прямо, все еще чувствуя щекой пристальный взгляд.

– Почему? Ты их знаешь? – небрежно поинтересовалась, пряча заинтересованность.

– Кто же их не знает! – хохотнула девушка. – Блондин арий Хорн, шатен арий Зорг, два самых влиятельных и благородных студента.

Я на секунду задумалась, вспоминая. Зорг, это тот, кто повелевает силой земли. Хорн... Род, потерявший силу видеть истину. Значит, его отец – верховный судья, тот, кто подписал моему отцу смертный приговор.

– Зорг на пятом курсе и скоро женится, ждет лишь окончания школы, – продолжала Фани. – Они с арией Сорти с детства помолвлены, даже учиться поступили вместе. Он с ней не расстанется, так что здесь все глухо. Торус Хорн, – Фани мечтательно вздохнула, – перешел на третий курс. Он самый красивый мужчина в королевстве. За ним бегают все наследницы. Вон одна из них сидит рядом. Так и жаждет нацепить на палец помолвочное кольцо, но пока мимо. Говорят, что с детства он был помолвлен, но потом семьи Хорнов и Маро рассорились, и он опять один. Теперь арии Нурв пытаются договориться с верховным судьей соединить судьбы их доченьки и наследника Хорнов.

Нурв. Я покопалась в памяти. Очень давно они умели создавать иллюзии. Сила их рода была, скажем так, более развлекательная. Дальние предки служили королевскими шутами. Больше ничего припомнить не удалось.

– Ария Оттана Нурв, та еще стерва, – продолжила говорить Фани, слегка понизив голос, – клянется, что захомутает Торуса еще в этом году.

Я с трудом подавила в себе желание взглянуть в сторону их стола. Девушек я не разглядела.

– Откуда ты всех знаешь? – Фани на меня посмотрела, как на несмышленного ребенка.

– Я всю жизнь жила в столице и за последние два года не пропустила ни одного бала, – победно заявила она, – а вот ты из какой дыры приехала? Их фото в каждой маломальской газетенке печатают. Хорн так вообще фигурирует почти во всех скандальных хрониках.

Я даже не успела ничего придумать вразумительного. На стол упала длинная тень и над моей головой раздался высокомерный голос.

– Как тебя зовут? – я вздрогнула и подняла голову, возле нашего стола стоял тот самый блондин, знаменитый арий Торус Хорн, и вблизи он выглядел еще лучше, чем издалека. – Кто тебе разрешал на меня пялиться?

Сначала я подумала, что он обращается к Фани. Это она привлекательная девушка, с идеальной прической, женственной фигурой и сапфирами в ушах. Но нет – он смотрел прямо на меня, не отрываясь. Я смутилась и с перепугу затараторила:

– Вы тот самый арий Зорг? Сила рода земли? Я столько о вас читала! – стараясь влить в слова побольше восторга, я несла сентиментальную чушь. – Вы волшебник! Умеете управлять землей, скалами. Я и не мечтала, что увижусь с вами когда-нибудь.

С лица блондина сползла нахальная самоуверенность. С каждой моей фразой его все больше перекашивало. Так ему и надо. Пялюсь, понимаете ли! Да я смотрела от силы пару секунд. Кто еще пялился!

– Это я... Я Дарий Зорг, малышка, – весело произнес подошедший парень чуть старше, тот самый шатен, что сидел столиком. Я тут же перевела восторженный взгляд на него, позабыв о Хорне.

– О, простите! О вас столько всего говорят, – лепетала я, самозабвенно строя из себя провинциальную дурочку, – вы умеете вызывать к почве, делать плодородной даже пустыню. А в прошлом году раздвинули землю, создав длинный водоносный канал, ведущий к засушливым восточным территориям. Настоящий подвиг.

Краем глаза я отметила, как не нравится блондину происходящее, как его коробит от внимания, направленного не на него.

– Ладно, ладно, – поднял руки Зорг, прерывая мой поток восхвалений, – я понял, что ты мной восхищена. Ты первокурсница?

Я кивнула, улыбнувшись. На самом деле если я и преувеличила свои восторги в отношении Зорга, то ненамного. Мое восхищение было искренним. Его род один из немногих, кто преданно и добросовестно служит на благо нашего королевства на протяжении сотен лет. Они не лезли в политику, не занимали высокие государственные посты, не были замечены в скандалах, не пытались свергнуть короля. Они тихо и мирно делали свою работу –

возделывали землю, прокладывали каналы, поворачивали вспять реки. Настоящие работяги.

– Не думал, что в школу начали принимать детей, – наконец процедил молчавший до этого блондин. – Сколько тебе лет, деточка?

– Достаточно для поступления, – произнесла я, нехотя переводя взгляд на ненавистного Хорна, сына человека, отправившего моего отца на казнь.

Красавчик недобро сузил глаза. Я молча смотрела ему в лицо, пытаюсь найти хоть какой-нибудь изъян, но кроме непомерной наглости недостатков не было. Что-то внутри меня, отвечающее за чувство прекрасного, трепетало от эйфории, разглядывая парня вблизи. Абсолютно все – волосы, лицо, фигура и рост, все было идеальным.

«С него бы статуи в храмах лепить», – подумала отрешенно.

В глазах Хорна мелькнула насмешка, а губы изогнулись от понимающей ухмылки. Я мгновенно очнулась, заставляя себя отвести взгляд. Надеюсь, он не подумал, что я наивная пустоголовая дурочка, одна из его поклонниц?

Увы, посмотрев вокруг, я опечалилась – Фани тоже зачарованно открыла рот и смотрела на Хорна, словно тот сошел с небес к нам, простым смертным.

– Твое имя такая тайна или ты потеряла дар речи от восхищения? – его голос приобрел бархатные нотки. У меня от стыда заалели щеки.

От полного позора спасло прибытие двух красавиц. Темноволосая сразу же собственнически взяла Зорга под руку, наверное, та самая Сорти, его невеста. Другая, единственная из всех одетая не в форму, а в красивое расшитое серебряной нитью платье, стоившее, по-моему, как год обучения, окинув нас с Фани пренебрежительным взглядом, заявила:

– Что вы здесь забыли? Здесь нет ничего, достойного нашего (она выделила это слово) внимания. – Потом повернулась к Хорну и, томно растягивая слова, промурлыкала. – Пойдем, дорогой. Мне еще нужно переодеться и зайти к коменданту. В моей комнате дурно пахнет.

Мужчины позволили девушкам их увести. Я облегченно выдохнула – не раскрыли. Разговор вымотал. Не к чему мне такое

внимание. Совершенно не к чему. Я, конечно, понимала, что рано или поздно, все узнают мой род, но хотела еще немного пожить спокойно.

– С ума сойти, – отмерла, наконец, Фани, – я разговаривала с Зоргом и Хорном, невероятно!

«Допустим, не разговаривала, а молчала», – мысленно поправила я ее.

– Подружки не поверят! – продолжала она восторженно. – В первый же день в школе познакомиться с двумя самыми знаменитыми студентами! Нужно рассказать отцу. И маме. И сестрам. Теперь на меня обратят внимание и другие парни. Они же видели, как к нам подошли два ария? – это уже ко мне.

– Может, лучше пойдем на лекцию? – попыталась вразумить я девушку, уныло бросив взгляд на огромные бронзовые часы, висящие над дверью столовой. – Пять минут осталось, а нам еще аудиторию искать.

Мы встали и отнесли подносы.

– Как думаешь, все видели, что мы знакомы с Зорг и Хорном? – допытывалась Фани, пока мы шли по коридору, раз в пятый за последние пару минут.

– Видели, видели, – успокоила ее я.

– Значит, мы теперь на особом положении, от кавалеров отбоя не будет? – я пожала плечами. Что касается взаимоотношений с противоположным полом, я была дилетантом. – Или нам нужно их подтолкнуть? Если что, я выбираю первая. Тебе все равно еще рано, можешь немного подождать. И все-таки почему они к нам подошли?

– Не знаю и знать не хочу, – устало ответила я. От бесконечных вопросов Фани голова шла кругом. Страшно подумать, что будет, когда она действительно начнет с кем-нибудь встречаться.

Мы сели на последнем ряду. Первокурсников было человек сорок. Я пересчитала – пятнадцать девушек и двадцать пять парней.

– Хороший расклад, – прошептала Фани, склонившись к моему уху.

Большая часть студентов казались взрослыми. Лишь я и еще парень, сидящий на первой парте, выглядели, как малолетки. Кстати, очень примечательный субъект. Цвет формы немного отличался от всеобщей, сидел ровно, словно шомпол проглотил, ни с кем не

разговаривал, смотрел прямо перед собой, как не живой. Справа от его парты, у стены, замерли двое громадных мужчин, одетых в черное.

– Кто это, там внизу, за первой партой, справа? – в конце концов, не удержалась я.

– Бог мой! – воскликнула приглушенно Фани, подскочив на стуле. – С нами будет учиться сам наследник!

– Кто? – решила, что ослышалась.

– Его высочество арий Эдвард Рем, младший сын короля, – пояснила Фани и добавила благоговейно, – как же мне повезло, я и не представляла, что такое может случиться, ведь он совсем юн, шестнадцать исполнилось в прошлом месяце. Я даже была на балу, посвященному этому событию. Правда, принца так и не увидела. А сейчас мы с ним будем сидеть на одной лекции! Теперь точно все обзавидуются.

Фани затихла, переваривая невероятное событие. Я же трусливо поежилась от внезапного озноба. Как я буду смотреть в глаза его высочеству? Я дочь человека, убившего его старшего брата, пытавшегося убить его отца и захватить трон. Боги! Что за невезение. Сначала эти двое, Зорг и Хорн, удостоили аристократическим вниманием, теперь наследник будет учиться вместе с нами. Многовато событий за одно утро. Осталось только узнать всем мой род и день удался.

«Как в воду глядела», – простонала мысленно я, увидев секретаря директора, входящую в лекционный зал. От нее я уже точно ничего хорошего не ожидала. Почему она меня невзлюбила? Что ей сделал мой отец? Я-то еще не успела...

– Уважаемые студенты, – женщина положила папки на тумбу и обвела всех пристальным взглядом, – вводную лекцию должен проводить арий Китеп, но его срочно вызвали во дворец к королю. Я его замену.

Далее она рассказала о том, как и кем была основана школа, какое прекрасное образование она дает, сколько студентов, закончивших ее, стали знаменитыми государственными деятелями, учеными и изобретателями. Странно слышать эти пафосные слова, так как простые люди здесь не учатся, они просто не могут себе этого позволить. Так, где же заслуга самой школы? Сюда изначально

поступают лишь богатейшие отпрыски. Они и становятся знаменитыми. Двойные стандарты.

Я слушала, как король благоволит выпускникам, и всем, кто закончит пятый курс, автоматически будет предложен высокий пост.

— Для студентов разработана специальная программа поощрения, — продолжала женщина. — Каждый год по итогам экзаменов будет отобран лучший студент и лучшая студентка. Они будут награждены специальной грамотой, и после пятого курса смогу сами выбирать пост из списка предложенных.

Потом напомнила, что правила школы висят в каждой комнате на стене. Их должны прочитать и знать все. Я сделал это еще вчера вечером. Три несчастные строчки. Немного правил для самого знаменитого учебного заведения королевства.

Каждый студент является неприкосновенным. Если он оплатил курс, то никто не сможет его исключить. Есть только две причины. Первая — если он совершит убийство. Вторая — если он не сдаст две сессии подряд.

Все студенты равны. Все живут в одинаковых комнатах, носят одинаковую форму и питаются в одной столовой. Никому не оказываются аристократические или другие предпочтения. Здесь я скептически улыбнулась. Никто не запретит высокородным унижать тех, у кого нет титула. И этого не изменить. Сильные всегда унижают слабых.

И третье — если студент надумает по каким-либо причинам покинуть школу или после исключения по его вине, уплаченные за учебу деньги не возвращаются. Ну здесь я бы вообще не переживала. Вряд ли я захочу покинуть такое хорошее место.

Да, было еще одно правило, скорее приписка мелким шрифтом — школа закрывается на два летних месяца. Все студенты должны покинуть ее на этот срок.

— А теперь давайте знакомиться, — я очнулась от раздумий и с опаской уставилась на женщину, стоящую за лекторской тумбой. Приплыли.

Герра Милена раскрыла толстый журнал и принялась называть имена студентов в алфавитном порядке. Названные поднимались. Кто вежливо кланялся, кто не удостоивал общество даже кивком. Я с

ужасом ждала, когда назовут мое имя, почти не запоминая тех, кого уже называли.

– Студентка Дениза Крей, – я медленно поднялась с лавки. Обвела взглядом аудиторию. Большинство обернулось, с интересом глядя на новое лицо. Я видела, как интерес в их глазах постепенно сменяется на подозрение, потом на понимание и потрясение.

Женщина тянула паузу, не спеша назвать следующего студента, специально давая всем время на осознание того, кто я такая.

«Это точно она?», «Та самая?», «И как она только посмела?», «Откуда у нее деньги на школу, ведь их род лишили всего?», «Дочь изменника» ... Шепотки становились все более громкими, уколы все более болезненными. Заметив, как Фани быстро собирает тетради и пересаживается на соседнюю парту, я гордо вскинула подбородок, обвела зал пристальным взглядом, коротко поклонилась и села на место.

– Арий Натаниель Фархис, – произнесла Мили, еще один студент встал.

Я ничего не видела, в ушах стоял гул, сердце колотилось, как ненормальное. Весь мир сейчас для меня сосредоточился на темно-синем вензеле школы, нарисованном на титульном листе тетради.

Не моргая, распахнутыми сухими глазами я бессмысленно тарасилась на него, ощущая тот же самый дикий холод и бесконечный страх, какой пережила четыре года назад. Словно это случилось лишь вчера.

После моего дня рождения папа сразу же уехал в столицу. Он возглавлял компанию по строительству железной дороги, что неудивительно, так как металл в его руках был послушным и ласковым. Мы с мамой остались дома. Через месяц пришло сообщение, что папу арестовали за организацию переворота, убийство наследника престола и покушение на короля. Вскоре должен был состояться суд. Мама сразу же собралась и отправилась в столицу. Я со слугами осталась в поместье и принялась ждать новостей.

Не случится ничего плохого, уговаривала я себя. Это какая-то ошибка, недоразумение. Слишком неправдоподобно. Мой прекрасный добрый щедрый отец и вдруг измена? Убийство?

Наивный самонадеянный ребенок, верящий в чудеса.

Мы сидели как на иголках и могли лишь из газет узнавать новости. На суде папу и еще нескольких человек признали виновными и приговорили к смерти через повешенье. А потом приехала мама...

Она постарела сразу на двадцать лет. От красавицы, которой я восхищалась, не осталось и следа. Бледная кожа, искусанные в кровь губы, трясущиеся руки. Мы со слугами не могли добиться от нее ни слова. Мама молча зашла в свою комнату и больше из нее не выходила.

А еще через неделю в городок прибыл отряд королевских стражников. Они окружили наш замок, согнали всех вниз, в главную гостиную, и зачитали королевский указ. Тогда я узнала, что король лишил нас дворянства, всех поместий и денег. Нам было велено убраться из дома дословно «в том, что сейчас на них надето».

Нас вышвырнули на улицу вечером. Стояла середина осени, и пусть для настоящих холодов было слишком рано, ночью подмораживало, а лужи затянуло тонким хрупким ледком. Я была одета в домашнее бархатное платье и шелковые туфли, которые мгновенно промокли, стоило выйти во двор. Мама же вообще была в пеньюаре и тапочках, так как гвардейцы подняли ее из постели.

Мне было безумно страшно. Я тащила маму в городок, до него было несколько миль, там жила мамина подруга, жена знаменитого ювелира. Она часто бывала на наших балах, а ее муж с моим папой были хорошими партнерами. Я надеялась, что они нас приютят. Наивная. Они даже не вышли на порог, послали слугу, чтобы тот прогнал нас.

Я повзрослела за один день, точнее за вечер. Я бегала, стучалась в каждый дом, но никто нам не открыл. Пропали многочисленные друзья папы, куда-то делись торговцы и просители, оббивавшие пороги нашего дома, оказались не дома приятели и просто знакомые, регулярно посещавшие наши балы.

Было дико холодно. Я страшно устала, мне хотелось лечь на землю и заснуть, мама уже так и сделала, мне не хватало сил поднять ее, я могла только тормошить. Она была словно неживая. Тогда-то нас и нашла Марта.

Она отвела нас к себе. Дом стоял у леса, был небольшим, одноэтажным, внутри было пыльно, темно и странно пахло, но, когда мы вошли в него, мне он показался самым уютным на свете. Марта объяснила, что дом долго пустовал, так как она жила вместе с нами в

замке, но здание еще крепкое и крыша хорошая. А еще в доме есть печка и немного дров.

Мама угасла быстро. Мы обе простудились, когда бродили по городку в поисках пристанища. Мне через несколько дней стало лучше, помогли нянюшкины отвары и настойки, мама же не желала ничего ни пить, ни есть. Она лежала, уставившись в потолок с открытыми глазами, и молчала. Я плакала, звала ее. Все без толку – она не хотела жить.

Однажды утром она просто не проснулась. Мы похоронили ее на местном кладбище, в первый день последнего месяца осени. Меньше чем за два месяца я потеряла родителей, дом и свою беззаботную богатую жизнь.

И словно мне еще было недостаточно горя, через два дня после похорон мамы случилось еще кое-что. Как-то вечером Марта зашла в комнату и заявила, чтобы я собиралась в дорогу. И быстро.

– В городке появились странные люди, – пояснила няня, – они ищут бывших владельцев поместья. Особенно их интересует девочка, дочь казненного Фредерика Крея. Меня предупредила соседка, она сегодня была на рынке.

Мы покинули городок под покровом ночи, взяв с собой только необходимую одежду и деньги. На севере страны, почти у самых Синих гор, у Марты пустовал маленький старый домик, достался он ей от родителей. Скорее всего, он нежилой, сокрушалась Марта виновато, последний раз она была там около пяти лет назад. Но лучшего способа исчезнуть, она пока придумать не может.

Дорогу я запомнила плохо. Мы шли пешком, ехали на попутках, ночевали на постоялых дворах, сеновалах, а когда не везло – в лесу, у костра. Была зима, я тяжело заболела. Сказалась первая, не до конца вылеченная простуда, смерть папы и мамы и бесконечный тошнотворный страх, изматывающий хуже любой хвори.

Марта потом мне говорила, что уже и не надеялась, что я поправлюсь. Я не помнила, как мы добрались до ее хутора, не помнила, как она меня лечила и чем, не помнила, когда кончилась зима. Я слишком долго балансировала между жизнью и смертью, слишком долго пребывала в своих жутких кошмарах, поэтому, когда выздоровела, прежней уже не была.

В столовую я шла под прицелом десятков ненавидящих взглядов, стараясь держать голову прямо и не споткнуться. Ария Дениза Крей, дочь ария Фредерика Крея ни за что не опустит ее. В моих жилах течет древняя голубая кровь, пусть у меня отобрали родителей, титул, поместья, они не могут отобрать магию повелевать металлами. Не могут отобрать чувство собственного достоинства.

Аппетита не было совершенно, но я упрямо загрузила поднос вкусностями и села за последний столик в углу. Первый день самый тяжелый. Главное его пережить, дальше будет легче, все привыкнут, новость обо мне не будет казаться такой шокирующей.

Вдруг на мой стол приземлилась свернутая в узел салфетка. Я вскинула голову. За соседним столиком, через проход, нагло улыбался темноволосый юноша, сворачивая вторую. Я испуганно опустила глаза. Мгновенье – и с другой стороны прямо в тарелку с супом плюхнулась половина пирожка. Брызги разлетелись по столу и попали на платье. Я сжала зубы. Снаряды все чаще и чаще атаковали мой стол из всех сторон. Салфетки, огрызки яблок, булочки... Я сидела, погребенная под горой мусора, словно оплеванная, и из всех сил старалась не расплакаться.

«Не дождутся! – решила я про себя. – Они ни за что не увидят моих слез!» Все самое страшное в жизни со мной уже случилось четыре года назад, а эти детские глупые шалости с едой, мне как комариный укус.

Гордо задрав нос, поднялась, отряхнула платье от крошек и грязных салфеток, отнесла поднос на раздачу. Не смотря по сторонам, усердно держа спину ровно, покинула столовую. И уже в своей комнате, заперев дверь на ключ, позволила себе упасть на кровать и разрыдаться. Обиднее всего несправедливость. Безнаказанная, жестокая, позорная. Почему? За что? Что я сделала? Мстить и жаловаться бессмысленно, приходится только смириться...

Неужели, я бы выросла такой же? Унижала тех, кто ниже меня по происхождению? Смотрела бы на всех свысока? Делала подлости? Если бы моего отца не арестовали и не казнили, если бы король не лишил нас титула и богатства, я бы стала такой как они?

«Может быть, – я грустно улыбнулась своему отражению в зеркале, застирывая платье в раковине, – а может, и нет».

Да, я была тем еще чудовищем в детстве. Избалованным и непослушным. Но я была любима родителями, я всем сердцем чувствовала их любовь и заботу. Да и папа вырос в богатой знаменитой семье, я не знаю, каким он был в юности, но в зрелом возрасте был справедливым, добрым, внимательным. Значит, и я бы переросла свои капризы. Просто это случилось быстрее, из-за горя.

Уговорив таким образом себя, я более-менее успокоилась. На ужин решила не идти. Еще одного унижения не переживу, да и красные опухшие глаза не дадут соврать, что меня не задевает направленная на меня всеобщая ненависть.

Проснувшись я рано, оделась в новую форму, так как старая еще не высохла, умылась, почистила зубы. В зеркале отразилось бледное узкое лицо с огромными испуганными глазами. Плюс был один – от слез не осталось и следа, но нужно что-то делать с затравленным выражением. Нет, смиряться я не собиралась. Если я не выйду на завтрак, а потом и на обед, то вскоре умру с голода.

У меня есть два варианта дальнейшего существования. Первый – я сейчас беру себя в руки, выхожу из комнаты, иду завтракать, потом на занятия и учусь изо всех сил. Второй – сдаюсь, бросаю школу. Еду назад на хутор и выхожу замуж за Колая. Терплю его грубые ласки и рожаю ему детей.

Наверное, в моем понимании, последнее было самым страшным наказанием. Глаза сверкнули злостью. Я сжала кулаки. Так-то лучше. Пусть только попробуют меня тронуть! Они увидят, на что способна Дениза Крей!

Первая салфетка прилетела справа. Я вскинула глаза – тот же парень, что и вчера. Он стал еще более наглым и самоуверенным. Бездна наказанность развращает? Я не стала дожидаться, пока в меня прилетит что-то еще.

Специально, производя как можно больше грохота, я встала, отодвинув стул. Зал притих. Я обвела столовую презрительным взглядом. Мимоходом заметила Фани, сидевшую с какими-то студентками, наследника с телохранителями, внимательно наблюдавшего за мной с ничего не выражающим лицом, вчерашнюю четверку ариев со своими девушками на том же месте, у окна. Торус смотрел на меня оценивающе, с легким любопытством. Я не задержалась ни на одном лице лишней секунды.

– Мне говорили, что в школе учатся отпрыски самых благородных семей королевства, – громко произнесла я, теперь даже те, кто не смотрел на меня, повернули голову, – воспитанные, образованные, с безукоризненными манерами. Но тем, кого я здесь вижу, больше подходит характеристика свиней. Лишь они разбрасывают еду и сеют грязь вокруг себя.

– Ты кого назвала свиньей?! – воскликнул парень, первым бросивший в меня салфеткой, – грязная простолюдинка!

Я холодно усмехнулась. Он что, действительно думает, что оскорбил меня, назвав простолюдинкой?

– Вы правильно приняли мои слова на свой счет, герр, – произнесла я, твердо смотря в его наглые глаза, – ни один простолюдин не будет бросаться едой. Слишком хорошо мы, простолюдины, – я специально выделила это слово, – знаем, как тяжело она добывается. А вот такие, как вы, вполне могут вести себя, как свиньи.

Парень разозлился. Он резко вскочил и двинулся в мою сторону. Я уже приготовилась защищаться, нащупывая рукой столовый нож, как вдруг со стороны окна раздался грозный рык:

– Хватит! А ну сел на место! – я повернула голову, Дарий Зорг встал и грохнул кулаком по столу. На секунду мне показалось, что здание школы содрогнулось. Словно по стенам и полу прошла мелкая дрожь.

– Дениза права, – продолжил он громко, – вы ведете себя не как благородные арии, а как дикари. Мне стыдно, что в школе происходит подобное. Если я еще раз увижу такую выходку, будете иметь дело со мной.

Зорг сел. Я тоже. Мои руки дрожали так сильно, что я не могла взять вилку. В конце концов, решив, что есть с грязного подноса мне не позволяет воспитание, я отнесла его назад, взяла чистый, поставила на него еще одну тарелку с кашей и отошла на свое место. Все это под прицелами ненавидящих взглядов. Словно ничего не произошло, я принялась неспеша есть, смотря строго в тарелку.

Постепенно столовая пустела. Студенты шли на занятия. Мне тоже было пора, но я все никак не могла решиться встать. На самом деле я страшная трусиха. Смелость и решительность, проявленные мной недавно, были совсем не свойственные моему характеру. Это

скорее вынужденная мера, вспышка отчаянья. Я всегда была спокойной, тихой и робкой. По крайней мере, последние четыре года.

– А ты сообразительная, быстро нашла защитника, хоть и притворяешься робкой мышкой, – я повернула голову – Торус Хорн опять возвышался над моим столом. На красивом холеном лице застыла насмешливая гримаса. – Ты во всех сферах такая ловкая и изворотливая?

«О чем это он?» Я непонимающе нахмурилась.

– Я не прочь проверить твой опыт, – в голубых глазах блеснуло что-то странное, пугающее, – ты же знаешь, в какой комнате я живу?

Наконец, до меня дошло. Я покраснела от негодования. Мне хотелось сказать что-то грубое, обидное, оскорбительное, подобное его гнусным словам. Из всех сил подавив гнев, решив, что достойным ответом будет равнодушие, ответила:

– Вы куда-то шли, арий Хорн? Вот и идите дальше, – отвернулась и начала ровненько складывать на поднос приборы и салфетки, словно важнее этого занятия нет ничего на свете.

Несколько секунд стояла тишина. Потом я услышала тихое:

– Гордая, значит... – Хорн хмыкнул, – в твоём положении гордость это совершенно лишняя черта характера. Ты могла бы далеко пойти, избавившись от нее.

– Мне далеко не нужно. Предпочитаю оставаться на своём месте, – я взяла поднос и понесла его на стойку. Хорн что-то пробормотал в спину, я не услышала или не захотела. И без его слов настроение было вконец испорчено.

После утреннего события со мной прекратили явно задираться. Я словно перестала существовать, стала изгоем, неприкасаемой. Я решила, что так даже лучше. Ничего не будет мешать учебе, а именно для этого я приехала сюда. Учиться.

Я и училась. В аудиториях всегда садилась за последнюю парту в последнем ряду. Вокруг меня сразу же образовывалась зона отчуждения. Словно одно мое дыхание было заразно. Лекции и практические занятия по общим предметам происходили вместе с парнями. Кроме них были еще особенные предметы. Для девушек отдельно, для юношей отдельно.

Прочитав расписание, я удивилась. Что может быть такого секретного, чтобы обучаться отдельно? На первом же уроке госпожа Нарана, учительница домоводства, пояснила:

– Мальчики будут учиться военному искусству, их занятия спортом будут более насыщенными, чем ваши. Так же в их программу включена более интенсивная верховая езда, владение всеми видами оружия. Вы же освоите азы лекарского искусства, искусство ведения домашнего хозяйства, флористики, рисования, музыки.

– Зачем нам уметь лечить? – воскликнула одна из девиц, по моему, какая-то ария. – У нас столько денег, что мы можем купить любого лекаря и не одного.

– Пока вы пошлете за лекарем, пока он приедет, пройдет время, – терпеливо пояснила Нарана, – а случаи бывают разные. Вдруг ваш маленький сынишка проглотит шарик или случайно поранится? У вас будет минута, чтобы оказать ему необходимую помощь. Хорошая жена и мать должна знать и уметь все, не только вести дом и выглядеть красиво, – припечатала она строго, и даже у арии не нашлось возражений.

Профессор Нарана была милой и приятной. На нее хотелось смотреть, ее голос хотелось слушать. Красивое ухоженное лицо, манеры истинной леди, безупречное платье, плавная походка. Именно такой, по моему разумению должна быть счастливая женщина, домохозяйка, любящая и любимая жена, мать. Не знаю, ее способность нравиться всем была врожденной, или она ее приобрела за многие годы преподавания, но все первокурсницы восхищались ею, и я была не исключением.

А главное, узнав мое имя, она даже бровью не повела. Относилась ко мне так же ровно и доброжелательно, как и к другим студентам.

Ее предмет и еще математика стали для меня самыми любимыми.

После первого вводного урока по арифметике я подошла к профессору Лейбнику и робко поинтересовалась, когда нас будут учить родовой магии. Полный лысоватый мужчина громко расхохотался. Я нахмурилась, собираясь обидеться, но он вытер слезы в глазах и добродушно произнес:

– Уважаемая герра Крей, владеющих родовой магией сейчас в школе ровно два человека. Вы и арий Зорг, который учится на

последнем курсе. Если вы думаете, что для одной вас директор организует отдельные лекции, вы ошибаетесь.

– Но как же тогда мне... – я понуро затихла.

– Само-сто-ятель-но! – по слогам произнес профессор, подняв указательный палец. – В библиотеке вам выдадут любые книги, берите, изучайте, экспериментируйте, – он опять хохотнул, – только тихонько, чтобы никого не покалечить, а то знаю я вас, молодых магов.

После этих слов я прониклась к профессору математики безграничным уважением. Остальные учителя были не столь симпатичны. Ботанику и природоведение преподавала аскетичная хмурая женщина, она цедила сквозь зубы и никогда не улыбалась. Географию – молодой мужчина, почему-то сразу же меня невзлюбивший. Ну да ладно, я сама географию не слишком уважала, так что это было взаимно. Литературу читала пожилая женщина, лебезившая перед ариями и холодно разговаривавшая с остальными, не столь благородными студентами.

Возможно, я бы полюбила чтение, но у нас с Мартой не было книг и купить их было не на что, да и негде. Няня постоянно сокрушалась, что мы ничего не взяли, когда убегали, у нее там была хорошая библиотека, особенно учебная. Поэтому обучала она меня по памяти.

Физику и химию вел один человек – профессор Руперт Гаарон. С этими предметами у меня сразу наметились большие проблемы, так как Марта ничего мне о них не говорила. Но я не была одинока в своем невежестве, так как большинство студентов об этих предметах узнали в первый раз. Профессор заверил нас, что углубляться в них мы не будем (все облегченно выдохнули), химию будем изучать один год, а физика вскоре трансформируется в астрономию и естествознание. А на последних курсах нас ждет вообще разделение. Кто захочет, будет изучать физиологию и анатомию, другие, скорее мужчины, навигацию и механику, и так далее.

Уроки мне показались легкими. Две лекции по полтора часа до обеда, и два практических занятий по часу после. И все свободны. Большинство студентов уезжали в столицу, где жили у родителей или в собственных домах. Мои окна выходили на порт, поэтому после трех часов пополудни я наблюдала вереницу шикарных карет, выезжающих из школы. Несколько раз даже видела паромобили. Это было новейшее изобретение, мой отец участвовал в разработках еще когда строил

железную дорогу. Они ехали медленно, страшно чадили, но стояли как десяток карет вместе взятых. Скорее, это был статус, а не удобство.

Как же сейчас я была рада, что Марта не бросила меня учить после того, как мы поселились на хуторе. Иногда, после тяжелого дня на огороде, чистки сарая или дойки коз, я падала без сил, не способная даже умыться. А Марта каждый вечер заходила ко мне в комнату, упорно заставляя повторять квадратные корни и правила правописания. Зимой, когда работы было меньше, мы изучали алгебру и геометрию.

А выходя с няней в лес за хворостом, я перемножала в уме двузначные числа, выкрикивала названия рек, озер и городов королевства, играя с ней в слова. Несколько недель проучившись в школе, я стала понимать, каким прекрасным учителем была моя бывшая няня, гораздо лучше некоторых профессоров, преподававших здесь. У нее не было семьи, детей. Я стала ее семьей.

Она отдала мне всю себя, без остатка, до самого донышка, баюкая мои ночные кошмары, рассказывая сказки, отвлекая от тяжелых воспоминаний. Я так и не сказала ей, что в своем сердце я давно называю ее мамой.

Приеду на каникулы и обязательно скажу. А пока решила написать письмо. Не знаю, дойдет ли, но попытаться стоило. После того, как открыли железную дорогу, в поселке появился почтам, а наш сосед, регулярно ездящий на ярмарку, забирает все письма для хутора.

Медяков оставалось совсем немного, но для одного письма, думаю, хватит.

Да, еще одна проблема и очень серьезная – где достать денег? Форму, проживание и питание мне предоставляет школа. Но есть личные нужды – белье, заколки или та же отправка писем. Впереди зима, не думаю, что школа выдаст шарф или варежки.

Я взяла листок и принялась перечислять способы заработка, доступные мне. После часа бесполезного пыхтения над списком я со вздохом отложила листок. Не густо.

Работу в трактирах я отмела сразу. Вряд ли меня кто-нибудь возьмет, слишком худая и мелкая. А если и возьмут, то сталкиваться с подобными Колаю мужчинами буду довольно часто. Брр. Я вспомнила предупреждение Марты и поежилась.

Смотреть за ребенком? Ночью родители и так дома, получается, только на выходных? Кому понадобится такая странная няня?

Мести улицы? Стоять за прилавком? Я хихикнула, опять же ночью?

Стать компаньонкой старушке? Все не то!

Мне бы что-нибудь несложное, с возможностью работать в выходные, недалеко от школы. Ведь придется ходить пешком. Я посмотрела в окно. Вдалеке виднелись массивные высокие здания Шалира, окруженные кольцом зелени. Сердце сжалось от боли. Две недели назад, в день приезда, я пробежала столицу насквозь, не смотря по сторонам. Мне было страшно увидеть главную площадь, на которой казнили папу, поэтому в столицу я не ногой. Я перевела взгляд в сторону моря. Порт. Вот куда мне нужно.

Решив на ближайших же выходных отправиться на разведку, пошла в библиотеку. Пора браться за родовую магию. Чем раньше начну ее изучать, тем лучше.

– Все книги по интересующей вас вашей тематике находятся на стеллаже номер восемь в пятом ряду, – устало и как-то механически произнесла женщина-библиотекарь за стойкой. – Выносить из зала нельзя. Читать только здесь. Соблюдать тишину. Руки чистые?

Почтительно покивав в ответ на все требования герры Виолетты, я отправилась в недра библиотеки. Сколько же здесь книг! Тысячи и тысячи! Высоченные стеллажи, почти до потолка были заполнены до отказа. Рядом с каждым стояла приставная лестница. Номер восемь найти не составило труда. Только маленький он какой-то. Узкий и невысокий. И по сравнению с другими стеллажами смотрится бедненько. Я огляделась, все равно, чтобы перечитать даже эти книги потребуется огромное количество времени.

С чего же начать? Возьму, пожалуй, «Родовая магия. История» и «Основы языка морави. Том первый». Именно на нем говорил папа, когда творил заклинания. Забытый язык магов, обозначающий истинные названия вещей и предметов. Сейчас он никому не нужен. Все логично – нет магов, нет языка.

«История» показалась скучной, какие-то сказки, легенды, похожие на те, которые рассказывала няня на ночь. Тысячи лет назад магии было столько, что чуть ли не все люди были магами. Они умели

управлять огнем, водой, воздухом, предсказывать будущее, читать мысли и прочее, прочее. Я скептически хмыкнула – ну точно какие-то боги, а не простые смертные.

Каждый из магов считал себя сильнее и могущественнее другого, из-за этого происходили частые войны. Они истощили землю и в конце концов поставили людской род на грань вымирания. Тогда боги спустились на землю и увидели, к чему привели их дары людям. Они забрали магию у всех, кроме жителей одного глухого села в горах. Там жил самый миролюбивый и добрый народ, который не участвовал ни в войнах, ни в распрях. Кузнеца звали Крей, пахаря Зорг, знахаря Берг, мирового судью Хорн и так далее...

Я дочитала и отложила книжечку. Слишком сказочно и надумано. Какие-то боги, которых потом никто никогда не видел. Наш народ не слишком религиозен. В королевстве, конечно, есть храмы, но их мало и предназначены они лишь для брачных обрядов. Еще там по праздникам красиво поют и предлагают кушанья бедным. Я лишь однажды была в храме, в нашем хуторе его не было, Марта возила меня в городок. Вдоль стен там стояли какие-то каменные статуи, украшенные цветами, лиц я не разглядела. Но, по-моему, их было около тридцати.

Легенда совершенно не поясняет, куда сейчас девается магия? Боги снова приходили на землю, только мы этого не заметили?

Лучше займусь чем-то более полезным и целесообразным. Я открыла «Основы языка» и принялась переписывать в тетрадку алфавит. Анкр, Берг, Верт, Горн... Крей... И только когда добралась до своей буквы, я догадалась, что алфавит – это почти все названия родов с магией, по крайней мере тех, которых я знаю. И всего их тридцать две. Что бы это значило? Я отложила догадки на потом.

Далее шли правила орфографии и правописания. Я так увлеклась, что даже не заметила, как стемнело. Зал почти опустел, я потянулась, разминая ноющие мышцы. Еще немножко – перепишу эту главу и все.

– Привет, – к моему столу подошел Дарий Зорг и уселся напротив.

– Добрый вечер, арий, – искренне заулыбалась я. Мне нравился этот спокойный, уверенный в себе молодой мужчина. Он был не очень красив, с тяжелым подбородком и крупными грубоватыми чертами лица, но весь его вид выражал такое дружелюбие, честность и

открытость, что все мимо воли проникались к нему доверием. И я была не исключением.

– Принялась за изучение родовой магии? – он мельком посмотрел на разложенные книги. Я кивнула. – Похвальное решение.

– Я хотела вас поблагодарить за то, что вступились тогда, в столовой, – выдавила я через силу, отводя взгляд. Вспоминать тот эпизод было стыдно, но я не могла не выразить благодарность. А так как мы почти не пересекались, то раньше не было возможности.

Дарий отмахнулся, словно ему было неприятно.

– Не обижайся на них, – ответил он, – они просто избалованные детки и привыкли верить всему, что им скажут.

– Но ведь мой отец действительно организовал заговор против короля и пытался его убить, – тщательно подбирая слова, произнесла я, – его судили и казнили за измену. Королевский указ напечатали во всех газетах. Их ненависть объяснима.

Я смотрела на Дария и видела, как в его глазах мелькнула растерянность. Он молчал, пристально рассматривая свои ногти.

– Не все так однозначно, – в конце концов, неохотно выдавил он, – не стоит верить всему, что написано в газетах. Но, боюсь, этот разговор не к месту.

Я поняла, что пора менять тему, больше он мне ничего не скажет. Только вот сердце забилось, как сумасшедшее, питая вспыхнувшую надежду. Неужели?.. Боюсь даже предположить, что мой отец невиновен. Ведь я в самом деле ничего не знаю. Знаю лишь то, что папа уехал в столицу, а через месяц его казнили. От мамы я не добилась ни слова. А газеты... Верить им действительно неразумно.

– Сложный язык Морави? – простодушно поинтересовалась я. – Как думаете, за какое время я его выучу?

– Совсем не сложный, – улыбнулся Дарий, обрадовавшись вопросу. – Я тот еще бездельник и то выучил его за три года. Ты умненькая, тебе понадобится меньше. Тем более, до нас дошли не все слова. Большинство утеряно. Эти два тома почти все, что от него осталось. – И еще, – добавил он почти сразу, – советую пока сосредоточиться на контактных формулах.

– А что это?

– Ты же знаешь, что можно воздействовать на предмет, к которому ты прикасаешься или на тот, который находится на расстоянии? – я

кивнула. — Так вот. Формулы, позволяющие воздействовать на расстоянии, очень сложные. Нужно знать высшую математику, чтобы их применять. Досконально изучить геометрию, стереометрию, планиметрию. Мгновенно рассчитывать расстояния, трехмерное расположение предмета в пространстве, угол выброса силы и многое другое. — Дарий ухмыльнулся. — Мне проще. Я всегда знаю, где находится земля, чаще всего она у меня под ногами. Мне не нужно так сильно углубляться в математику. А вот для твоей магии она необходима.

Только после его слов я поняла, что делали в кабинете отца множество чертежей с геометрическими расчетами. Как жаль, что он ничего мне не рассказывал о своей работе. Не успел. Сначала считал меня маленькой. А потом его казнили.

— Верх мастерства, — продолжал Дарий, — это вытянуть на поверхность рудную жилу. Крей был виртуозом в этом деле. Мой отец работал с ним. Фредерик тянул жилу, а папа успокаивал землю. Подобная работа — это всегда насилие над природой, но она очень дорого оплачивалась. Самое трудное в родовой магии — это работать на расстоянии, особенно тогда, когда не видно предмета воздействия. Для этого нужны сложные расчеты.

Было ужасно интересно. Я подперла щеку ладошкой, слушала Дария и вспоминала, как однажды подглядывала за гостями на балконе. Мне тогда было семь. Бал был в честь дня рождения мамы. Папа подошел к ней, держа в руках золотой слиток. И тут зал замер. Из слитка начал появляться росток, он медленно тянулся в высь, на стебле распускались листики, произрастали маленькие колючки, а затем... Бутон. Сначала крошечный, он постепенно наливался, разбухал, и вдруг раскрылся золотыми лепестками. В руках у папы была немыслимо прекрасная золотая роза. Зал взорвался овациями. Мама даже заплакала от счастья. Это было настоящее чудо.

На следующий день я расспрашивала папу об этом заклинании. Хотелось самой что-нибудь подобное сделать. Но папа только отмахнулся. Сказал, что оно очень сложное. Нужно было правильно рассчитать размеры цветка, скорость произрастания соизмеримую с весом слитка. Причем на каждый этап роста были свои собственные слова и расчеты. Очень сложные расчеты. Чтобы сделать этот цветок

он просидел две недели за чертежами. Только сейчас я начала понимать истинную суть его работы.

– Какая идиллия! – над нашими головами раздался насмешливый голос, я подняла взгляд и мысленно застонала – к нам пожаловал любимец всех девушек школы, сам арий Торус Хорн. – Твоя невеста заждалась, Дарий. Ты отправился на пять минут занести книгу в библиотеку и пропал на полчаса.

– Ой! – хмыкнул маг земли, вытаскивая из-под полы сюртука небольшую брошюру. – Я и забыл про нее. Сейчас сдам.

Дарий встал и поспешил к библиотекарше. А Хорн уселся лицом ко мне и начал бесцеремонно разглядывать, словно выискивая недостатки. Прошелся по верху скромного форменного платья, скользнул по шее, ушам, рукам, естественно, свободным от каких-либо украшений. Я с трудом подавила желание спрятать ладони под стол. Мои коротко подстриженные ногти не шли ни в какое сравнение с его ухоженными руками с маникюром.

– Оставь Дария в покое, – вяло растягивая слова произнес он, – если так нужен покровитель, то у меня есть на примете парочка не очень разборчивых парней. Им сгодится и такая, как ты.

На моем лице не дрогнул ни один мускул, но внутри все задрожало от ярости. Потрясающе красивый парень сидел напротив меня, а я удивлялась, как может такой привлекательный внешне человек быть гнилым внутри? Как уживаются в нем физическая красота и моральное уродство? Разве такое возможно?

Решив, что лучшей реакцией на его слова будет равнодушие, я опустила глаза и принялась, как ни в чем не бывало, дальше переписывать слова в тетрадку.

– Что это? – Хорн протянул руку и перевернул титульный лист книги, на пальце блеснул вычурный массивный перстень с темным камнем. Пижон, подумала я и ответила, не удержавшись от ехидства:

– Не думаю, что вам это будет интересно, арий.

Я заметила тот момент, когда он прочитал название книги. Его лицо окаменело, губы сжались, превратившись в тонкую полоску. Ага! Я нашла больное место великолепного ария Хорна! Потеря родовой магии предками сказалась на характере не лучшим образом.

– Думаешь, тебе это поможет выбраться наверх? – Хорн небрежно отшвырнул книгу, словно она была заразной. – Ты все равно

останешься бедной нищенкой, дочерью убийцы.

– Ну вам-то это не поможет в любом случае, – улыбнулась торжествующе. Как же приятно дергать хищника за хвост. Раньше не замечала за собой подобных рискованных желаний.

Хорн гневно вскочил, стул с грохотом отлетел в сторону. Студенты, еще оставшиеся в зале, удивленно обернулись.

– Попрошу не ломать мебель, – воскликнула герра Виолетта, приподнявшись за своей стойкой. К нам спешил Дарий, озабоченно переводя взгляд с меня на своего друга.

– Что здесь произошло?

Я невинно пожала плечами. Хорн же прошипел сквозь зубы:

– Эта девчонка много себе позволяет. Жалкая крестьянка, а гонору, как у арии.

– Ну, допустим, не жалкая, – постарался развеять напряженную обстановку Зорг и, не зная о чем был спор, необдуманно произнес: – У нее есть то, чем не могут похвастаться большинство ариев – родовая магия.

В тишине зала отчетливо послышался скрип зубов. Я смущенно потупила взгляд, надеясь, что мое лицо не слишком явно выражает злорадство.

– Ладно, пойдем, Тор, – произнес Дарий, поднимая валяющийся стул, – оставь Денизу в покое, ей и так немало досталось в жизни. Поужинаем в «Короне»? – и уже мне, улыбнувшись: – До встречи, Дениза. Учись прилежно.

– До встречи, – эхом прошептала я, проводя взглядом спину уходящего Зорга.

– Даже не мечтай! – вдруг со злостью прошипел Хорн, который по-прежнему стоял рядом. Я с удивлением перевела на него взгляд. – Тебе никогда не удастся заполучить Дария. Они с Сорти помолвлены с десяти лет. Даже если он якшается со всяким сбродом, это ничего не изменит!

Я глубоко вздохнула, отчаянно стараясь выглядеть невозмутимо. «Всякий сброд», значит. Сколько уже было таких вот болезненных укулов и сколько будет.

– Почему ты молчишь? – да что же он не отцепится никак? Оставьте меня в покое, арий. Я не хочу высокородного внимания, не

хочу ни с кем ссориться. Дайте мне спокойно проучиться пять лет и уехать восвояси.

Дарий уже дошел до двери, а Хорн все никак не двигался, ожидая моего ответа.

– Арий Зорг добрый великодушный человек, – произнесла я ровно. – В отличие от остальных студентов, он единственный, кто знает, что такое настоящее благородство. И если он и обращает на меня внимание, то лишь с бескорыстным желанием помочь и защитить. Я не питаю напрасных надежд в отношении него.

– Надеюсь, ты и дальше будешь так же благоразумна, – презрительно скривил губы Хорн.

Я чувствовала, что чаша моего терпения вот-вот переполнится. Еще немного, и я скажу что-нибудь действительно грубое.

– Тор, сколько можно ждать? – в открытую дверь читального зала заглянул Дарий. Хорн молча развернулся и зашагал к выходу.

– Библиотека закрывается! Всем сдать учебный материал! – громко заявила библиотекарь, я принялась складывать книги. С этими ариями так и не успела дописать главу.

За неделю я закончила переписывать первый том. По всей комнате были развешены листочки со словами древнего языка. Анкр – солнце, Берг – здоровье, Верт – огонь, Горн – ветер, и так далее. Как и следовало ожидать Крей – металл, Зорг – земля. Весь алфавит состоял из четырехбуквенных слов, которые производились из первых букв алфавита и означали буквально следующее: кром – слиток, дословно крей – металл, омок – кусок. Дадо – конец, так как дарт – смерть, дона – жизнь. Глаголы образовывали другую группу. Я решила пока учить те слова, которые относятся к моей магии металлов.

Одиночество в школе не тяготило меня. Я научилась быть незаметной. На завтрак приходила одной из первых, сразу после открытия столовой, а открывалась она в семь. Студентов, способных на такой подвиг, почти не было. Так что завтракала я в одиночестве. На обед – самой последней, перед вторым звонком на занятия. Ужинала так же перед закрытием столовой. Большинство учеников не ужинали, уезжали в столицу.

Но как я не пряталась, все же иногда случались проколы. Пусть меня не задирали открыто, помня о предупреждении Зорга, мелкие пакости все же устраивали.

– И где же она пропадала последние четыре года? После того, как Крея казнили и король лишил их род всего, о них больше никто не слышал, – громким шепотом произнес женский голос за спиной, достаточно громким для того, чтобы услышала я, и не только я. Мои плечи напряглись, ожидая гадости. Я почти не разбирала, что кладу на раздаче в тарелку, спеша унести поднос и сесть за столик.

– Бродяжничала? Попрошайничала? – хихикнул еще одна. Не буду оборачиваться. Не буду.

– Может, собой торговала? – предложила третья из девиц.

– Да кто на нее польстится? Ни фигуры, ни лица. Даже последний матрос побрезгует.

Наконец, парень впереди меня освободил проход, и я смогла сбежать. Щеки горели. Болтовню девиц слышали все, кто находился на раздаче. Почти ничего перед собой не видя, я села за крайний столик. Минут десять не могла прийти в себя, бездумно ковыряясь вилкой в салате. Когда сердце более-менее пришло в норму, а в ушах перестало звенеть, я разглядела что я все-таки ем.

В следующий раз, когда подобное произошло, я была готова. Едва услышав ехидный шепот за спиной, поставила поднос и развернулась. Неприятно кольнуло то, что рядом с тремя девчонками стояла Фани. Я смерила их вызывающим взглядом и произнесла:

– Если кому интересно, где я провела последние года, поясню, дабы избежать лживых домыслов. – Мой твердый звонкий голос разнесся по всей столовой. Я опять в центре внимания, ничего, привыкла. Фани же смущенно отвела глаза. – Я жила у тети на хуторе у Синих гор. Ее имя Марта Гаруба.

– Откуда мы знаем, что ты не врешь? – фыркнула одна из девиц.

– Не откуда, – согласилась я, – тогда позвольте узнать, откуда вы с таким уверенным видом утверждаете обратное? В школе учат выдумывать небылицы и выдавать их за правду?

Отвернувшись, я взяла свой поднос и пошла к столику. Хватит терпеть. Теперь я не оставлю без внимания ни единого лживого слова, ни единого грязного слуха.

В первый же выходной я отправилась на разведку в порт. Не рискнув выйти через главные ворота, я обошла школу со стороны моря, легко раздвинула толстые металлические прутья забора, и

выбралась, выровняв их после. Спустилась к воде и пошла вдоль набережной. До этого момента я любовалась морем из окна, сейчас же шла рядом с ним и наслаждалась каждым вздохом.

Море поразило меня. Словно огромное неповоротливое животное, оно бормотало что-то бессвязное, всхлипывало, сопело, а потом игриво смешно фыркало, как жеребенок, выплескивая солнечные брызги. Я влюбилась в него сразу и безоговорочно. В терпкий горьковатый запах. В непослушный ветер, играющий с моими волосами. В бесконечную синеву, уходящую за горизонт, вызывающую внутри безотчетное желание уплыть туда, далеко-далеко, забыв обо всем, начать жизнь с чистого листа в краю, где обо мне никто ничего не знает.

Громадные пароходы разгружались в доках. Издалека они казались игрушечными, вблизи же напоминали горы, нависающие над пирсом. Хотя было и раннее утро, в порту бурлила жизнь. Я с жадностью смотрела на кипевшую вокруг работу. Тюки, огромные мешки, ящики, клетки с животными. Бесконечное количество разнообразных грузов грузили на подводы с тягловыми лошадьми и сразу же вывозили из порта. Нескончаемым круглосуточным потоком товары шли в столицу. И дальше расходились по королевству.

«На это можно смотреть вечно, – мысленно подтолкнула я себя, – но так работу не найдешь». Отвернувшись и направилась вглубь льнувших друг к другу халуп и лачуг. Вскоре трущобы закончились и мне стали попадаться вполне приличные дома. Таверны, гостиницы, магазины. Все не то. Вот! Я увидела вывеску «Ювелир. Золото почти даром». Золото тоже металл, может быть, я смогу в чем-нибудь пригодиться.

– Вряд ли я смогу вам что-нибудь предложить, герра, – скептически произнес владелец лавки, окидывая меня цепким взглядом дельца. Хорошо, что я оделась в форму, да еще и приметный плащ школы накинула. По крайней мере, выглядела прилично.

– Но хоть в чем-то я могу пригодиться? – робко поинтересовалась я. – Мне очень нужна работа.

Немолодой мужчина выглядел rispetабельно, одетый в дорогой камзол с серебряными пуговицами, с ухоженными руками и напояженными волосами, он имел вид состоятельного коммерсанта. Но почему-то мне было не уютно рядом с ним.

– Говорите, вы из рода Крей? Сила рода – металл? – я кивнула. Странно, в его глазах я не увидела обычного презрения и брезгливости, наоборот, они алчно загорелись.

– Что вы умеете?

– Немного чинить металлические вещи.

– Шлифовать камни? – я отрицательно махнула головой. Он принялся загибать пальцы. – Огранка? Резьба? Чеканка? – моя голова опускалась все ниже. Ювелир тяжело вздохнул.

– Предлагаю вам подучиться, – произнес он через минуту, – приходите через год, я на вас посмотрю.

– Но что мне делать сейчас? – голос предательски дрогнул. Глупо было с нулевыми знаниями надеяться на какую-нибудь приличную работу. – Мне очень нужны деньги.

Видели бы меня сейчас папа или мама. Я, наследница рода, обласканная фортуной, родившаяся с золотой ложкой во рту, умоляет ювелира из третьесортной мастерской дать ей какую-нибудь работу. Я упрямо вздернула подбородок. Ни мама, ни папа не увидят этого, потому что их нет. А Марта поддержала бы меня. Она всегда говорила, что главное – выжить, а о честолюбии подумаем потом.

– Послушайте мой совет, герра, – в голосе ювелира мелькнуло раздражение, – через две улицы от меня в сторону порта находится кузнечная мастерская одноногого Кассана. Предлагаю попытаться счастья у него. Хоть вы и Крей, но я не готов платить вам деньги лишь за имя.

Кузница находилась в еще более неблагополучном районе. Два раза мне свистели в спину какие-то подозрительные субъекты. Один раз я вовремя отскочила от вылившихся сверху помоев. Звон ударяющего металла о металл я слышала издалека. На душе стало тепло. Чем ближе подходила к кузнице, тем настроение неуклонно повышалось, словно одна близость огромного количества металла наполняла меня силой.

Ворота кузницы были распахнуты. Внутри полным ходом шла работа. Кассан представлял собой колоритную личность. Огромный, как дом, с деревянной ногой, с ручищами толщиной в мою талию, с красным потным лицом, он лупил молотом по плоскому листу стали, лежащему на наковальне, выбивая фейерверк искр. Я несколько минут зачарованно наблюдала за действием.

– Заблудилась, деточка? – кузнец отложил молот и вытер пот мощной ладонью.

– Я ищу работу, – улыбнулась я. Почему-то в этот раз фраза слетела с губ легко и свободно. Мужчина хохотнул, будто мои слова его развеселили.

– И что ты умеешь? – вступил он в игру.

Я смело подошла ближе и взяла толстый прут, стоящий у наковальни, и свернула в бублик.

– Крей?! – восхищенно выдохнул кузнец. Я кивнула. – С ума сойти! У меня в кузнице живая легенда!

Впервые я увидела человека, который бы так открыто и искренне восхищался тому, что я ношу имя Крей. Он словно увидел что-то расчудесное. Глазам стало горячо. Я смущенно опустила голову, распрямила бублик и поставила прут в сторону.

– Девочка, – кузнец вытер руки о какую-то тряпку и подошел ближе, – дай посмотреть на тебя поближе.

Я подняла голову и посмотрела на мужчину, стараясь сдержать слезы. Его неприкрытое восхищение искренне тронуло меня. Так давно я не слышала добрых слов, давно не видела в чьих-то глазах такого обожания и восторга.

– Я всю жизнь работаю с железом, – произнес он, с улыбкой, – для меня имя Крей сравни божественному. Однажды в юности мне посчастливилось увидеть, как твой отец помогал строить ограждение на пирсе. Он гнул металлические листы и прутья голыми руками. Это было самое грандиозное зрелище, которое я когда-либо видел. Половина порта собралась посмотреть на это. Именно тогда я и решил стать кузнецом. Твой отец тогда учился в школе. Как и ты сейчас? – последнюю фразу он произнес вопросительно.

– Да, учусь, – хрипло ответила и поинтересовалась: – Так вы возьмете меня на работу? Я пока еще немного умею, но буду учиться изо всех сил.

– Конечно, возьму! О чем разговор! Для меня честь работать с наследницей Крея.

– И вас не смутит, что мой отец изменник? И нашу семью лишили титула?

– А зачем мне в работе титул? – удивленно заявил кузнец. – У нас в порту нет аристократов. В почете только умения и честность. Что там

произошло в Шалире никто толком не знает.

– Спасибо вам! – слезы все-таки потекли из глаз. Всхлипывая и совсем не по-арийски хлюпая носом, я попыталась вспомнить этикет. – Меня зовут Дениза, а как мне в вас обращаться?

– Ну-ну, не плачь, – мужчина заметался по кузнице, в итоге вытянул откуда-то какую-то тряпицу более-менее белого цвета. Протянул мне. Я вытерла слезы и попыталась пошутить.

– Женские слезы всегда срабатывают. Правда? – Мужчина хохотнул и протянул свою ручищу.

– Будешь звать меня папаша Кассан, так меня все кличут, – я решительно пожала мозолистую ладонь, хотя до этого момента ни разу никого так не приветствовала. – Ну а теперь покажи, что ты умеешь. Только аккуратно, не измажь свое красивое платье.

Металла в кузнице было много. Раздолье для такой, как я. В школе металлическими были только подсвечники и приборы в столовой. Ну и так, по мелочи – ключи, защелки, гвозди. Мебель деревянная, стены каменные. Здесь же я чувствовала себя в своей стихии. Починив несколько предметов и распылив на руду маленькую ржавую подкову, которую было не жалко, я извиняюще развела руками:

– Пока все, но вы мне скажите, что нужно, я найду заклинание в книге и выучу.

– Хорошо, я подумаю, – ответил Кассан, сразу превратившись в серьезного предприимчивого торговца, – будешь приходить по выходным, утром. И возьми сменную одежду, здесь бывает очень грязно. Платить буду процент от работы, – я радостно кивнула. Мы еще немного поговорили и меня отправили домой.

В школу летела, как на крыльях. Удача все-таки балует меня! Сначала в трудную минуту подарила Марту, потом школу, а теперь Кассана. На обед я не успела, ничего страшного, голод – самое последнее, что меня волновало. Я приняла душ и переоделась. Снизу, с третьего этажа, доносился смех и звон бокалов. Наверное, вечеринка. Студенты, особенно те, кто приехал издалека и жили постоянно в школе, часто устраивали пирушки. Не арии. Те слишком лелеяли свою гордыню и ни с кем не общались, кроме себе подобных. Вечеринки организовывали богатые детки, типа Фани, которая до сих пор искала жениха. Если я ни с кем не общаюсь, это не значит, что у меня нет

ушей и глаз. Я сижу на последнем ряду, все студенты у меня перед глазами.

Через месяц уже было видно, что первокурсники разбились на импровизированные группы. Арии, естественно, держались вместе. Вторая группа состояла из отпрысков богатых торговцев, государственных чиновников и старших чинов военных. Кстати, парень, который первым бросил в меня салфетку, был сыном адмирала военного флота. Тот еще засранец.

Третья – те, кому родители оплатили год, два учебы. Почти все – девушки, прибывшие в школу сугубо для поисков жениха. Их было заметно сразу. Фани и еще три ушлые девицы напропалую кокетничали с парнями, не только с первокурсниками, но и со старшими курсами, они же в основном и устраивали вечеринки.

Оставалась последняя группа, состоящая из двух человек – меня и наследника. Мы всегда были окруженные пустотой, изолированы ото всех. Только он сидел за первой партой, я за последней. Два отщепенца – пария, с клеймом дочери изменника, и самый знатный ученик в школе, с телохранителями, не оставляющими его ни на секунду.

Не знаю, как для других, для меня программа первого курса оказалась легче легкого. Такое ощущение, что преподаватели разрабатывали план обучения исходя из того, что мы умеем лишь читать и писать.

Странно, ведь многие приехали сюда в восемнадцать или девятнадцать лет, после домашнего обучения. Мне казалось, что я более подготовлена, чем тот же девятнадцатилетний Гехард, сын адмирала. Он не знал элементарного – что такое координата на плоскости или квадратный корень. Я не говорю уже о том, как вычислить площадь круга. А совсем уж стыдно было не знать с какими государствами граничит наше королевство и сколько морей омывают его берега.

Учитель географии, словно чувствуя ненависть парня ко мне, постоянно стравливал нас на уроках. Если Гехард не мог ответить на вопрос по практике, показать на карте реку или горный массив, следующей всегда вызывал меня. Я легко отвечала на вопросы, а сынок адмирала поедал меня ненавидящим взглядом.

Мое нежелание ходить в столовую с большинством студентами сыграло со мной в итоге скверную шутку. Гехард выследил меня. И

когда я с полным подносом шла к столику, он вытянул ногу на проходе. Не упала я чудом. Тарелка с супом наклонилась, жидкость разлилась по подносу, залив приборы, хлеб и частично попав на платье. Я поставила испорченный поднос на ближайший столик и обернулась к нагло улыбающемуся парню.

– Что я тебе сделала? – произнесла устало, глядя на молодое симпатичное лицо. – Почему ты так поступаешь?

Развалившись на стуле, он пожал плечами.

– Не знаю, – ответил насмешливо, – наверное, потому что могу. Потому что мне нравится.

Я в замешательстве смотрела на Гехарда. «Потому что могу?» И это объяснение?

– Ты из тех, кто в детстве мучил котят и отрывал лапки мухам? – сквозь зубы процедила я.

– Почему же в детстве? Я и сейчас иногда это делаю, когда нет более интересных развлечений, – казалось, ему нравится шокировать.

Было ясно, что разговаривать и взывать к разуму бесполезно. Подобные индивидуумы понимают только язык силы. Есть такой сорт людей – самых мерзких на свете. Им хорошо лишь тогда, когда плохо другим.

– Убогие у вас развлечения, герр, – пора уходить, позавтракать не удалось, скоро на занятия, а мне еще переодеться. Я отвернулась, и направилась к выходу.

– Я что-нибудь обязательно придумаю, интереснее, – крикнул он мне в спину. – Тебе понравится!

– Это вряд ли, – сквозь зубы пробормотала я, сталкиваясь нос к носу с входящими в столовую Хорном с арией Оттаной.

Оба были ослепительно хороши. Высокие, статные, элегантные, с породистыми холеными лицами, застывшими в своем высокомерии. На Хорне, кроме броши и кольца, не было никаких украшений, на девушке же сверкал прелестный жемчужный комплект – серьги, браслет и ожерелье. Похожий был у мамы, но на ней розовые жемчужины смотрелись не так восхитительно, как на жгучей брюнетке, шедшей под руку с Хорном. Я отступила в сторону, пропуская парочку. Хорн вздернул бровь, с усмешкой оглядывая меня сверху вниз, задерживая взгляд на мокром пятне. Оттана же процедила сквозь зубы уничтожительное:

– Нужно предложить директору кормить всякий сброд на кухне. Нечего им делать рядом с нами.

Они проплыли мимо меня величественно и горделиво, словно гигантские ледяные айсберги. Я фыркнула, скривившись, и тут же наткнулась на насмешливый взгляд Дария. Он с невестой шли следом.

– Привет, Дениза, – добродушно поздоровался Зорг, – ты уже позавтракала?

Я кивнула, улыбнувшись.

– Сорти, познакомься с Денизой Крей, – Дарий подвел невесту ко мне ближе. – Она первокурсница и обладает силой повелевать металлами. Это удивительное умение и очень полезное.

– Приятно познакомиться, ария, – я смущенно покраснела и присела в реверансе. Сорти коротко присела в ответ. На лице Дария расцвела улыбка. Он был рад, но я-то видела, что его невесте не весело. Глаза у Сорти оставались холодными, а вымученная улыбка не скрывала ее истинного отношения ко мне.

– Извините, я пойду. Приятного аппетита, – я откланялась, про себя решив ходить в столовую вместе с основной массой студентов. Не думаю, что при Зорге Гехард посмеет снова подставить подножку. А Сорти не стоит такого прекрасного человека, как Дарий. Она такая же, как все арии – напыщенная и насквозь фальшивая.

Какой же он замечательный! Добрый, внимательный, воспитанный. И пусть Дарий не слишком красив, это не главное. За ним, как за каменной стеной. Он производит впечатление настоящего мужчины, основательного как земля, прочного как гранит.

Жаль, что я для него маленькая девочка, которая нуждается в защите. А любит он Сорти.

Я еще раз посмотрела в зеркало и пригладила волосы. Надо спешить. Первой шла лекция профессора Лейбника. Сегодня он обещал начать учить нас вычислять и измерять углы на плоскости. Очень нужная тема для меня, так как почти в каждом уравнении для использования силы на расстоянии приходилось вычислять угол поворота и направления.

А пока формулы для меня были сплошной тарабарщиной, набором непонятных символов. По-моему, я слишком медленно осваиваю родовую магию. Иногда, после бесконечной зубрежки, в голове оставалась каша из цифр, алфавита, кусков формул. Все

путалось, хотелось плакать от бессилия. А ведь была еще основная учебная программа, которую никто не отменял. И если по одним предметам мне было все понятно, то другие я изучала с нуля, как и все.

Успокаивало то, что у других студентов дела шли не лучше. Пожалуй, я была самой примерной и старательной. Еще бы – никуда не уезжала из школы, кроме первого выходного, не ходила на вечеринки, ни с кем не встречалась. Идеальная ученица – с утра до вечера за книгами. Ну еще принц Эдвард выделялся на общем фоне. Он всегда вовремя сдавал домашние задания, правильно отвечал на вопросы на общих практиках и не пропустил ни одной лекции. В то время как другие арии частенько устраивали себе прогулы.

Наследник был собран, дисциплинирован и хладнокровен. Ни с кем не шел на контакт, не с кем не общался, кроме своих телохранителей. Хотя многие арии хотели бы взять его в свой круг.

Иногда я ловила на себе его задумчивый пристальный взгляд. Тогда мне становилось мучительно стыдно. Словно, не мой отец, а я была виновата в смерти его старшего брата. Странно было видеть на юном лице такие умные проницательные глаза. Словно наследнику было не шестнадцать, а как минимум в два раза больше. А может быть, он, как и я, быстро повзрослел?

Вот так и учились. Я с принцем зубрили, Фани с остальными девушками искали женихов, арии отбывали проплаченные курсы, зарабатывая статус выпускника королевской школы. Остальные богатые герры стремились оправдать надежды родителей и получить высокий пост после ее окончания.

Спустя месяц после отправки письма Марте я получила ответ. Письмо пришло в школу и ожидало меня в комнате коменданта.

«Я ни секунды не сомневалась в том, что тебя примут. Твой отец очень хвалил директора ария Китена, характеризуя его как честного и порядочного человека... Он уже двадцать лет возглавляет школу».

Марта писала, что у нее все по-старому. Она взяла двух мальчишек учить грамоте. Те еще оболтусы. Розочка окотилась, и теперь у нее еще одна козочка. Колай очень разозлился, что я уехала, но сейчас вроде успокоился и переключился на дочь мельника. Яблоня во дворе дала огромный урожай, и теперь у Марты полный подвал моченых яблок. И все такое прочее. Я читала о простой и понятной

сельской жизни и слезы катились из глаз. Как же хотелось сейчас быть рядом с няней, обнять, прижаться к ее груди. Даже мама не была мне так близка, как Марта. Всю свою любовь мама отдавала папе, он для нее был солнцем и луной. А я просто его продолжением, на меня падали лишь отблески ее любви.

«Ты молодец, что нашла работу. Я не сомневалась в твоём уме и знаниях. Приезжать ко мне на каникулах не нужно, лучше сосредоточиться на изучении родовой магии». Я закончила читать. Нет, я поеду. Вряд ли зимой. Зимние каникулы длились всего неделю, а вот летние целых два месяца. Я села за ответ, и принялась описывать и приукрашать свою жизнь. Об удобной комнате, вкусной еде и внимательных преподавателях я уже написала в первом письме. Сейчас нужно написать о том, что я подружилась с арием Зоргом, и он помогает мне в учебе. Что с нами учится наследник, и он показался мне вполне приличным парнем, хоть и очень одиноким. А еще о Кассане. *«Как бы мне хотелось, чтобы вы познакомились друг с другом, – писала я, – вы бы обязательно нашли общий язык».*

Мне нравилось работать в кузнице. Каждое утро первого выходного я пробиралась через забор и спешила в порт. В основном я занималась не сложными вещами. Гнула крюки для подвешивания туш в скотобойне. Кое-что чинила, кое-что очищала от ржавчины. Это заклинание выучила следующим. Еще я легко делала пружины – оборачивала тонкий металлический стержень о другой, намного толще, делая завитки. Я подозревала, что в принципе все это мог делать и Кассан, но он специально оставлял мне подобную легкую работу, чтобы я была при деле.

Поначалу в кузницу массово шли паломники посмотреть на живого Крея, то есть меня. Они просили меня что-нибудь согнуть или выпрямить. И когда я своими маленькими пальчиками сворачивала в бублик толстый стальной прут, они хлопали в ладоши как дети.

– Как это тебе удастся?

– Что ты чувствуешь, когда берешь металл в руки?

Я пыталась объяснить, что для меня металл, как глина, мягкая и послушная. Если я прилагаю даже малейшее усилие, он поддается, и я могу лепить из него что угодно. Поэтому я и пользуюсь в основном карандашами, так как перо легко ломается, если я о чем-то задумываюсь. Металл ласковый, теплый, покорный. И совсем не

опасный. Я чувствую его рядом, словно доброго друга, и умею управлять им, но пока держа в руках. На расстоянии я не умею воздействовать. Но и с этими умениями, я стала самым популярным развлечением в этой части порта. Многие знакомые Кассана приходили в кузницу просто посмотреть на меня.

Я удачно выбрала место работы. На кораблях использовали медную или бронзовую посуду, ни глиняная, ни фарфоровая не применялась из-за хрупкости. После штормов у нас с Кассаном было много работы. Я целыми днями чинила погнутые тазы, кастрюли и прочую утварь. Правда, и получала за это медяки, зато быстро и просто.

А однажды нам с Кассаном повезло. В порт прибыл корабль из южных стран с большой партией серебряных изделий – подсвечники, сервизы, подносы, солонки и многое другое. По секрету сказали, что это был заказ для самого короля. Так получилось, что коробка плохо закрепили и при качке они сорвали крепления, и тонкая изящная посуда рассыпалась по трюму, а сверху еще на нее упали другие грузы. Королевский подрядчик рвал на себе волосы – вся партия испорчена. Огромные деньги выброшены на ветер. Он пожаловался одному, тот передал второму, в итоге слухи дошли до нас. Кассан предложил свои, точнее мои услуги.

Для ювелира работа была сложная и кропотливая. Я же за день починила всю партию. И заработала целый золотой. Это были огромные деньги. На нашем хуторе за золотой можно было безбедно прожить год. Я сразу же спрятала его в своей комнате. Отдам Марте, когда приеду к ней на каникулах.

Так постепенно день за днем я училась жить и работать. Я почти не вспоминала прошлое. Не жалела о потерянном богатстве, титуле. Высокомерие, тщеславие, самоуверенность и все прочее, присущее мне раньше, слетело, как шелуха, вместе с детской наивностью. Только почему-то иногда я просыпалась в слезах и безумно колотящимся сердцем. Но это так, пустяки.

Я прекрасно ладила с простыми работягами. Здоровалась с матросами и грузчиками, улыбалась прачкам и поварихам. А дядюшка Кассан и вовсе стал для меня другом и наставником.

Теперь у меня были деньги на разные мелочи. Иногда я даже покупала газеты, чтобы уж совсем не отставать от жизни. Теперь

понятно, откуда Фани столько знала о том же Хорне или других высокородных наследниках. Вся их жизнь была на виду. Мне бы, наверное, не понравилось, если бы каждый мой шаг был известен всем – с кем я ужинала в ресторации или с кем отправилась в театр. Помолвлена ли или только собираюсь. Хотя, может быть, привыкла бы рано или поздно и перестала обращать на это внимание?

В газетах печатались в основном пустые светские сплетни, но иногда мне попадались и приличные статьи. О том же канале, который проложила семья Зоргов, или открытых новых линиях железной дороги, или какие товары привезли в столицу из южных стран, или еще интереснее – о выставках технических новинок, новой паровой самоходной повозке или дельтаплане.

Наступила зима, я купила в порту добротное шерстяное пальто с меховым воротником и такую же шапочку. Выглядело не чем не хуже, чем у богатых студентов. Магазин мне посоветовал Кассан. «Там, конечно, контрабандный товар, но потом он расходуется по салонам столицы, как одежда лучших модельеров и продается в три дорога», – сказал он, подмигнув. Мне было все равно. Я научилась экономить, еще живя с Мартой, а сейчас и вовсе стала редкой скрягой. Все деньги откладывала в тайник, позволив себе купить лишь пальто, шапочку и зимние ботинки.

Следующим выученным заклинанием был разогрев. Нужно было сказать «хато» и указать нужную температуру в градусах. Но увы, держа металл в руке, раскалить его было проблематично, пару раз я серьезно обожглась. Пришлось мне осваивать бесконтактные заклинания. А с ними возникли проблемы.

Тренировки заканчивались одинаково. И в первый, и во второй, и в третий раз металл на наковальне после слов «Хато родо тесо дадо» стекал жидкостью на пол. Раскалить просто до мягкого, но не жидкого состояния не получалось.

Сегодня я так же, как и всегда после ужина пошла в читальный зал библиотеки и продолжила переписывать словарь. Зал мне очень нравился, он был огромен и почти всегда пуст. Редко когда были заняты даже четверть столов. Высоченный потолок терялся в темноте. По проходам гуляли сквозняки, в глубинах мрачными исполинами стояли бесконечные стеллажи с книгами. На стенах в два ряда висели

портреты лучших выпускников школы. Как я не искала, но портрета папы так и не нашла, хотя Марта говорила, что он с отличием ее закончил.

Я потянулась, разминая ноющую шею, наклонила голову и... встретила с глазами с арием Хорном, сидевшим напротив через три столика. Перед ним лежала раскрытая книга, но он в нее не смотрел. Темным хмурым взглядом он смотрел на меня. Невольно я обернулась назад. Что интересного он мог там увидеть? За моей спиной было пусто, только через два прохода сидел одинокий молодой человек и что-то читал. Опустив глаза в тетрадь и взяв ручку, я выбросила Хорна из головы. Ну пришел арий в библиотеку, что такого? Правда, по моему, я видела, как он вечером выезжал из ворот на своем паромобиле. Только у него и еще у какого-то ария была эта последняя техническая новинка, и в школе слышно было всем, как Хорн въезжает или выезжает на территорию.

Когда герра Виолетта объявила о закрытии читального зала на часах было девять. Я принялась собирать книги, мазнув быстрым взглядом по столу, за которым сидел Хорн. Стол был пуст.

На следующий день повторилось то же самое. Может быть, Хорну нужно сдать доклад или курсовую? Почему тогда он не пишет, а пялится в мою сторону? Это начинало нервировать. Слишком часто в последнее время мы вроде бы случайно сталкиваемся повсюду. В парке, в коридорах школы, иногда даже в общежитии.

Хорн неизменно окружен хихикающими смазливymi студентками. Они, как бабочки на огонь, слетаются к нему, не в силах устоять перед его обаянием. Он и сам как огонь – яркий, харизматичный, незаурядный. Лучший студент школы, один из богатейших наследников королевства, завидный жених и просто самый красивый мужчина королевства. Сколько сердец разбилось из-за его ветрености, сколько девушек покинули школу не в состоянии простить ему измен. Поговаривали, что даже одна из брошенок отравилась.

Бедная Оттана. Ей не всегда удается разогнать его поклонниц. Но она старается изо всех сил. Однажды я наблюдала неприятную сцену. Ария Нурв зажала в углу коридора арию Касси, первокурсницу, учившуюся в моей группе, и что-то зло ей вычитывала. Вроде Касси видели в комнате Хорна рано утром.

Официально Оттана пока не является невестой Торуса, он как бы одинок, но девушка ведет себя так, словно помолвка уже состоялась.

Хорн наоборот, делает все, чтобы у влюбленных девушек оставалась надежда – окружает себя воздыхательницами, устраивает вечеринки, приглашая студенток в свой особняк. В общем – жуткая неразборчивость!

Вот Дарий всегда появляется только с Сорти. Его верность и порядочность достойны восхищения. Вспомнив Дария, я мысленно улыбнулась.

Когда я перестала прятаться, мы стали чаще встречаться в столовой. Или за завтраком или за обедом, обязательно. Дарий подходил к моему столику и вежливо здоровался. Иногда, когда не было Сорти, даже присаживался рядом. Другие студенты недовольно косились, но имя Зорг было весомым не только в школе, но и во всем королевстве и затыкало рты даже самым отъявленным сплетникам. Я наслаждалась нашими краткими разговорами за едой. Даже странно, мне, оказывается, не хватало обычного человеческого общения.

– Как твои успехи в изучении магии? – поинтересовался Дарий как-то. Я рассказала, что с контактными заклинаниями проблем нет. А вот с удаленными...

– Даже выучив цифры до ста и научившись подставлять их в самые простые формулы, у меня не получается правильно направить поток силы, – пожаловалась я.

И рассказала, как недавно решила протестировать заклинание «магнит». Оно было самое простое – произносишь «кататодо» и добавляешь радиус действия. И весь металл на расстоянии этого радиуса должен оказаться рядом с тобой. Конечно, тот, на который хватило бы моей силы. А вот ее-то регулировать я и не могла.

– Хорошо, что я тренироваться решила в комнате и радиус указала два ярда, – продолжала иронично, – так как точно знала, что в пределах этого радиуса ничего, кроме нескольких монет и подсвечника нет.

– Заинтриговала. И что произошло? – Дарий наклонился ближе.

– Сказала формулу и мысленно потянулась к металлу, как написано в учебнике, – я таинственно потянула паузу, – и вырвала замок, петли и все гвозди из входной двери. Пришлось вызывать

коменданта, отдавать целый серебряный, чтобы ее починили, — закончила я покаянно.

Дарий весело расхохотался, все в столовой обернулись.

— Я помогу, — произнес он, бросая взгляд на часы. — Сейчас у меня практика, потом нужно отвезти Сорти в столицу. Как на счет вечером в библиотеке, сразу после ужина?

Я восторженно кивнула. Внутри стало тепло и радостно. «Это не свидание», — повторяла себе бесконечное число раз, тщательно причесываясь и заплетая косу, надевая чистое выглаженное платье, которое сегодня забрала из прачечной. Единственное украшение, золотая брошь школы, десять раз была переколота с воротника на грудь и наоборот.

Перед выходом я посмотрела на себя в зеркало и тяжело вздохнула. Как бы ни старалась, красоты во мне не прибавилось. Пусть я уже не такая болезненно худая — сытная еда сделала свое дело. Щеки округлились и ключицы уже так не выпирали наружу, до красавицы Сорти мне далеко, как до луны.

— Ты же чувствуешь металл? Так как я землю? — спросил Дарий, когда мы уселись за самым дальним столиком в читальном зале.

— Да, конечно, — улыбнулась я, — он теплый, ласковый, мягкий.

— Точно! — обрадовался Дарий. — Я тоже ощущаю землю как живой организм, дружелюбный ко мне. А в каком месте ты чувствуешь сосредоточие силы?

Я непонимающе уставилась на Зорга. Он улыбнулся и пояснил:

— Когда в юности меня учил отец работать с родовой магией, я стоял босиком на земле. Наверное, именно из-за этого моя сила сосредоточена в ступнях, — я удивленно округлила глаза. — Теперь, каждый раз, когда я обращаюсь к своей магии, она идет вниз от моих ног. А у тебя как?

Я на минуту задумалась.

— Папа меня не учил, — вздохнула сокрушенно, — сначала была маленькая, потом в королевстве начали строить железную дорогу, и я его почти не видела несколько лет. Он приезжал только на праздники. А потом... ну вы знаете. Так что всему я учусь сама. А где находится моя сила? — я пожала плечами. — Наверное, в руках. Когда я беру в руки металл, он меняется.

– Хорошо, пусть будут руки, – согласился Дарий. – Когда используешь силу на расстоянии, ты мысленно протягиваешь руки на то расстояние, которое указала в формуле.

Я хихикнула, представив руки длиной в милю.

– И используешь столько силы, сколько бы использовала при контактном заклинании, – продолжал Дарий. – Например, ты хочешь согнуть ложку, – он вытащил из кармана серебряную ложечку и протянул мне. На мой удивленный взгляд пояснил, – стащил из столовой. Попрактиковаться.

Я взяла в руки ложку.

– Согни, – я легко согнула ее пополам.

– Ты делаешь это автоматически, не задумываясь, когда ложка в твоих руках, – произнес Дарий, – ты просто представляешь, как хочешь ее согнуть и сгибаешь. Запомни это ощущение. А теперь давай на расстоянии.

Он взял у меня ложку и положил примерно в десяти дюймах от меня.

– Пробуй. К формуле добавь длину и угол.

– Я не умею еще рассчитывать углы, – я положила ладони на стол напротив ложки и произнесла формулу «бенд халф тери лимб осло дадо», дословно «сгиб середина десять дюймов прямо конец». Мысленно я потянулась к ложке, взяла ее в руку и согнула, приложив столько усилий, сколько прикладывала минуту назад, держа ее в руке. Ложка согнулась пополам.

– Вот видишь, – восхитился Дарий, – все просто. Ты умница.

Потом взял мои руки в свои и ласково сжал. Я покраснела от похвалы.

– Вот, значит, как сейчас расплачиваются за защиту? Ложатся под защитников? – я непроизвольно дернулась и вытащила руки из ладоней Зорга. У стола стоял арий Хорн. Это стало какой-то скверной традицией.

– А твоя невеста знает, Дар, что у тебя появилась любовница? – он смотрел на нас сверху вниз, в глазах горела ярость.

Я ошарашенно и непонимающе наблюдала за таким явным и бурным проявлением чувств.

– Что ты несешь, Тор? – раздраженно произнес Дарий. – Я учу Денизу магии.

– Это теперь так называется? – казалось его друг с трудом сдерживается, – выбрали хотя бы более укромный уголок, а не лапали друг друга посреди читального зала.

Я не верила своим ушам. Да что это с ним? Невинное касание рук он приравнял к «лапанью»?

– У вас извращенный ум, арий Хорн, – я смогла, наконец, перебороть оцепенение, – вы судите всех по своим собственным порочным наклонностям. Конечно, этого бы не случилось, если бы вы не потеряли способность видеть истину. – Хорн нервно дернулся. – Прискорбно понимать, что без своей родовой магии вы не способны увидеть дальше собственного носа.

Я намеренно била по самому больному. Но мне не было жаль этого напыщенного индюка. Я бы смогла спустить ему оскорбления в свой адрес, но он оскорбил Дария, человека, которого я безмерно уважаю.

– Да как ты смеешь... – прошипел Хорн, склоняясь над столом. «Довела», – подумала я со страхом, сжимаясь в комочек.

– Хватит! – Дарий резко встал, его мощная фигура внушительно и грозно нависла над нами. – Не знаю, что с тобой сегодня случилось, Торус, но твои предположения беспочвенны. Ты должен извиниться перед Денизой.

– Я?! – рявкнул взбешенный Хорн. – Перед этой простолюдинкой? Да скорее солнце упадет на землю, чем это когда-нибудь случится!

– Тогда тебе нечего здесь делать, – спокойно произнес Дарий, – оставь нас. Мы продолжим заниматься учебой.

– Я очень хочу посмотреть на эту учебу, – саркастически процедил сквозь зубы Хорн, садясь на стул напротив меня, и сделал приглашающий жест, – давайте, занимайтесь.

С опаской косясь на неадекватного друга, Дарий сел.

– Так вот, Дениза, тебе просто нужно больше тренироваться, – начал говорить он. – Все заклинания на расстоянии ты должна сначала отработать контактным методом и запомнить те ощущения и степень силы, которую ты применяешь. Затем, добавляешь расстояние и угол поворота. Понятно?

– Да, – коротко кивнула я.

Ощущение легкости и доверительности общения прошло. Трудно было расслабиться, когда Хорн сидит напротив и не сводит глаз с

моего лица.

– Ты что-то еще хотела спросить? – я обреченно посмотрела на Дария и отрицательно мотнула головой. Тот все понял. – Тогда на сегодня все, – дружелюбно улыбнулся он. – Если что будет непонятно, сразу же обращайся ко мне, больше не порть двери и окна.

Я улыбнулась в ответ. Какой же он все-таки замечательный. Как повезло Сорти.

– Пойдем, Тор, – Дарий встал, – не будем мешать Денизе.

Хорн молча поднялся. Я невольно сравнила двух мужчин, стоящих напротив. Дарий был внушительный. Высокий, с широкими плечами, крупной головой, большими руками. Он был больше похож на нашего кузнеца на хуторе, чем на родовитого аристократа. Хорн же был истинным арием. Хотя... Я удивленно моргнула, рост у них был одинаковым. Просто Хорн был тоньше в кости, скорее худощавый, чем мускулистый. Но он не производил впечатление слабого. Он был атлетически сложен, поджарый, как чистокровный рысак. Если бы они соревновались, даже не знаю, на кого бы я поставила.

– До свидания, Дениза, – произнес Дарий, я очнулась от задумчивости и с улыбкой попрощалась.

Хорн ограничился холодным высокомерным взглядом. Ну и ладно, его отношение ко мне меня не волнует. Главное, чтобы не оскорблял Дария.

– Ты зачем цепляешься к Денизе? – тихий шепот разнесся в тишине читального зала. Я скосила взгляд. Хорн и Дарий медленно удалялись вглубь, в темноту.

– Она меня бесит, – прошипел Хорн. Я мысленно усмехнулась: «А как ты бесишь меня!»

– Тогда просто игнорируй, – резонно ответил маг земли, – не подходи и не обращай внимания.

Точно! Не трогайте меня, арий Хорн, я прекрасно обойдусь без ваших высокородных придинок. Не трогайте и не смотрите в мою сторону так, словно прикасаетесь. Не провожайте глазами, сталкиваясь в коридоре. Забудьте о моем существовании, и я забуду о вашем.

Как я не прислушивалась, больше ничего не услышала. Мужчины отошли далеко и вскоре вышли за дверь.

С тех пор я ни разу больше не замечала Хорна в библиотеке, или он хорошо скрывался. Иногда ловила на себе его пристальный взгляд в

столовой. Из-за всего этого я даже начала осторожничать с Дарием. Если он подходил к моему столику и здоровался, я не задерживала его разговорами и почти не улыбалась. Не хочу быть виноватой в ссорах между ним и его невестой из-за глупых слухов о нас.

Первая сессия прошла тихо и незаметно. Экзамен был один – по математике, ее я знала на отлично. Остальные предметы сдавали зачетами. А зачеты получали или за диктанты, или за курсовые работы, которые легко можно было написать с помощью книг в библиотеке. Трудности возникли лишь у Гехарда, он два раза пересдавал математику. Но то ли он все-таки выучил предмет, то ли учителям было достаточно полной оплаты студентами за обучение, но преподаватели не придирались и не допекали. Это было странно. Исходя из того, что выпускники школы занимали высокие посты в государственных структурах, они должны быть совершенны во всем. Марта рассказывала, что ее учителя гоняли и в хвост и в гриву, хотя она училась в обычной провинциальной школе.

Кстати, я, наконец, добралась до своего любимого заклинания «шиба рото дадо». Дословно это обозначало «состояние/форма память конец». Память формы или помнить состояние? Одно я поняла точно – бесполезно искать логику в древнем языке магов, проще просто зазубрить формулы. И кстати, абсолютно все формулы заканчивались на «дадо». Это была такая импровизированная магическая точка.

Мне очень нравились занятия по практике с профессором Нараной. Всю осень мы изучали различные виды растений, в том числе лекарственные. А зимой перешли к настойкам. Не только лечебным. Она нас учила делать даже домашнее вино и наливку. Весной мы проводили уроки на воздухе – катались по парку школы на лошадях. Оказывается, в школе была приличная конюшня. Парни обучались прыжкам через препятствия, стрельбе на ходу, строевой подготовке.

Нас же Нарана учила правильной посадке в седле при галопе, шаге или рыси, так, чтобы сразу было видно благородную девушку. Рассказывала, как достойно объезжать других всадников, спешиваться или ездить по неровной местности. И еще многим разным тонкостям, о которых я даже не догадывалась, хотя в детстве у меня был учитель верховой езды.

Кассан «одадживал» меня своим знакомым. Мне было легко поставить забор или вогнать глубоко в землю металлические колья, избавить крышу или водопроводные трубы от ржавчины. Я не гнушалась даже самой неблагодарной работы, ведь за нее мне платили. К весне мне удалось насобирать уже два золотых, и я несказанно гордилась собой, представляя, как привезу Марте деньги. Те четыре года, которые я прожила у нее, она кормила и одевала меня. Зарабатывала медяки, обучая соседских детей грамоте.

В общем, я поняла одну важную истину – даже с такими знаниями, какие у меня сейчас, я не пропаду. А если буду учиться дальше, то и вовсе разбогатею. Только бы у Марты было все в порядке. Последнее ее письмо вызвало недоумение. Она странно отвечала на мои вопросы, словно не понимала их. Больше описывала погоду и дела в деревне, чем свою жизнь. А о здоровье, о котором я ее спрашивала, и вовсе ничего не написала.

Наверное, эти тревожные мысли и сделали меня немного рассеянной. Я спешила на практику и лишь в последний момент увидела, что на встречу по пустынному коридору идет Хорн. Я всегда контролировала наши столкновения и вовремя убиралась с дороги, если вдруг замечала его или кого-то из ариев на своем пути. Сегодня Хорн был без обычной свиты. Без неизменно сопровождающей его Оттаны, его многочисленных друзей или скорее подхалимов. Один. Я опустила глаза в пол, шагнула вправо, под самую стенку, но не успела пройти и пару шагов, как почти сразу же уткнулась лбом в твердую грудь.

– Куда же ты так торопишься, что даже не видишь, куда идешь? – я тяжело вздохнула и отстранилась. Вот ведь мошенник – специально встал на пути.

– Извините, арий, – пролепетала я, пытаюсь обойти его слева. Не удалось – Хорн обхватил мою талию и крепко сжал, удерживая на месте.

– Побольше уважения в тоне! – голос был холодным и властным. Интонация совсем не вязалась с горячими ладонями, которые обжигали мою кожу через платье.

Я подняла голову и посмотрела Хорну в лицо. В его глазах плескалось что-то странное, я не могла подобрать названия. Но кожа почему-то покрылась мурашками.

– Уважение нужно заслужить, – произнесла я спокойно, умиряя вдруг заколотившееся сердце, – одной лишь приставки «арий» для этого недостаточно.

Хорн беззлобно усмехнулся. Так, словно ему нравилась моя дерзость. Словно ему надоедает постоянная лесть и подобострастие. Хочется чего-то остренького. Я на секунду залюбовалась преобразившимся лицом. Как я не презирала Хорна, уголок моей души, отвечающий за чувство прекрасного, не мог не признать – такого красивого мужского лица я еще не видела. И когда он улыбался, от него будто исходило солнечное сияние, – я мысленно дала себе подзатыльник и снова дернулась, пытаюсь вырваться. Не тут-то было. Руки клещами сомкнулись вокруг талии, не давая ни малейшей надежды освободиться.

– Тор, отпусти Денизу, – я с облегчением повернулась к подошедшему Дарию. Он встал рядом и с беспокойством смотрел на нас.

– Пусть сначала извинится, – вскинул голову Хорн. Он опять выглядел как высокомерный мерзавец. Только пальцы, словно живя своей собственной жизнью, непрерывно проводили вверх и вниз по рубцу платья.

– Простите меня великодушно, арий Торус Хорн, – издевательским тоном произнесла я, стараясь не отвлекаться на эти поглаживания, – за то, что случайно оказалась на вашем пути и позволила себе неосторожность попасться на ваши аристократические глаза.

Хорн молчал, не реагируя, но губы сжались, а глаза зло сощурились.

– Отпусти девушку, – повторил Дарий, положив ладонь ему на плечо, тот небрежно ее сбросил.

– Только тебе ее можно трогать? Для себя бережешь? – поинтересовался блондин.

Я задохнулась от возмущения. Почему он все время намекает на отношения между мной и Дарием? Ничего кроме дружбы между нами не было и быть не могло.

– Знаешь, – угрожающе произнес маг земли, – ты мой друг, но иногда так и хочется тебе вмазать.

– Попробуй, – произнес насмешливо Хорн, наконец убирая руки и разворачиваясь к Дарию. Я тут же отскочила назад, пошатнувшись. – Помнится, последний раз, когда мы были в тренировочном зале, ты проиграл.

Я испуганно переводила взгляд с одного парня на другого. Дарий и Хорн исподлобья глядели друг на друга, словно перед поединком. Неужели, они сейчас начнут драться? Из-за меня?

– Спасибо за помощь, Дарий, – я тронула его за рукав сюртука, Зорг повернул голову, – я пойду. Практика скоро начнется.

Мне удалось его отвлечь.

– Иди, Дениза, – глаза мага земли потеплели, он смущенно улыбнулся, словно сам был виноват в этой странной ситуации, а не один высокомерный мерзавец, – удачи в учебе.

Я медленно пошла по коридору, постоянно оглядываясь назад, но ничего страшного, по моему мнению, не происходило. Друзья разошлись в разные стороны. Хорн отошел к окну и стоял, вцепившись в подоконник, Дарий отправился по своим делам.

И что это было? Неужели, Хорн меня так ненавидит, что доброе отношение Дария ко мне выводит его из себя? Или само мое существование? Может, у него был зуб на моего отца? Четыре года назад Хорн был еще юнцом, а отец строил железную дорогу в королевстве. Вряд ли они встречались.

Постаралась выбросить Хорна из головы, меня больше беспокоило то, что косвенно из-за меня Дарий может лишиться друга.

Я едва успела вбежать в кабинет, как прозвенел третий звонок. Сегодня на практике у профессора Нараны мы занимались перевязками. Преподаватель показывала на примере, как нужно правильно накладывать жгут и делать фиксацию плеча при вывихе. И тут я заметила у Фани на пальце кольцо. Да она его особо и не прятала, хвастаясь напропалую всем своим подружкам так громко, что даже профессор возмутилась. Значит, долгожданная помолвка все-таки состоялась. Цель достигнута. Женихом был студент третьего курса, некий герр Критерус. Я его не помню, но думаю, благоразумная Фани не прыгнула выше головы. Она еще мне в первый день говорила, что не станет мечтать о невозможном. Арий ей не светит ни при каком раскладе, даже если бы ее отец владел половиной Шалира. Что ж,

пусть будет счастлива. До конца первого курса оставался месяц, она с блеском уложилась в заданные сроки.

А на следующий день, за завтраком, под пристальными взглядами Хорна, Оттаны, Сорти и остальных ариев, Дарий сел с подносом за мой столик. Я смущенно поздоровалась, боясь поднять глаза. Щеки запылали румянцем.

– Я хотел с тобой поговорить, Дениза, – серьезно начал Дарий, я напряглась, не зная, чего ожидать. – У меня начинается предвыпускная практика, я буду готовиться к экзаменам. А потом и вовсе покину школу.

Я молча ковырялась в каше. Сердце болезненно сжалось. Неужели, он прощается со мной?

– Ты останешься одна, – продолжал Дарий, – я больше не смогу приглядывать за тобой. Посторонним нет хода в школу, а после сдачи экзаменов я стану посторонним.

– Вы никогда не будете для меня посторонним, арий Зорг, – пролепетала я дрогнувшим голосом, поднимая голову.

Дарий тепло улыбнулся.

– Не для тебя, для школы, – уточнил он. Казалось, ему было плевать, что все о нас только глаза не обломали, плевать, какие могут слухи пойти, плевать, что подумает невеста. Он не прятался по углам, чтобы поговорить с парией, он подошел при всех и сел за мой стол. Хотела бы я быть такой уверенной в себе.

– Вот адрес моего поверенного в Шалире, – он протянул картонный лист с напечатанным текстом. – Меня могут отправить в любой уголок королевства, но где бы я ни был, герр Кретон всегда доставляет мне письма. Обещай, что если что-нибудь случится, ты напишешь мне.

Я кивнула, не в силах выдать ни слова. Дарий ласково накрыл ладонью мои дрожащие пальцы.

– Ну-ну, все будет хорошо, Дени, – улыбнулся он, похлопывая меня по руке, – ты всегда можешь рассчитывать на мою помощь. А после того, как ты закончишь школу, я с удовольствием возьму тебя на работу.

– Договорились, – кивнула я сквозь слезы.

Больше мы с Дарием не разговаривали так доверительно. Он с головой ушел в учебу, потом уехал на практику. Если мы и встречались

случайно в коридорах, то лишь здоровались. Хорн тоже притих. Может быть, и у него на третьем курсе были серьезные экзамены, а может, он потерял ко мне интерес, так как все вокруг начали усиленно говорить о его помолвке с Оттаной. Вот и замечательно, это к лучшему.

В конце весны нас, первокурсников, ожидало уже два экзамена. На этот раз к математике добавилась география. По домоводству я сдала зачет, сделав перевязку и сварив противорвотное. По литературе нужно было лишь написать сочинение на заданную тему, а по природоведению составить перечень съедобных грибов в северных лесах королевства. Проще простого – мы с Мартой их часто собирали.

Неожиданно для себя я обнаружила, что являюсь образцовой ученицей-первокурсницей. Списки лучших студентов были вывешены на доске объявлений в холле. Именно нам с наследником будут вручать грамоты. Кольнуло тревожное предчувствие. Поговаривали, что иногда на награждении присутствовал сам король и высшие чины королевства, но чаще всего директор награждал сам. Хорошо, если бы было так и в этот раз.

В первый день лета нас собрали в зале для торжеств. Всех триста пятьдесят учеников. Я выбрала себе неприметное местечко у колонны, чтобы не мозолить глаза, и рассеянно слушала поздравительную речь ария Китепа. Я уже представляла, как через неделю сяду на поезд и поеду к Марте. Представляла, как она обрадуется моему неожиданному приезду, подаркам, которые я купила для нее – теплой пушистой шали из пуха горной козы и новому изобретению, за которое мне пришлось выложить целых три серебряных – не гаснущей лампаде. В лавке заверили, что внутри лампы залита какая-то хитрая жидкость, и огонек может гореть целый месяц без подзарядки, освещая большую комнату. С Кассаном я уже попрощалась, остались незначительные детали – предупредить коменданта общежития, сдать ключ, убрать в камеру хранения вещи.

– Честь вручать грамоты лучшим студентам королевской школы сегодня предоставлена нашему бывшему выпускнику, верховному судье королевства, достопочтенному арию Велиру Изакилю Хорну! – торжественно закончил директор.

Студенты зашумели. Я досадливо скривилась. Вполне ожидаемо. Его сыночек был лучшим студентом третьего курса. Его имя так же

было в списках.

Начали награждать с пятого. Дарий Зорг и некая ария Адана Фарит поднялись на небольшой постамент. Мне почти ничего не было видно, да я особо и не переживала. От сильных мира сего лучше держаться подальше.

До первого добрались быстро, не успела я подготовиться к тяжелой обязанности и попенять на свою не всегда положительную черту характера – во всем стараться быть первой, – как директор произнес:

– Его высочество арий Эдвард Рем и герра Дениза Крей.

Студенты передо мной расступились. Я неохотно поплелась к верховному судье, предчувствуя недоброе. Чем ближе подходила, тем яснее сознавала, что не хочу никакой грамоты, никаких поздравлений, а хочу сбежать отсюда так далеко, как только возможно. Зачем я так хорошо училась? Велир Хорн был... даже не знаю, как сказать. Подобных ему людей я еще не видела. Конечно, он был безупречен. Величественен и красив той зрелой холеной красотой мужчины, которая проявляется с годами. А еще порочен и крайне опасен. Эта опасность так явно горела в его глазах, что мне казалось все должны были ее заметить. Или она лишь для меня персонально?

Мы с наследником подошли с разных сторон одновременно.

– Поздравляю, ария Дениза Крей, – вкрадчивым бархатистым тоном произнес судья.

Его голос, улыбочка на полных губах... Меня непроизвольно пробрала дрожь. Неужели, через двадцать лет Торус станет таким же омерзительным? Все предпосылки в наличии. С другой стороны, какая мне разница? Я так испугалась, что не сразу заметила, как он назвал меня арией. Ошибся? Или специально хотел уколоть?

– Спасибо, арий Хорн, – вежливо ответила я, принимая грамоту в тоненькой золотой рамке. Точно такая же была вручена наследнику. Цепкий, маслянистый взгляд судьи не отпускал ни на секунду, ощупывая с ног до головы, рассматривая, как какую-то зверушку, выставленную на потеху.

– Можете идти, герра, – вперед вышел директор, кивнул мне и коротко поклонился Эдварду. – Ваше высочество.

Мы с великим облегчением покинули судью, мимолетно переглянувшись. Так близко принца я видела впервые.

«Еще совсем мальчишка», – я отвела взгляд от юного гладкого лица. Мне показалось, или на тонких бледных губах промелькнула улыбка? Тогда это первое проявление чувств, которое я увидела за год.

После награждения нас пригласили на праздничный обед в столовой. В центре стоял огромный многослойный торт, украшенный белоснежными воздушными розами. Каждый мог подойти и отрезать себе кусочек. Пусть другие девушки кривились и фыркали, обходя его стороной, пусть берегли фигуру, я не стала скромничать и отрезала себе два куска. Подобное лакомство я ела больше пяти лет назад, еще живя с родителями.

«Второй кусок был явно лишним», – корила себя я, выходя из столовой. Мне еще сумку собирать и прибраться в комнате не мешало бы. Пусть горничная наведывалась каждый день, пока мы были на уроках, но она в основном делала влажную уборку и меняла постельное белье. Остальное я взяла на себя.

– Герра Крей, вас вызывают в кабинет директора, – ко мне подошел охранник. Я удивленно посмотрела на мужчину. – Немедленно.

– Хорошо, – кивнула и направилась в жилое крыло.

Что от меня понадобилось арию Китепу? Он уже со всеми попрощался и объявил конец учебного года.

Герра Милена окинула меня сердитым взглядом и процедила сквозь зубы:

– Присядьте, вас вызовут.

За директорской дверью разговаривали на повышенных тонах. Я подошла ближе и села на стул, самый ближний к двери. Возможно, удастся что-нибудь расслышать?

Не обращая внимания на недовольное ворчание секретаря, я стала прислушиваться к разговору. Один из них точно ария Китепа, а другой?

– Вы хотите изменить правила, которым уже более трехсот лет? – директор был зол, в его голосе я явственно различила негодование, – их писал сам Рем первый. Именно эти устои, постоянство и стабильность помогали нашему королевству процветать сотни лет.

Второй голос что-то тихо произнес. Знакомые пугающие интонации заставили сердце забиться чаще.

– Я ни за что не нарушу устав школы, – опять арий Китеп. – Если хотите забрать студентку, то лишь после того, как она закончит школу. Не раньше! Пока она находится в стенах школы, она неприкосновенна.

Сердце испуганно заколотилось, неужели они говорят обо мне? Второй голос опять что-то прошипел. Я узнала это змеиное шипение. Арий Велир Хорн, именно он сейчас разговаривал с директором. Я услышала шаги и резко подскочила со стула, застыв в смиренной позе, стискивая руки перед собой.

Дверь, ведущая к директору, распахнулась, в проеме показался верховный судья. На холеном лице явно проступала досада. За его спиной я заметила внушительную фигуру руководителя школы.

– Дениза, ты уже здесь? – дружелюбно произнес он. – Арий Хорн хотел с тобой познакомиться поближе. Подойди.

Я сглотнула внезапно образовавшийся комок в горле и шагнула вперед.

– Арий Хорн, – изобразила вежливый реверанс, – приятно познакомиться.

– А уж мне то, как приятно! – судья жадно ощупывал меня глазами, я чувствовала его касания везде: на волосах, щеках, шее, груди. – Уж и не мечтал, что увижу кого-нибудь из рода Крей. Какая удача.

Я испуганно перевела взгляд на директора. Тот стоял с недовольно поджатыми губами и молча наблюдал за судьей.

– Ты обладаешь родовой магией? – хищно поинтересовался Хорн.

Я кивнула.

– Покажи!

Я покрутила головой, осматриваясь. Ничего металлического в приемной не оказалось.

– Милена, – приказным тоном произнес арий Китеп.

Женщина с ненавистью протянула мне тонкое серебряное перо, которое держала в руках. Я быстро затянула его бантиком и протянула обратно. Мне показалось, что ей хотелось меня ударить, словно это я была виновата в том, что перо испортилось. Если бы она так сильно не выражала свое презрение ко мне, я бы, наверное, выпрямила перо, но бесенок, сидевший внутри, не позволил этого сделать.

Судья пораженно выдохнул.

– Отлично! – он азартно потер руки. – Не хочешь уйти из школы и пойти ко мне работать? Я дам хорошие деньги. Ты будешь купаться в золоте.

Краем глаза заметила, как директор нахмурил брови. Но и без его подсказок понимала, что мне нельзя ни в коем случае покидать школу. И дело не в том, что я не доверяла Хорну, не в том, что он вызывал у меня безотчетный страх. Дело в том, что для полноценной работы я слишком мало знаю. Это я ему и сказала, вместе с извинениями.

– Что ж, – судья медленно прохаживался вокруг меня, осматривая со всех сторон, – я спрошу тебя еще раз. Позже. Надеюсь, услышу другой ответ.

В его голосе я услышала скрытую угрозу.

– Я буду учиться изо всех сил, арий Хорн, – искренне произнесла я, стараясь выглядеть безобидной и наивной.

Судья подошел вплотную и ласково потрепал меня за щеку, как маленькую девочку. На меня пахнуло тонким ароматом дорогих духов. Приятный запах, но меня опять передернуло, и волоски на коже встали дыбом. Я изо всех сил заставила себя стоять неподвижно и дышать через раз.

– Можешь идти, Дениза, – раздался холодный голос директора.

Я еще раз поклонилась и выскользнула из кабинета, облегченно выдыхая.

Верховный судья выглядел смертельно опасным. Может, он мне не нравился, потому что отправил моего отца на казнь, может, пугало его красивое лицо и странная манера разговора растягивать слова, но интуиция кричала держаться от него подальше.

Из подслушанного разговора я поняла, что арий Китеп меня не отдаст. Пока не закончу школу, я неприкосновенна. Значит, еще четыре года в запасе у меня есть. А там или верховный забудет обо мне, и я перестану быть ему интересна, или выучусь защищаться так, чтобы меня не мог никто обидеть.

Билет я купила во второй класс, с дрожью вспоминая прошлую недельную поездку в третьем. Немного успокоившись на счет денег, поняв, что зарабатывать могу, позволила себе шикануть. Новый кожаный чемодан, купленный у тех же контрабандистов, вместил подарки, грамоту (похвастаться Марте) и сменную одежду. Вместе с

прелестным летним платьем с широким поясом, в котором спрятала два золотых и двадцать серебряных монет, он превратил меня в приличную девушку среднего сословия, дочь торговца или служащего.

За десять серебряных мне достался отдельный закуток в вагоне, огороженный невысокими перилами, по пояс высотой. Там стояло кресло с откидной спинкой и крошечный столик. Таких закутков в вагоне было двадцать. Первый класс предусматривал отдельное купе, но стоил целый золотой до конечной, куда я ехала.

«Очень даже неплохо», – подумала я, устраивая чемодан под стенку. На столик выставила кусок пирога и бутылку с водой, купленные на вокзале. А чтобы не скучать в дороге, взяла с собой несколько тетрадей с лекциями. Рядом, за стенкой копошилась соседка, немолодая женщина, ехавшая к свекрови, которая приболела. Мы с ней немного пообщались на перроне. Я назвалась Денизой Крейгон, дочерью владельца ювелирного магазина в Шалире. Если спросит что-нибудь о драгоценностях, я не сяду в лужу, так как знаю о них почти все.

Дорога прошла даже лучше, чем я ожидала. В вагоне был отдельный туалет с рукомойником, на каждой станции заходили торговцы едой и напитками. За долгую дорогу я подучила геометрию и уже могла сходу определять расстояние и угол наклона. Зазубрила числа до тысячи и систему измерения. Размеры, углы, плотность, температуру и все остальное. На всякий случай. Пусть я пока боялась сама составлять заклинания, предпочитая использовать готовые формулы, но хотелось бы понимать, что произносишь. Папа с легкостью их сам писал.

Из поселка я взяла извозчика. Мне не терпелось увидеть Марту. Хотелось обнять любимую няню, похвастаться успехами, пожаловаться на неудачи. Может, даже расскажу про Дария. Интересно, она посмеется над моим детским безобидным увлечением лучшим студентом или нет? Иногда мы с Мартой шутливо рассуждали, кто бы мне мог составить пару, если бы все сложилось по-другому и наш род не лишили бы всего. Она представляла моим женихом умного родовитого красавца-ария, лучшего парня во всем королевстве. Я же перечила, что выйду замуж только по любви, и, если даже он будет бедным и не арием, – это меня не остановит!

Настроение было преотличным – за окном показались знакомые окраины хутора. Я вдруг заулыбалась, вспоминая ее слова о том, как мой отец выставлял бы за порог сотни просителей моей руки, выстроившихся в очередь перед замком, или устраивал соревнования на заднем дворе, выбирая лучшего. Такие легкомысленные разговоры отвлекали нас от серой действительности, от вида убогого убранства деревянного дома, давно просившего ремонта, от однообразной простой еды, от тяжелой работы в огороде.

Я остановила бричку напротив ворот. Был уже вечер, но почему-то свет в окнах не горел, и дымок не вился из трубы. Я расплатилась, забрала чемодан и быстро пошла к дому. Дверь была заколочена. Я стучала и кричала – никто мне не открыл. Где же Марта? Я, конечно, хотела сделать сюрприз, но не такой же. Вдруг она собралась к кому-то в гости? Или решила посетить свой дом, который оставила, когда мы убегали? Вот это будет невезение!

Оставив чемодан у двери, я направилась к ближайшему соседу – мельнику.

– Так Марта уже полгода, как умерла, – огорошил меня он.

Я ухватила за перила, пошатнувшись. Ноги вдруг стали ватными.

– Но как же?.. – пролепетала я. – Не может этого быть... Она же писала мне в школу. Я получила от нее пять писем. Последнее месяц назад.

– Это я посылала тебе письма, – на крыльцо вышла жена мельника, герра Лукреция, – проходи в дом, я все расскажу.

На подгибающихся ногах я зашла в гостиную. Усадив меня за стол и дав в руки чашку с чаем, она принялась рассказывать.

– Марта слегла сразу же после твоего отъезда, словно держалась лишь до тех пор, пока ты уедешь, – женщина с жалостью смотрела на меня, – я приносила ей еду, лечебные настои, но ничего не помогало, она медленно угасала. Она заставила нас забрать коз.

– А как же письма? – хлюпнула носом я.

Почему я ничего не замечала? Я видела, как ей тяжело было дышать и какой бледной она была, как плохо ела, но не придавала значения.

– Она продержалась до твоего первого письма. Потом села и написала шесть писем подряд. Отдала их мне и попросила отсылать

раз в месяц по одному письму, – Лукреция встала и подошла к комоду, вытащила связанные конверты. – Вот, Дениза. Все твои письма, кроме первого. Я их не читала, можешь забрать.

Меня душили слезы. Марта умерла одна, в холодном пустом доме, а я даже не знала об этом.

– Не плачь, – рука Лукреции накрыла мою, – это был ее выбор. Она хотела, чтобы ты училась, и не хотела, чтобы переживания за нее отвлекали тебя.

– Вы знаете, кто я? – я подняла на женщину заплаканный взгляд. Она улыбнулась.

– Догадываюсь. Но не беспокойся, я никому не скажу. Марта выучила моих детей читать и писать, была моей подругой, я сберегу ее и твою тайну.

– Спасибо, – хотелось забиться в самый темный угол и выплакаться, но оставался еще один вопрос, который меня занимал. – Вы говорили, что она вам передала шесть писем. А мне пришли только пять.

– Да, конечно, – Лукреция протянула конверт, – держи. Это последнее. Марта просила отправить его в первый день осени, но если ты уже здесь...

– Где ее похоронили? – поинтересовалась я, бережно складывая письмо в карман.

– На местном кладбище, почти у самой ограды, с северной стороны.

Я благодарно кивнула.

– Оставайся у нас, переночуешь, завтра пойдешь на могилу, – женщина обеспокоенно посмотрела в окна, солнце уже село.

– Я переночую в нашем доме.

– Но он же заколочен! – воскликнула Лукреция. – Давай хоть пошлю сына, чтобы он вытащил гвозди.

– Я справлюсь сама, спасибо вам за все, – я вытащила из-за пояса золотой и положила на стол, жена мельника ошарашенно таращилась на невиданное богатство. – Прошу вас, позаботьтесь о ее могилке, вряд ли я когда-нибудь снова приеду сюда.

Женщина мелко закивала. Я развернулась и вышла за дверь. На сердце лежала тяжесть. Такая, что было больно дышать. Она давила на грудь, клонила к земле. Хотелось упасть и больше не вставать никогда.

Я заставила себя пройти еще триста шагов и дойти до нашего дома. Маленькое заклинание – гвозди рассыпались песком. Я открыла дверь и вошла внутрь.

Ноги подогнулись сразу же, словно из меня выдернули стержень, я мешком упала на пол. Зажав кулак во рту, прикусив пальцы, свернувшись калачиком, я завывала от горя. Горячие слезы хлынули из глаз. Я оплакивала няню, маму, папу, мое беспросветное мучительное одиночество. Страшное, безмерное, невыносимое. В детстве я мечтала о брате или сестре. Потом хотя бы о кузинах и кузенах. Но папа и мама не стремились наладить отношения с родственниками. Они замкнулись в своем мире и никого туда не пускали. Я была предоставлена многочисленным гувернанткам и слугам. И у меня была Марта. Моя любимая няня!

Сколько я себя помнила, с самого раннего детства она была рядом. Заботилась обо мне, учила, воспитывала, оберегала от болезней. Самая добрая няня на свете, мудрый учитель, верный преданный друг, строгий наставник, опекун, моя вторая мать.

А теперь я осталась одна во всем мире.

Как долго лежала – не помню. Кругом было темно и тихо. Света луны едва хватало на то, чтобы видеть очертания предметов в гостиной. Кряхтя как столетняя старуха, поднялась с пола, вытащила лампу из чемодана и зажгла ее.

Все оставалось точно так, как мне помнилось. Только пыли было много. Она покрывала пол, деревянную мебель, печь, утварь, ровно стоящую на полках.

На обеденном столе стояли письменные принадлежности, наверное, здесь Марта писала мне письма. Я села на лавку, вытащила из кармана письмо, разгладила его и принялась читать.

«Здравствуй, моя дорогая девочка. Это мое последнее письмо. Меня уже давно нет на этом свете, и тебе незачем приезжать на наш хутор. Я просто хочу, чтобы ты знала, я люблю тебя больше всего на свете. С той первой минуты, когда увидела тебя в вашем замке. Тебе было три, и ты была в шелковом розовом платье, капризничала, раскидывая пирожные по ковру. У меня не было детей, ты стала моей дочерью».

Я не смогла сдержать рыдание, вырвавшееся из сердца. Слезы хлынули из глаз, буквы расплылись, и я на некоторое время отложила

письмо.

«Сейчас, наверное, ты плачешь, – продолжила я читать. Как же хорошо она меня знала. — Ты хорошая, добрая девочка. И я знаю, что ты любишь меня так же сильно, как я тебя. Я благодарна Фредерику и Эльзе за то, что они не уволили меня после того, как ты выросла и больше не нуждалась в няне. Не верь тем, кто будет говорить плохо о твоём отце. Он был благородным и честным человеком. Может быть немного рассеянным и легкомысленным, но не предателем, уж точно. Я ни одной секунды не верила, что он мог бы убить человека.

Ты очень похожа на него. В тебе течет его кровь, гордись этим.

Не верь никому, кто говорит, что ты второй сорт. Что если ты не знатна и не богата, то должна довольствоваться малым. Я когда-то поверила подобным словам в свой адрес, стала любовницей богатого герра, когда учила его детей. Десять лет длилось мое украденное счастье, потом он просто меня уволил. Итог моей жизни ты знаешь. Нет, я не жалею, ведь в конце ее у меня появилась ты.

Не слушая никого, кто унижает тебя, кто вешает ярлыки, кто говорит, что всё и все имеют свою цену. Ты стоишь большего, гораздо большего. Нет... не так. Ты бесценна, девочка моя.

Люблю тебя. Твоя Марта».

Дрожащими руками я отложила листок. Некоторое время сидела в полной прострации, не способная ни о чем думать, машинально глядя строчки, написанные няней. А когда начала складывать письмо, вдруг на оборотной стороне увидела приписку мелким шрифтом. Я склонилась ближе.

«П.С. Думаю, ты должна знать еще кое-что. Несколько лет назад я написала твоей бабушке, матери Фредерика, бывшей ариш, Брианне Крей. Сообщила, что ты жива, здорова и находишься у меня. От нее пришло письмо, что она не хочет тебя знать, и внуки у нее нет. Я не говорила тебе, чтобы не расстраивать».

Вот, значит, как. Меня это не расстроило совершенно, по сравнению со смертью Марты отступничество бабушки показалось комариным укусом, тем более я никогда в жизни ее не видела. После того, как папа женился на маме против воли родни, те отвернулись от него.

Я бережно сложила письмо и положила в карман. Буду много раз его перечитывать, но не сейчас. Я чувствовала себя больной. Голова

раскалывалась, в груди болело, меня лихорадило, словно от высокой температуры.

Вряд ли сегодня засну. Я встала, поплелась к полкам над печкой, нашла кое-какие травы и поставила чайник. Остаток ночи смотрела в окошко, грея руки о кружку с настоем. До тех пор, пока над лесом не занялась заря.

Цветов я нарвала на лугу перед кладбищем. Могила уже успела зарости травой. Повыдергивала самые высокие стебли, разложила цветы вокруг скромного деревянного памятника, сверху повязала узлом свой подарок – пуховый платок.

– Прощай, нянечка, – произнесла тихонько, боясь спугнуть утреннюю рассветную тишину, – ты всегда будешь жить в моем сердце.

Дорога до поселкового вокзала пешком с опустевшим, но все-же не слишком легким чемоданом, заняла почти целый день. Никто мне не встретился по пути, да я и не хотела никого видеть. Я передвигала ноги, словно заводная игрушка, бредя по пыльной дороге.

Купила билет на завтрашний поезд. Нужно еще было найти постоянный двор, но не хотелось двигаться. Сбитые ноги дико болели, и я решила посидеть ночь на вокзале. Я не одна была такая, на лавках лежало и сидело много разномастного народа, приехавшие из окрестных деревень.

«Все-таки железная дорога великое изобретение, – подумала устало. – И мой отец стоял у ее истоков. Прокладывал рельсы, строил первые вагоны. Я горжусь тобой, папа».

Я знала, что дорога в школу для меня закрыта еще на полтора месяца, поэтому с вокзала Шалира поехала прямо к Кассану. Он сильно удивился, когда увидел меня на пороге кузницы, но искренне обрадовался. Предложил пожить у него, но я оказалась. Тогда отвел меня на постоянный двор у самого порта. О чем-то пошептался с владельцем, коренастым немолодым мужчиной бандитской наружности, и мне выделили лучшую комнату с ванной всего за серебряный в месяц.

Два дня я отсыпалась. А на третий пришла в кузницу и принялась за работу. Теперь Кассану не нужно было разжигать горн, что занимало много времени и сил. Я прекрасно раскаляла заготовки на расстоянии именно до такого состояния, которое ему было нужно. И

охлаждала их почти до изморози. Из закаленной таким образом стали получались отличные ножи, сабли и другое оружие.

Была у меня и другая работа. Теневая. К Кассану иногда приносили золотые или серебряные украшения: кольца, броши, серьги. Вероятнее всего, ворованные. Мне приходилось отделять металл от камней. Из золота и серебра делала маленькие слитки, а камни сыпала в отдельный мешочек. Далее это шло ювелирам на создание новых украшений. Я старалась не задумываться о том, что моя работа не всегда законна. Я стала своей для лихого окрестного люда, меня знали и воры, и продажные девки, и богатые ремесленники, и нищие попрошайки. Я не важничала и бралась за любую работу, которую приносили Кассану в кузницу.

Свой день рождения я отметила здесь же.

– Ты вскоре покинешь меня, – однажды сказал кузнец, когда мы обедали тем, что принесла герра Виолика. Кашу с мясом и сладкими пирожками. Она частенько подкармливала нас. Я подозревала, что женщина старается для Кассана, но тот упорно не замечал ее ухаживания.

– Нет-нет! – принялась яростно отрицать я. – Что вы такое говорите!

– Обязательно покинешь, – улыбнулся грустно Кассан, – как только закончишь школу. С каждым днем ты все лучше и лучше владеешь своей магией, а после окончания школы тебе нечего будет делать в моей кузне. Я и так благодарен тебе за то, что ты пришла ко мне в трудную минуту, что позволила увидеть такое чудо, как ты. Спасибо.

Он взял меня за руку и крепко ее пожал. Я от смущения не знала куда девать глаза.

– И вам спасибо, – голос дрогнул, – вы меня научили работать и зарабатывать деньги. До вас я не умела ничего. Знала одно заклинание и была бедна, как нищенка. Прошел всего год, я уже твердо стою на ногах.

Месяц прошел незаметно. Однажды мне в руки попала столичная газета, где я прочитала о состоявшейся свадьбе Дария и Сорти. На ней присутствовали более пяти сотен человек, приглашенных со всего мира. Были все магические семейства

королевства (кроме Креев, конечно), праздник продолжался две недели... Невеста была восхитительна... Сияние ее украшений затмевало солнечный свет и так далее, и тому подобное.

Я искренне пожелала им счастья. И пусть мое восхищение Дарием так и не переросло во что-то большее, он навсегда останется моим другом. А Сорти... Он любит ее, это главное.

За неделю до начала занятий я покинула постоянный двор и переехала в королевскую школу. Заселилась в ту же комнату, двести десятую. Взяла в кладовке два комплекта формы, в библиотеке тетради и карандаши. Я была рада вернуться. Рада увидеть дышащие древностью каменные стены, благородное красное дерево панелей, широкие коридоры, огромные хрустальные люстры, сверкающие бриллиантовыми россыпями.

Фани покинула школу, и моей новой ближайшей соседкой оказалась еще одна девушка-первокурсница. Она попыталась наладить со мной дружеские отношения, но я не пошла на контакт, холодно отмахнувшись от ее предложения попить чаю с пирожными в ее комнате. Пусть лучше считает высокомерной стервой, чем потом будет отворачиваться, как Фани и делать вид, что мы незнакомы.

Младший Хорн появился в школе с блистательной Оттаной на новом паромобиле. Их сразу же окружила подобоострастная свита. Я утром шла из столовой в жилое крыло как раз тогда, когда они входили в фойе. Никогда не видела, торжественный выход монарха к народу, но думаю, было очень похоже. Я с улыбкой наблюдала за ахами и охами девушек, окруживших Оттану, восторгающихся ее туалетом, драгоценностями, посвежевшим видом. Парни отпихивали друг друга, желая первыми пожать руку Хорну. Вдруг он словно что-то почувствовал, повернул голову, и мы встретились глазами. Будто он точно знал, в каком месте огромного фойе я нахожусь. Презрительно ухмыльнувшись, я равнодушно отвела взгляд. Жалкое зрелище.

Грамоту за первый курс я повесила на стену. Она будет первой из пяти. Сначала, после встречи со старшим Хорном, я была такой испуганной, что пообещала себе больше никогда их не получать. Учиться хорошо, но не на отлично. Но потом подумала и решила, что Хорн не заставит меня трусливо болтаться в хвосте. Я буду первой, как папа, и плевать на его угрозы.

За первый учебный год я прошла хорошую школу. Были и предательство, и насмешки, и дружба. Надеюсь, дальше будет только лучше.

– Дорогие второкурсники! – начал первую лекцию профессор Лейбник. – В этом сезоне я буду вести целых два предмета – обычную математику, которую вы все, надеюсь, прекрасно знаете, – студенты вразнобой недовольно зашумели, – и логику. По ней в конце второго курса у вас будет экзамен.

Что-то подобное объявили и другие лекторы. К географии добавилась океанология и почвоведение. К домоводству – уход за ребенком, организация приемов и танцы. И так далее. «Они постепенно наращивают сложность, – подумала я. – К концу пятого курса мы будем сдавать штук двадцать экзаменов».

Я по-прежнему сидела в последнем ряду, и мне по-прежнему это нравилось. Иначе откуда бы я узнавала последние сплетни? Второкурсников стало меньше. Девушек осталось всего пятеро. Я и четыре арии. Среди парней потерь не наблюдалось.

Краем уха я услышала, что помолвка младшего Хорна и Оттаны еще не состоялась, хотя обе семьи ожидали ее с большим нетерпением. Так же бурно обсуждали свадьбу Зорга и Сорти. Говорили, что таких фейерверков не видели давно. Невеста была ослепительна, платье стоило никак не меньше сотни золотых, а драгоценные камни для его украшения Дарий сам добыл из своих рудников.

Начались учебные будни. Труднее всего было с танцами. Хорошо, что они были раз в неделю, поэтому лишь раз в неделю я подвергалась всеобщему пренебрежению. Девушек было мало, парней почти в четыре раза больше, но даже исходя из этого меня никто не приглашал. Я стояла под стеночкой, тогда как некоторые девушки меняли партнеров по несколько раз за урок. Немного утешало то, что такая я была не одна – наследник так же демонстративно стоял у стены вместе со своими телохранителями. А на вопрос учителя, почему он не танцует, ответил, что здесь не учат ничему, чего бы он не знал. Более никто не смел его тревожить.

Смешно. И даже здесь мы были похожими. Только на уроках все игнорировали меня, а наследник всех игнорировал сам.

Для танцев нужно было переодеваться в бальное платье. Его не выдавали, как форму, но теперь я могла себе позволить не опозориться. Конечно, мое шелковое, купленное в порту у контрабандистов, не шло ни в какое сравнение с великолепными платьями арий, но все равно оно было лучшим платьем, какое у меня было за последние четыре года.

Я очень старалась вести себя, как обычно, отстраненно, не обращать внимания на подчеркнутое презрение студентов, не показывает, что это меня задевает. Но иногда мне было очень больно. Почему-то именно на танцах эта боль вгрызалась внутрь и сводила на нет все мои попытки выглядеть невозмутимо.

Я хотела танцевать. Я любила музыку, плавные движения, грацию, ритм. Я знала много па и, наверное, была бы отличной партнершей, но увы.

Что ж, теперешние мои друзья живут в порту. Это ремесленники, кузнецы, булочники и торговцы. И никак не арии, пора бы это заучить. Теперь мой дом там, среди простых людей.

В этом я еще раз убедилась совсем скоро. Через некоторое время после начала занятий я опять начала замечать косые взгляды и вкрадчивый змеиный шепот за спиной. Теперь не было Дария, некому было их приструнить, я была предоставлена сама себе.

– Писали, что ее отца казнили как простолюдина, через повешенье, – увлеченно рассказывала одна девица другой.

Они сидели за столиком справа от меня, две ярко покрашенные первокурсницы, явно не арии, тех я уже научилась отличать от простых смертных по особенному взгляду сверху вниз и приглушенному вкрадчивому разговору, даже не разговору, а цежению сквозь зубы.

– Представляешь, вокруг эшафота не было ни грамма железа на целую милю, – продолжала бойко и довольно громко та, что сидела ближе к двери.

– Почему? – не слишком заинтересовано отозвалась ее подруга.

– А ты разве не знаешь? Крей повелевал металлами! Он мог уничтожить и меч, и пулю, все железо вокруг себя. Говорят, даже тюрьма была полностью каменной, а решетки из дерева.

Таких подробностей даже я не знала. Мама ничего не рассказывала о казни, а газет я тогда не читала. Да и сейчас мне было

не интересно знать, как мой отец умирал. Каждый раз, когда я об этом думала, мое сердце сжималось от боли.

– Интересно, а эта Крей умеет что-нибудь?

Я собрала поднос и, проходя мимо них, произнесла:

– Умею. Продемонстрировать?

Девушки испуганно отшатнулись, пробормотав что-то вроде «не нужно», но это им не помешало продолжить злословить, когда я отошла дальше.

Еще через неделю я обнаружила что-то липкое на ручке моей двери. Хорошо, что я знала прекрасное заклинание «чистота» – «кама», оно очищало любую металлическую деталь от лишних примесей. Потом дохлую крысу на пороге, интересно, где они ее взяли? Если они рассчитывали на истерику, то ошиблись. Прожив четыре года в деревне, я видала не только дохлых крыс, но и дохлых зайцев, волков, коров и другую живность.

Не думаю, что подобными гадостями занимались арии, те слишком возвышенные для этого. Скорее выслужиться и заработать их уважение стремятся обычные герры.

В выходные поработать не получилось. Кассана пригласили на свадьбу к другу, и он после обеда закрывал кузницу и уходил по делам. Я немного повозилась с починкой посуды для закусочной. После регулярных потасовок у них не оставалось ни одной целой тарелки или кружки.

Заняло это менее часа.

Попрощавшись с Кассаном, пожелав ему хорошо отдохнуть, я отправилась в школу. Было утро, я решила прогуляться вдоль моря и свернула в сторону порта.

– Кого я вижу! – вдруг справа раздался знакомый насмешливый голос.

Я резко остановилась, словно наткнувшись на стену. Хорн. Стоит весь такой холеный, одетый в идеально сидящую темно-синюю форму, обутий в блестящие кожаные ботинки, с модной стрижкой и гадкой кривой улыбкой на красивом лице у обшарпанного угла рыбацкой пивной. Сияет словно новый, только что отчеканенный золотой, среди горы потертых грязных медяшек.

Вот только его сейчас мне не хватало! Откуда он взялся здесь, в трущобах?

– Я слышал сплетни о том, что ты подрабатываешь в борделе в порту, но не поверил, – Хорн подошел и крепко схватил меня за предплечье, развернув к себе, – род Крея скатился до торговли телом. Какой позор!

Оправдываться было ниже моего достоинства. Я гордо вскинула голову и процедила сквозь зубы:

– Какая вам разница, как я зарабатываю себе на жизнь? Мету улицы или торгую телом, это мое дело.

В этот раз он меня разозлит. Надоело выслушивать его скабрзные шуточки.

– Пойдем со мной, я дам тебе золотой за твои услуги, посмотрим, чему ты научилась, – как-то нарочито весело высоким звенящим голосом заявил он и потащил меня вниз, к набережной, – здесь неподалеку вполне приличная гостиница, я сниму номер.

Сначала я ничего не поняла. По инерции прошла несколько шагов, а потом принялась яростно упираться.

– О чем вы говорите? Какая еще гостиница? – пыхтела сквозь зубы, выкручивая запястье. – Никуда я не пойду! Оставьте меня в покое!

– Десять золотых, – Хорн обернулся и пристально посмотрел на меня, – это целое состояние, поверь.

Я замерла, вглядываясь в идеальное мужское лицо, и не верила ушам. Он что, действительно сейчас тащит меня на постоялый двор? И это не шутки? Глаза Хорна горели каким-то хмельным азартом. Он был словно пьяный, покраснелся, часто и глубоко дышал, пальцы немного подрагивали, но это не мешало им цепко и сильно удерживать меня.

– Не нужны мне ваши деньги! – рявкнула я зло. – Отпустите немедленно!

– Я же тебе нравлюсь, не упирайся, – губы Хорна скривились в издевательской насмешке, голос стал бархатным и вкрадчивым, – ты сама этого хочешь. Но торгуешься. Так и быть – сто!

Я ошарашенно смотрела на ария. Откуда он взял, что нравится мне? Что за бред?

– Дени, малышка, этот хлыщ обижает тебя? – из подворотни вышли четверо. Впереди шел однорукий Бак, за ним его подельники – маленький Ники, Лысый и Червь. Я познакомилась с грозой воровского мира Шалира месяц назад, в кузнице. Как-то Бак прибежал

к Кассану весь запыхавшийся с просьбой починить свой крюк, который носил вместо левой руки. Где он его погнул оставалось загадкой, но крюк был словно сплюснен. То ли попал под карету, то ли зажало дверцей сейфа. Не знаю. Чтобы починить крюк, нужно было снять крепежи и перевязь с руки, а на это нужно было убить кучу времени, а Бак почему-то очень торопился. Без моих умений Кассан возился бы несколько часов, а так я за минуту Баку все починила.

Нужно отдать должное, Хорн, увидев четыре бандитские рожи, сразу же задвинул меня за спину, крепко прижимая к себе.

– Убирайтесь, отбросы, – процедил он высокомерно. Отбросы подленько захихикали.

– Дени, девочка, беги в свою школу, а мы потолкуем с этим... – четверка окружила нас, взяв в кольцо.

Дернувшись особенно сильно, я, наконец, вырвала руку и, потирая ее, отошла в сторону Бака, встав за импровизированный круг. Хорн проводил меня пристальным взглядом.

– Да вы знаете кто я?! – рявкнул он презрительно. – Завтра в порт придут гвардейцы и вздернут вас всех на виселице.

– Пусть сначала найдут, – Бак многозначительно щелкнул ногтем по заостренному кончику крюка. Тот тоненько зазвенел. Выглядело жутковато, даже я впечатлилась.

– Вы его не убьете? – пусть я была сильно зла на Хорна, но мне не хотелось быть виновной в убийстве или изуродовании одного из самых высокородных студентов. – Он тоже студент из школы.

– Нет, нет, – махнул рукой Бак, – не убьем. Просто объясним, как надо обращаться с девушками. Ну и пощиплем немножко.

Хорн зло ругнулся сквозь зубы. Он не выглядел испуганным, скорее раздраженным.

– Пока, Бак, – улыбнулась я королю воров и не удержавшись, повернулась к Хорну и язвительно произнесла: – Удачи, арий, она вам понадобится.

Если бы взглядом можно было убивать, я бы уже валялась на грязной дороге бездыханная. А так я лишь легкомысленно пожалала плечами. Сам виноват – это не я его тащила на постоянный двор. Насчет избиения не слишком волновалась, Бак сказал не покалечит, значит, не покалечит. А кольцо мне на высокородном пальце и так не нравилось, слишком вульгарное.

На обеде Хорна не было, так же он не пришел и на ужин. Я немного заволновалась. И пусть я не любила этого мерзавца, реально, он ничего плохого мне никогда не делал, только унижал словесно. Следующим утром мы случайно встретились в фойе. Я шла с завтрака и слышала визгливый голос Оттаны, которая бегала вокруг стоящего истуканом с печатью недовольства на лице Хорна и причитала, театрально заламывая руки.

– Кто были эти негодяи!? Да как они посмели поднять руку на ария? Ты уже наказал их? Расскажи отцу, он всех повесит!

Первым ко мне пришло облегчение. Жив, значит. Вторым... Я присмотрелась и с трудом подавила смешок. Торус стал, наконец, похож на нормального человека. Фингал и ссадины придавали ему этакий залихватский вид. А общая потрепанность не портила – он даже стал симпатичнее, чем был. Мужественнее, что ли.

Хорн перехватил мою улыбку, глаза его недобро сузились, пообещав страшную месть. Оттана тоже обернулась, заинтересовавшись, на кого Торус смотрит. Я опустила голову и постаралась поскорее убраться из фойе. Зря остановилась, только привлекла внимание.

Сегодня по расписанию были логика, литература, естествознание, а после обеда две практики – по географии и верховой езде. Далее час отдыха, ужин и неизменный читальный зал. Голова пухла от странного языка. Вряд ли на нем разговаривали маги, скорее, это какой-то придуманный технический язык, так как логики в его создании не наблюдалось вовсе.

Не было ни предлогов, ни причастий, ни местоимений. Может быть, они были раньше, но исчезли за ненадобностью?

Каждое заклинание заканчивалось одним – дадо. Конец. Что было логично, так как существовали очень сложные заклинания на созидание, типа той же папиной розы или меча, или еще чего-нибудь. Их текст был растянут на целую книжную страницу, а то и две. Как же все это запомнить?!

Я смогла выучить лишь простые, состоящие их нескольких слов. Типа чистки, починки, разогрева изгиба или сплющивания в тонкий лист (толщину нужно было задать, а масштаб получался исходя из того, сколько веса было в слитке). Взяв в кузнице ненужную ржавую

кочергу, я начала тренироваться в комнате, стараясь ничего не повредить.

Не всегда получалось. Под ковром у меня был спрятан абсолютно круглый выжженный блин, образовавшийся из-за того, что я неправильно заявила температуру плавления. Хорошо еще, что вовремя убрала ковер, иначе испорчен был бы и он. С расстояниями и углами все было гораздо проще. Я уже легко, за считанные мгновения, умела определять дальность и размер буквально до дюйма.

А сегодня у меня получилось сначала разогреть до красноты кочергу, потом остудить до изморози, а затем придать ей комнатную температуру. И это за полминуты.

Мастерство потихоньку росло, я чувствовала, как становлюсь сильнее, увереннее в себе. Приподнятое настроение продержалось до самой ночи, пока на меня не напали из темноты.

Я вышла из библиотеки как всегда последней и побежала в жилой корпус по пустынному коридору, шепотом повторяя числа. Унат, дору, трип, кира... И вдруг чья-то темная высокая фигура отделилась от стены и встала на пути. Я испуганно дернулась назад, разворачиваясь. Не успела. Мужчина схватил меня за плечи и втолкнул в какой-то кабинет, я даже ничего не успела понять. Дверь щелчком закрылась.

– Я ждал тебя, – многозначительно произнес Хорн.

Сначала на меня нахлынуло облегчение. Все-таки Хорна я опасалась гораздо меньше, чем того же Гехарда. Почему-то в глубине души была твердо уверена, что Хорн ничего плохого мне не сделает.

– Зачем? – пискнула робко, отступая.

– Твои дружки постарались на славу, – прошипел он, – чтобы выкупить обратно кольцо мне пришлось отдать целое состояние. Ты думаешь, тебе все сойдет с рук?

Казалось, он едва сдерживался, голос был похож на рычание зверя. Рокошущее и хриплое. Я нервно хмыкнула и сделала еще один шаг назад.

– Из-за меня? – переспросила удивленно. Пусть удивление было наигранным, я постаралась придать голосу твердость. – Вы, арий, что-то путаете. Не я тащила вас на постоянный двор, не я выдумывала разные небылицы.

Комната кончилась, и моя спина уперлась в холодный камень стены. Хорн подошел вплотную и грозно навис сверху. Выражение на

его лицо было странным. Вроде он был напряжен, зол и взвинчен, но глаза лихорадочно полыхали, а на лбу выступила испарина, словно ему было жарко.

– Как же ты меня бесишь! – рвано выдохнул он и прижался губами к моим губам.

От шока я на мгновение потерялась в пространстве. Это был не поцелуй, о котором я мечтала в розовом безоблачном детстве, читая сказки о принцессах. Это была ярость, гнев, насилие. Что угодно, только не трепетная нежность, описанная там.

Протестуя заминая, плотно сомкнув губы, я принялась вырываться. Куда там, проще отодвинуть гору. Твердое, словно высеченное из гранита тело, прижало к стене, не давая пошевелиться. Пальцы ухватили за подбородок и нажали вниз, открывая мой рот.

Я беспомощно барахталась, отталкивая его руками, колотя по спине. Я даже не могла укунить, так его рука жестко зафиксировала челюсть, не давая сжать зубы. Я выталкивала его язык своим, но добилась лишь того, что он застонал, как от боли, и начал целовать еще яростнее.

Не было ни мягкости, ни чуткости, ни очарования. Это была грубая уродливая страсть. Не думала, что таким будет мой первый поцелуй. Было неприятно и страшно. Я горела, мне не хватало воздуха, дрожала от гнева и обиды. Хорн целовал жадно, отчаянно, торопливо, словно куда-то спешил и боялся не успеть. Его руки впивались в кожу, а хриплое тяжелое дыхание обжигало мое лицо.

И тут я, наконец, вспомнила, что не беспомощна. Под моими пальцами оказались пуговицы его камзола. Мысленный шепот, импульс силы, и они начали раскаляться. Кожа на моих пальцах загрубела от постоянных тренировок с температурой, а вот его нежное тельце вряд ли выдержит.

Через мгновение Хорн замер, а потом отскочил, как ошпаренный. Пару раз ударил себя по груди, потом, сообразив, что к чему, одним движением разорвал камзол. Раскаленные пуговицы со звоном посыпались на пол.

Мы стояли друг напротив друга и тяжело дышали. Вид у Хорна был взъерошенный и жутковатый. Его грудь бурно вздымалась, в глазах было что-то дикое. Гибкое сильное тело, казалось, замерло

перед броском. Я демонстративно медленно вытерла губы тыльной стороной ладони.

– Закончили, арий? – произнесла я, придав язвительности дрожащему голосу. Хорн угрюмо молчал, тогда я медленно развернулась и пошла к выходу. Что за безумие это было – не знаю, но оно прошло.

– Подожди, – хрипло произнес он, когда я уже дошла до двери, – нужно поговорить.

Я остановилась, наверное, из простого любопытства, другого объяснений своему поступку не видела. Взялась за ручку, приоткрыла створку и застыла в полуобороте, ожидая продолжения. Если двинется, сразу же юркну за дверь.

– Дария больше нет в школе, – голос парня был тихим и сдавленным, словно он сам не верил в то, что говорил, – защищать тебя некому.

Я выжидательно молчала, рассматривая точеный аристократический профиль в бледном голубоватом свете, льющим из окна. Губы распухли и болели, почему-то дрожали ноги.

– Студенты могут быть довольно жестокими, если избрали тебя своей целью, – продолжал он, – унижения будут множиться, Дениза. Дальше будет лишь хуже.

– Я смогу справиться с этим, – холодно ответила, открывая дверь шире, прерывая странный разговор.

– Стой! – рявкнул он. Я замерла.

– Не сможешь, поверь. Против грубой мужской силы ты ничего не сделаешь. Я с легкостью это продемонстрировал пять минут назад. – Я попыталась возразить, но он поднял ладонь, – а если парней будет несколько, и у них на теле не будет металла?

Я вздохнула.

– Что вы предлагаете?

– Свою защиту, – криво улыбнулся Хорн. Не веря своим ушам, я уставилась на парня, – конечно, не я сам буду охранять тебя, это ударило бы по моей репутации. Несколько старшекурсников мне задолжали. Они и станут твоими телохранителями.

– Какая вам в этом выгода? – я по-прежнему ничего не понимала, Хорн не производил впечатление бескорыстного благородного рыцаря. – Зачем вам это?

Арий некоторое время молчал, словно собираясь с мыслями. В темноте комнаты его глаза странно блестели.

– Я сегодня ночью в общежитии. Придешь ко мне в комнату после двенадцати. Номер десять, на втором этаже. Постарайся, чтобы тебя никто не увидел.

Мне вдруг стало горько до тошноты. «Постарайся, чтобы никто не увидел». Я отрывисто хихикнула, раз, второй. А потом громко рассмеялась. Наверное, это была истерика или еще что-то, такое же противоестественное. Я смеялась, пока не почувствовала, как слезы наполняют глаза.

– Что я сказал смешного? – ледяным тоном отрезал Хорн.

– Это не благородно, шантажировать девушку ее безопасностью, – на мои губы сама собой напознала идиотская улыбка, – предлагать защиту в обмен на что-то... такое постыдное и гадкое.

– Да причем тут благородство?! – рявкнул он, стукнув кулаком по стене. По-видимому, он не разделял моего веселья, если был такой злой. – Я хочу тебя так, что темнеет в глазах. Ты сидишь у меня в голове как заноза! С того самого мгновенья, как я увидел тебя в столовой год назад. Это болезнь! Болезнь, от которой я хочу излечиться!

Я мало что поняла из его громкого монолога, в делах любви я была невежей. Только то, что он меня хочет. Значит... я ему нравлюсь? Удивительно... Пожалуй, мне должно быть лестно, что я привлекла внимание такого высокородного ария. Я постаралась ответить как можно мягче, чтобы не обидеть парня.

– Если я вам нравлюсь, тогда, наверное, вы должны поступать по-другому... – выдавила робко. Я была не сильная в подобных вещах, это оправдывало мое косноязычие, – ухаживать... Бескорыстно помогать, заботиться.

– Ухаживать? Заботиться? – повторил Хорн презрительно. Потом поднял лицо к потолку и громко захохотал. Я в недоумении хлопала глазами. – Ты думаешь, я буду ухаживать за такой, как ты?!

И вдруг я почувствовала себя душой. Круглой, простой как бублик. Мне стало обидно до слез. Не потому, что Хорн мне нравился, совсем даже наоборот – в этот момент я ненавидела его всей душой. Просто он сейчас олицетворял собой всех благородных мужчин. И его слова значили лишь то, что никто из них не предложит мне достойных

отношений. Никто не возьмет меня замуж, никто не посмотрит, как на равную. Неужели моей судьбой станет одиночество или замужество с простолудином?

Нет, мне нравились простые работяги, типа Кассана, я сдружилась с ними, но создать семью... У нас должно быть одинаковое воспитание, интересы, устремления. Нет, я не сноб. Как бы я не уважала Кассана, но с ним я не могла разговаривать об искусстве, науке, архитектуре. Даже его речь. Простая речь работяги с частыми ругательствами и проклятиями. Я не смогла бы слушать ее ежедневно в своем собственном доме, воспитывать детей в подобной среде.

Но пора заканчивать этот балаган.

– Даже если бы стали за мной ухаживать, арий Торус Хорн, – произнесла я холодно, – я бы не приняла ваших знаков внимания. Вы мне не нравитесь. Скажу больше – вы противны мне. Меня тошнит от ваших поцелуев, прикосновений. Вы самый мерзкий человек из всех, кого я встречала в жизни.

Я шире открыла дверь и уже собиралась выйти, как вспомнила, чем еще можно его уколоть.

– Вы потеряли не только родовую магию, арий. Вместе с ней вы потеряли последние остатки благородства. Скорее солнце упадет на землю, чем я приду в вашу комнату.

Очень хотелось хлопнуть дверью, ставя импровизированную точку в разговоре, но дверь-то в чем виновата? Я тихонько закрыла ее, оставляя растерянного, на мой взгляд даже ошарашенного мужчину. Его потрясенное лицо немного смягчило боль от грубых слов «думаешь, я буду ухаживать за такой, как ты». Но как я ни старалась, они еще долго звенели в моих ушах, не давая заснуть.

Именно тогда, придя вечером в свою комнату после этой неприятной сцены в пустом кабинете, я впервые задумалась о наших странных отношениях. Я не могла отрицать того, что с Хорном возникла какая-то связь. Корявая, нелогичная, но она была, и нужно честно это признать. До этого момента я не обращала внимания на частые столкновения в коридорах школы, в библиотеке, в парке. Он был (и есть) мне неприятен, и я всеми силами старалась (и буду стараться дальше!) избегать этого избалованного красавчика. Но...

Что же сегодня произошло в кабинете? Хорн не похож на насильника, да и зачем ему это, если абсолютно все студентки смотрят на него с восторженным обожанием.

Я закрыла глаза и вытянулась на кровати. Передо мной возникло его лицо. Сердце тотчас забилося чаще. Почему я не могу избавиться от этого необъяснимого бессознательного восхищения его красотой? Или он для меня просто пример эстетического идеала? Этаким абстрактный образ молодого бога, эталон внешней привлекательности?

Что же, в своих чувствах я разобралась. Теперь его.

Пункт первый – я ему нравлюсь.

Увы, я слабо понимала, что это значит по отношению к людям. Вот мне нравились воздушные заварные пирожные, которые пекла кухарка в нашем замке. Еще сверкающие драгоценности и красивые шелковые платья. Это было в детстве. Потом, предпочтения изменились. И мне уже стало нравится другое. Мартини пирожки с капустой и запеченная утка с яблоками, дикая малина и короткое северное лето.

Хорн же все время оскорбляет и унижает меня. Это никак не вписывается в понятие нравлюсь. Да он сам рассмеялся мне в лицо, когда я это предположила.

Пункт второй – он хочет меня как женщину? Еще непонятнее. С этой стороной жизни я не сталкивалась ни разу. Марта рассказывала всякие ужасы о первой брачной ночи, но, с другой стороны, мама не выглядела по утрам такой уж несчастной и грустной. Совсем наоборот. Как бы там ни было, как же Хорн может хотеть видеть меня своей любовницей, если я ему не нравлюсь? Это логическое противоречие, сказал бы профессор Лейбник.

И последнее, что осталось. Он любит меня? Нет! Это так же невероятно, как то, что земля плоская. Двенадцать лет у меня перед глазами был пример любви между мамой и папой. Это было нечто чудесное. Они не могли оторваться друг от друга, постоянно касались руками, целовались, обнимались. Папа регулярно дарил маме подарки – драгоценности, цветы, свои поделки из золота и серебра. И когда папу казнили, мама не могла дальше жить без него. Она потеряла смысл существования.

Как я не думала о Хорне, так ничего путного не придумала. Но в одном он был прав, заставив меня задуматься об опасности, подстерегающей в темных пустых коридорах. И я больше никогда не выходила последней из читального зала и не шла беспечно поздними вечерами в жилое крыло.

Учеба шла своим чередом. У меня вдруг открылись способности к рисованию. В детстве мне не хватало усидчивости, и учитель рисования не смог ничему толковому меня научить. Сейчас же времени было хоть отбавляй, а из моего окна открывался замечательный вид на порт, который я могла рисовать бесконечно. Жаль, что рисование было лишь факультативом, всего раз в неделю.

Мелкие пакости от студентов уже почти не обижали. Я принимала их как данность. Беспокоило лишь одно – ария Оттана начала потихоньку присматриваться ко мне. То ли она услышала какие-то сплетни, то ли узнала о непонятном интересе Хорна, но в последнее время я все чаще и чаще стала наткаться на ее пристальный ненавидящий взгляд.

До этого момента арии считали ниже своего достоинства обращать на меня внимание, как бы хотелось, чтобы так было и в дальнейшем. Но увы.

Первую сплетню я услышала на уроке верховой езды. Я плелась последней на послушной каурой лошадке, рассматривая экзотические деревья школьного сада, высаженные вдоль аллеи, и вдруг ветер донес до меня разговор двух девиц, едущих впереди.

– Она сама вешается Хорну на шею, – я чуть тронула поводья, заставляя лошадь идти медленнее, чтобы не слышать злобные выдумки, – Оттана говорила, что эта потаскушка Крей пытается залезть в постель к ее жениху.

– Да ты что? А со стороны такая тихоня, – пошептала ария Наина, дочь мера столицы.

– Дарий ее бросил, она теперь ищет нового покровителя, точно тебе говорю, – я почти остановила лошадь. Девушки отъехали так далеко, что их разговор стал набором ничего не значащих звуков. Я подняла голову вверх, рассматривая высокое голубое небо, сдерживая невольно выступившие слезы. Вот, значит, как думают обо мне? О Дарии. Нашу дружбу извратили, превратили во что-то постыдное.

Я со злостью ругнулась и тут же заулыбалась, подумав, что общение с Кассаном не прошло бесследно, сквернословить я умею не хуже портового грузчика.

Плывать на сплетни. Если девушкам нечем развлечься, пусть сплетничают. Слова, как дым, растворяются в воздухе и не причиняют вреда.

Я медленно ехала вдоль аллеи, желая продлить урок верховой езды как можно дольше. Не хотелось возвращаться в пустую маленькую комнату, видеть в столовой презрительные взгляды студентов, особенно после того, как узнала, что думают обо мне и Хорне. Мрак! Этот высокородный выскочка приносит одни проблемы. Женился бы уже скорее на Оттане и дело с концом.

Вдруг я услышала крики и шум. Вдоль аллеи находилась арена для прыжков через барьер. Меня словно кто-то дернул за плечо, я повернулась и увидела, как Хорн собирается прыгать. Наши глаза встретились, его лошадь остановилась перед препятствием, как вкопанная. Он чуть не вылетел из седла.

Пусть до Хорна было около сотни ярдов, я явно увидела, как вспыхнули его глаза, сжались губы, каким напряженным стал взгляд. Прошло более двух недель, и это была первая наша встреча после того вечера. Я старалась не вспоминать о том, что произошло, слишком больно ударили его слова об ухаживании по моему самолюбию, но сейчас, на мгновение, я словно перенеслась во времени на две недели назад, в темный безликий кабинет.

Я сразу же отвернулась, дернула поводья, лошадь перешла на рысь, но это не помогло. Тело охватил жар. Я чувствовала взгляд Хорна, прожигающий спину, и мое сердце стучало, как сумасшедшее.

Его язык у меня во рту. Так интимно и порочно. Вкус на удивление приятный. Впервые я так близко к кому-то. Кожа к коже, сильные пальцы, обхватившие подбородок. Моя вынужденная неподвижность одновременно и бесит, и волнует. Его голодный рот, обрушившийся на меня, как ураган. Лихорадочные, жгучие поцелуи, выжигающие отметины. Твердое тело, вжимающее в стену, напряженные мышцы, вздувшиеся вены на шее.

Сумасшествие!

Я тряхнула головой, пытаюсь избавиться от воспоминаний. Все, что мне нужно помнить, это то, что он презирает меня, и одна мысль

об ухаживании за такой, как я, вызывает у него истеричный смех.

Девушки уже выходили из конюшен, когда я спешила. Я взялась за повод и повела лошадь в стойло. Три девицы прошли мимо, хитро перемигиваясь. Вдруг лошадь резко дернулась и взвилась на дыбы. Я не успела отпустить повод, она потащила меня вперед, и я неуклюже растянулась на песке, ободрав ладони. Сзади послышались злорадные смешки. Неужели, они чем-то укололи бедное животное? Я встала, отряхнула платье и медленно обернулась, собираясь дать отпор. Но увидела лишь спины. Девушки торопливо уходили прочь, хихикая. Мелкие пакостницы.

– Что-то случилось? – из конюшни вышла герра Нарана. – Твоя лошадка стоит у стойла одна. Ты же знаешь правила, нужно завести ее внутрь.

– Все в порядке, герра, – я тряхнула головой, – сейчас сделаю.

И побежала в конюшню.

На сегодня это была последняя практика. Далее – домашнее задание, ужин и неизменная библиотека. Сегодня мне будет некогда заниматься родовой магией, по литературе задали достаточно сложное задание. Каждому студенту индивидуальное. Мне достались древние баллады севера о героическом воине Янусе. И пусть я там жила четыре года, но ни о каком Янусе не слышала. И Марта ничего не рассказывала. Наверное, этот герой жил так давно, что все о нем забыли, кроме нашего профессора по литературе.

На ужин я взяла кашу и чай. Давно прошло то время, когда я набирала полные подносы. Аппетит поумерил свой пыл.

С недавнего времени Хорн начал все чаще оставаться на ночь в школе. А вместе с ним и Оттана. Теперь я их встречала не только за обедом, но и на завтраке с ужином. Беда.

Вот и сейчас заметила, как темноволосая красавица, увешанная драгоценностями, гордо дефилирует с подносом. И почему-то в мою сторону. Хорн уже сидел за столиком у окна. Я опустила голову, мимоходом отмечая, что Оттана с Хорном удивительно подходят друг другу. Свет и тьма, день и ночь. Когда они вместе – глаз не оторвать. Красавец блондин и жгучая яркая брюнетка.

Вдруг я почувствовала, как что-то течет мне на грудь. Липкое, пахнущее ягодами. Платье мгновенно промокло, белье тоже. Я резко

вскинула голову. Оттана стояла рядом и с улыбкой держала надо мной в руке бокал с напитком. Уже пустой.

– Ой, – омерзительно жеманно произнесла она, – случайно перевернулся.

Сидящие за соседними столиками студенты злорадно захихикали. Оттана отвернулась и направилась к своему столу с чувством отлично выполненной миссии. Я скрипнула зубами. Как же это все мне надоело! Формула изначального состояния сама собой, я даже не заметила. Поднос в руках арии рассыпался гранулами серебра. То же случилось и с вилкой, и с ножом. Тарелка с салатом и стакан со звоном полетели на пол. Надеюсь, у нее на пальцах не было колец. Заклинание конусом разошлось от меня и распылило весь металл, который находился на расстоянии ярда и под углом в сорок пять градусов.

Сначала Оттана не поняла, что произошло, как и все вокруг. Поднос с приборами просто исчез. Через мгновение до нее дошло. Девушка с яростью развернулась в мою сторону.

– Да как ты посмела?! – прошипела свистящим голосом.

Я пожала плечами и невинно заявила:

– Случайно вырвалось.

Оттана шагнула в мою сторону. Не знаю, что она намеревалась сделать, но не успела.

– Вы собираетесь убирать за собой, ария Оттана Нурв? – раздался рядом холодный голос. Мы синхронно обернулись – в проходе стоял наследник престола вместе с неизменными телохранителями. – Намусорили, так будьте добры приберитесь.

Оттана впервые на моей памяти растерялась. Какой неприятный щелчок по носу. Лишь один человек во всей школе мог ее приструнить. И этот человек сейчас стоял напротив со скучающим выражением на молодом худощавом лице.

– Это не я, это она, – пролепетала девушка, кивнув в мою сторону. Наследник скептически приподнял брови.

– Это же ваш салат на полу?

Оттана скрипнула зубами и пробормотала:

– Сейчас позову слуг, ваше высочество, они все уберут.

Поклонилась и гордо пошла в сторону выхода. Наверное, потеряла аппетит. Наследник, не глядя на меня, обошел рассыпанные по полу листья салата, кашу, раздавленное пирожное и двинулся к

раздаче. Я проводила его внимательным взглядом. Эдвард вступился за меня? Или Оттана и его достала? Как бы там ни было, я была благодарна парню за своевременное вмешательство.

Хорн не побежал вслед за своей пассией. С непроницаемым выражением он спокойно ел ужин. Зато побежали на выход ее верные приспешницы, наверное, успокаивать. Под неодобрительное безмолвие я отнесла поднос и вышла из столовой.

Я не была душой и прекрасно понимала, что моя выходка с распылением подноса могла выйти боком, если бы не вмешательство наследника. Но и спустить оскорбление я не могла, ведь я пообещала себе, что буду адекватно отвечать за каждое унижение. Платье испорчено, белье тоже. Мне опять придется идти на поклон в прачечную и к коменданту. Ведь за последнюю неделю я отдала в чистку уже два комплекта формы.

На одном – рваные дыры на локтях из-за падения на гравий перед конюшней. На другом – масляное пятно по подолу из-за того, что я не заметила разлитое масло перед своей дверью. Дело было вечером, в коридоре было темно, и я упала прямо в лужу. Комендант пригрозил, что скоро я сама буду оплачивать форму.

Я уже не плакала по вечерам в своей комнате из-за подлой клеветы и пустых домыслов. Я закалила сердце и душу. Часто перечитывая последнее письмо Марты, перекраивала себя, искореняя робость, смущение, нерешительность. Наивности и легкомыслия я лишилась давно.

Остался последний экзамен. Я должна сама проявить инициативу, сделать шаг на встречу.

Да, на уроке танца подойду, и сама приглашу партнера. Только вот кого?

Я стояла у стены и смотрела на студентов. Танцевали лишь пять пар, четыре студентки и учитель танцев герра Лидира. Далее партнеры сменялись. И так по кругу.

Из моего курса не все плохо ко мне относились. Многие парни были вполне добродушны, иногда здоровались или придерживали дверь в аудиторию. И вдруг я встретила глазами с наследником. Он стоял у стены с непроницаемым выражением на лице и наблюдал за мной, словно гадая, что я задумала.

«А будь, что будет», – решила я и двинулась по направлению к нему. Одним унижением больше, одним меньше.

Брови Эдварда полезли вверх, в глазах появилось изумление. Он тут же взял себя в руки и шагнул в мою сторону. Мы встретились посередине зала.

– Позвольте пригласить вас на танец, герра Дениза, – произнес он, вежливо поклонившись. Я смущенно кашлянула. Выглядело так, словно он сам первым решил предложить руку, а на самом деле он спас меня от позора.

– С огромным удовольствием, ваше высочество, – присела я.

Юноша протянул руку, и я вложила свою ладонь в его. Класс замер в шоке. Даже учительница перестала кружиться. Мы танцевали молча, никого не замечая вокруг, и нам было очень комфортно вдвоем. Мы были почти одного роста, оба худощавые и гибкие. Оба прекрасно знали па. Я искренне наслаждалась, надеюсь, наследник тоже. По его лицу невозможно ничего прочесть, но глаза насмешливо блеснули.

Танец закончился. Герра Лидира восторженно захлопала в ладоши.

– Вот пример идеальной пары, тот случай, когда чувство стиля, музыки, грация соединились вместе. Bravo.

Кроме нее больше никто не выразил восторга. Девушки сразу же сбились в кучу и начали шептаться, косясь в нашу сторону.

– Представляю, какие сплетни завтра пойдут по школе, – рискнула предположить я, когда Эдвард провожал меня к моей стеночке. – Не боитесь, ваше высочество?

Было немного странно слышать свой спокойный немного легкомысленный голос со стороны. Я до сих пор не верила, что решилась на подобный подвиг – пригласить на танец брата человека, которого убил мой отец. И что самое дикое – тот принял приглашение.

– Пора немного запятнать мою безупречную репутацию, – насмешливо улыбнулся в ответ наследник, – слишком уж я образцовый.

– Вы себе льстите, – отмахнулась весело я, – до совершенства вам как до луны. За несколько минут танца я заметила парочку огромнейших недостатков.

– И каких же? – приподнял бровь его высочество, включаясь в игру. Я немного наклонила голову и понизив голос до шепота

таинственно произнесла: – Вам нужно больше тренироваться в вальсе. Ведя партнершу, вы стремитесь уволочь ее налево.

Эдвард рассмеялся. Зал ошеломленно замер. Наверное, никто и не предполагал, что наследник умеет смеяться. Откуда я, выросшая в глуши, знаю правила легкомысленной светской беседы? Меня же никто не учил. Может, подслушала в детстве, когда наблюдала украдкой за гостями на наших многочисленных балах? А может, это знание у меня в крови?

– Есть такой недостаток, – с улыбкой кивнул Эдвард, – учитель танцев всегда ругал за это. Наверное, потому-то я левша. А еще?

Парень с любопытством смотрел на меня. Да, сплетникам будет чем поживиться. Я представляю, какие небылицы они придумают о нас. Будет оригинальнее, чем с Дарием и Хорном.

– Еще... – задумчиво покусала губы я. – Когда вы кого-то вычитываете, то лучше делайте это не с таким серьезным видом. На молодом лице серьезность пока не смотрится, вот через пару десятков лет...

– А что вы посоветуете сейчас? Как мне лучше показать свое высокородное высочество перед простолюдинами? – я с трудом сдержала желание рассмеяться. Оказывается, наследник тоже умеет шутить.

– Лучше небольшая улыбка, скорее ухмылка, – назидательно произнесла я, – это выглядит гораздо более пугающе, чем серьезность. А вкупе с вашим фирменным монотонным голосом она будет смотреться сногшибательно.

– Заметано, – я удивленно хмыкнула, наследник знает сленг простолюдинов? Все интереснее и интереснее.

Тут прозвенел звонок, и герра объявила конец урока. Впервые я пожалела, что урок танцев так быстро закончился. Все пошли на выход, Эдварда окружили телохранители, я направилась к себе переодеваться. Настроение было приподнятым. Мое мнение о наследнике изменилось коренным образом. Его напускная серьезность и холодность, всего лишь маска. А за ней прячется такой же одинокий человек, как и я, жаждущий общения. И что самое странное – он не обвиняет меня в измене. То, что я Крей, никак не повлияло на его отношение ко мне.

Все-таки правильно я сделала, что рискнула и первой пошла на встречу. Моя решительность дала плоды. Я впервые танцевала, и с кем! С наследником престола! Права была Марта. Смелость города берет.

Моя дорогая няня, как же мне тебя не хватает. Иногда я даже ей пишу мысленно письма, описываю все, что происходило со мной в школе, в кузнице. Советуюсь, жалуясь, прошу помощи. И она отвечает. Говорит, что верит в меня, что всегда знала, какая я умная и отважная. Что у меня получится все, чтобы я не задумывала.

Но пока я ничего такого грандиозного не планировала. Я ставлю перед собой небольшие цели – хорошо учиться, заработать денег, потанцевать с приятным партнером.

И мои цели осуществляются.

Опасения подтвердились – за ужином в столовой яблоку было негде упасть. Собрались все пять курсов школы, ожидая развлечений. Я быстро огляделась – почти все столики были заняты. Горящие азартом глаза студентов тоже заметила, и не стала их разочаровывать. Набрала поднос и подошла к столу, за которым сидел его высочество. Телохранители стояли за его спиной.

– Не помешаю? – неуверенно улыбнулась.

Эдвард молча встал и отодвинул мне стул. По залу пронесся дружный вздох. Я присела и взяла приборы.

– Как вы думаете, мы достаточно развлекли публику или нужно еще что-нибудь сделать для «омрачения» вашей идеальной репутации? – начала я непринужденную беседу.

– На сегодня, пожалуй, хватит, – невозмутимо произнес Эдвард, – а завтра мы еще что-нибудь придумаем.

– Договорились, – кивнула я и взялась за ужин.

На самом деле, я сильно рисковала, так нагло навязывая себя наследнику, каждую секунду ожидая холодного отпора или унижения. Кто я и кто он? Но нет – то ли наследник решил развлечься, то ли ему нравилось шокировать публику, то ли еще что, но со мной он был мил и любезен.

– Приятного аппетита и до завтра, – Эдвард закончил ужинать раньше меня.

Я улыбнулась, провожая глазами узкую юношескую спину, окруженную с двух сторон высокими громилами.

Я тоже не стала задерживаться. Всеобщее пристальное внимание нервировало. Злого шепота не стало меньше, просто он стал более тихим и вкрадчивым. И, как назло, на выходе из столовой столкнулась в Хорном. Словно он поджидал меня.

– Быстро ты нашла нового покровителя, – прошипел он раздраженно.

Я мгновенно вскипела. В последнее время один вид этого напыщенного красавчика будит во мне разрушительные негативные эмоции. Мне хотелось сделать ему больно, уколоть, обидеть. Так сильно, как он обидел меня.

– Наследник оказался не слишком разборчивым, – медовым голосом пропела я, повторяя слова, сказанные Хорном ранее, – ему сгодилась даже такая, как я.

На долгий спор времени не было. Сзади поджимали студенты, выходящие из столовой. Хорн ругнулся сквозь зубы и отскочил в сторону, словно взбешенный жеребец. Я не стала прятать ухмылку. Какой он все-таки странный. Противоречивый и непредсказуемый. Но какой же красивый!

Я не хотела замечать, какие ярко-синие у него глаза, густые шелковистые волосы, волевой подборок. Как ладно сидят брюки на его мускулистых бедрах, не хотела видеть, какой он совершенный во всем. Какая гибкая и у него фигура, как он двигается, порывисто и грациозно, как молодой зверь. Это все внешнее, говорила я себе, главное то, что внутри. А внутри он обычный повеса, надменный и самовлюбленный.

Началась новая глава моей жизни. Лично для меня совершенно ничего не изменилось. Я все также прилежно училась, ходила по выходным в кузницу, вечера просиживала в библиотеке. Но за мной незримо и постоянно следовала тень «расположения» наследника. Она никак не выражалась, но прекратились мелкие пакости, больше никто не разливал масло перед моей дверью и не обмазывал ручку вареньем, не подкидывал записки с гадостями. Отвалились мелкие трусливые недоброжелатели. Остались лишь крупные. Те, кто ненавидел меня яростно или был достаточно глуп, чтобы не опасаться наследника.

И первым в этом списке был Гехарт, адмиральский сын. В отношении его я слонялась ко второму – умом он не блистал. Сессии сдавал еле-еле. Его даже почти перестали вызывать на практиках, чтобы не позорить перед другими студентами. Зато был очень агрессивным и совершенно неуправляемым. От него страдали даже учителя. Я же старалась обходить его дальней стороной и сторонилась упорнее, чем Хорна.

С наследником у нас сложились легкие ничего не значащие отношения. Мы вместе садились за один столик в столовой, регулярно давая пищу сплетникам, болтали ни о чем, старательно обходя щекотливые темы, танцевали на уроках танцев, хотя меня стали приглашать и другие кавалеры, предпочтение я все-таки отдавала Эдварду, мы с ним идеально подходили друг другу. Он больше не смотрел сквозь меня, когда мы встречались на лекциях и в коридорах, а здоровался и улыбался. Пожалуй, на этом и все.

Немного для пылких любовников, которыми нас окрестила молва.

Мы по-прежнему садились на общих лекциях. Он – за первой партой, я – за последней. Вот и сейчас я смотрела на стоящих за спиной наследника телохранителей и думала, как они не устают все время стоять? Я ни разу не видела, чтобы мужчины присели. Слушать лекцию о почвоведении было невозможно, впереди меня сидели две арии и трещали так, что слова профессора Манка долетали через раз.

– Климат оказывает влияние на водно-воздушный, температурный и окислительно-восстановительный режимы почвы, влияет на процессы выветривания, почвообразования...

– Так это все-таки его дом в Шалире? Тот, трехэтажный, возле храма, с красной крышей и огромным садом? – послышалось справа и снизу.

– Горная порода превращается в почву в результате двух одновременно протекающих процессов – выветривание и почвообразование. В процессе выветривания горных пород элементы питания превращаются в доступный для растений корм, но они не способны удерживать воду в достаточных количествах...

– Нужно к нему присмотреться. Мама говорит, что перспективный... И род древний. Нам подходит.

– Зоны выделяются с севера на юг в соответствии с биоклиматическими зонами. В пределах нашего королевства

выделяются следующие почвенные зоны...

– Папа против, а вот мама хочет, чтобы я вышла замуж уже в этом году. Мне же скоро двадцать. Сначала помолвка, а там посмотрим. Ну и что, что полный? Для ария это не главное. Не всем же быть такими красавцами, как Хорн. Выйду замуж, заведу любовника.

– Арий Ромунд Крауг, назовите границы климатической зоны ареала Крауг, вашего ареала, кстати, – профессор вызвал того самого полненького ария, о котором, думаю, сплетничали девушки. Хотя я могу и ошибаться. Полных парней было достаточно и на старших курсах.

Ромунд медленно встал. Предполагаю, что он не слышал ни единого слова из лекции.

– Зачем мне знать это? – надменно заявил он, – в королевстве есть младший и старший Зорги, пусть они и занимаются почвой. Это их прямая обязанность.

– Уважаемый арий, – вздохнул профессор, – наше королевство занимает огромную площадь, по размерам оно самое большое в мире. Что могут сделать два человека? Они просто не смогут быть везде одновременно, Зоргов привлекают только для крупных государственных заказов. И уж точно они не будут заниматься полями в вашем ареале.

Профессор немного помолчал.

– Да и магия, по общему мнению, доживает последние деньки, так сказать, – добавил он грустно, коротко взглянув в мою сторону, – боюсь, через двадцать-тридцать лет не останется ни одного мага. Надежда только на знания и технический прогресс, уважаемый арий. Поэтому садитесь и пишите лекцию, а не рисуйте рожицы в тетради.

«Все-таки знания здесь дают отличные», – думала я, идя после лекции в столовую. Марта не рассказывала о том, сколько сотен или тысяч лет нужно для образования плодородного слоя, или из чего состоит перегной. Невозможно знать все и невозможно впихнуть все в голову двенадцатилетней девочки.

Я заметила небольшую группу студентов, стоящих у лестницы, но не обратила внимания. А зря. Когда была на первой ступеньке, кто-то сильно меня толкнул в спину, и я полетела вниз. Хорошо еще, что лестница была невысокая, всего один пролет, и я успела схватиться за поручень, поэтому не сломала себе шею, а лишь подвернула ногу.

Сверху раздался смех. Я подняла голову. Гехард! Точно он! Внутри заклокотал гнев. Мерзавец, да он мог покалечить меня! Я попыталась встать, но тут же зашипела от боли, ступить на левую ногу было невозможно.

– Вот-вот, на коленях твое самое место, плебейка! – только Оттаны здесь не хватало. Девушка стояла надо мной и кривила полные губы в злорадной ухмылке.

– Благородная ария, – побольше ехидства в голосе, и, возможно, никто не заметит, как он дрожит и срывается, – обучая вас манерам, учителя забыли привить великодушные и порядочность? Или к благородным оно не пристает принципиально?

Оттане потребовалось несколько секунд, чтобы разглядеть завуалированное оскорбление. Глаза сузились, полная грудь красиво заколыхалась от частого глубокого дыхания. Она смешно запыхтела, как новенький паромобиль, подбирая слова для ответного укола.

– Что здесь происходит? – к взбешенной девушке подошел Хорн.

Вот это уже полное невезение.

– Эта неуклюжая... – наверное, красавице не хватало словарного запаса, чтобы выразить свое презрение, она пару раз выдохнула и взяла себя в руки, – ...скатилась с лестницы прямо мне под ноги. Идиотка.

– Меня толкнули, – громко произнесла я звенящим от гнева голосом, – и когда я узнаю, кто это был, он пожалеет.

Сверху донеслись смешки. Ничего-ничего. Я тоже кое-что умею, и память у меня хорошая.

Хорн дернулся в мою сторону и протянул руку, скорее инстинктивно, чем осознанно. Оттана тут же схватила ее и перебросила себе через локоть, делая вид, что так и надо. Я внимательно посмотрела Хорну в лицо. Лишь небольшая тень неудовольствия промелькнула и погасла. Он сжал губы и сделал вид, что и не собирался мне помогать.

Трус. Надеюсь, мой презрительный взгляд выразил все, что я о нем думаю.

– Дениза, – к нам подошел наследник с телохранителями, – я тебя уже заждался в столовой. Ты упала?

Он протянул руку, и я уцепилась за нее, как за спасительную соломинку, поднимаясь.

– Меня толкнули, – сквозь зубы прошипела, стараясь не стонать во весь голос, боль в ноге была адская.

Наследник внимательно посмотрел вверх. Группа скалящихся студентов во главе с Гехардом мгновенно испарилась. Эдвард развернулся к Хорну с Оттаной.

– Надеюсь, вы получили изысканное удовольствие, наблюдая за унижением студентки? – голосом наследника можно было заморозить весь холл. – Не знал, что вы любите такие развлечения, арий Хорн. Достойное занятие для благородного мужчины.

Хорн побледнел, на скулах туго натянулась кожа, кадык нервно дернулся. Он коротко поклонился и произнес севшим от гнева голосом, чеканя слова:

– Вы ошибаетесь, ваше высочество.

– Не думаю, – холодно бросил вскользь наследник и, словно потеряв интерес к ариям, склонил голову ко мне. – Тебе нужно в медпункт, Дениза, я отведу. А по дороге ты мне расскажешь, кто был наверху.

Краем глаза я видела, как опять дернулся Хорн, но Оттана крепко его держала. Ну что ж, теперь мне предельно ясно, чего стоят слова сына верховного судьи. Он меня хочет? Видимо недостаточно для того, чтобы помочь в трудную минуту.

– Спасибо, ваше высочество, – мне хотелось расплакаться от благодарности. Сколько бы я так лежала здесь, под лестницей, неизвестно. Или поползла бы на четвереньках в свою комнату, тот еще позор.

– Называй меня Эдвардом, – зрители, стоящие вокруг, пораженно ахнули.

Наследник махнул рукой одному из телохранителей, тот молча подхватил меня на руки. Таким странным способом меня и транспортировали в медпункт, а потом в комнату. Врач посоветовала несколько дней не наступать на ногу и дала освобождение от занятий.

Вечером того же дня кто-то коротко стукнул в мою дверь, пока я доползла до нее и открыла, в коридоре уже никого не было. У двери стояла средних размеров корзина с крышкой. Я опасливо заглянула внутрь. На дне лежали несколько перевязанных шелковыми лентами пакетов с шоколадными конфетами из лучшей кондитерской Шалира. Я сама еще ни разу их не пробовала, только видела фантики, которые

иногда арии оставляли на столе. Решив, что это подарок от наследника, с чистой совестью затащила ее внутрь и принялась смаковать, так как на ужин я не попала. Конфеты были восхитительны. Шоколад таял во рту. И пусть на следующий день из столовой мне доставили еду на подносе, сладости были в приоритете. С наследником я встретилась только через неделю, после выходных. На мое «огромное спасибо за подарок», он лишь удивленно на меня посмотрел.

– Какой подарок?

– Конфеты, – пояснила я.

– Я ничего тебе не дарил, – пожал плечами Эдвард, – только зашел в столовую и попросил персонал доставлять тебе еду в комнату.

– И за это спасибо, – не хочет признаваться – не надо. Все равно, он самый лучший.

Гехард отличился еще один раз, только теперь не со мной. По школе пошли слухи, что он совершил насилие над молоденькой горничной, которая пришла убираться в его комнату. Он специально не пошел на занятия и караулил ее за дверью. Скандал вышел знатный. Арий Китеп хотел исключить адмиральского сына, но адмирал сам приезжал в школу, доказывая, что по уставу исключить можно лишь за убийство. Откупились огромным количеством золота. Пострадавшая девушка уволилась, увозя с собой целое состояние. Гехард остался в школе. Но теперь от него отвернулись даже те, кто с ним водился ранее.

После этого случая я стала проверять все шкафы и углы, входя в комнату, вдруг там кто-то прячется. А на ночь запирала двери так хитро, что открыть ее могла только я сама. Металл оплетал дверь вместе со стояком, и дверь можно было снести лишь тараном или катапультой.

Зимняя сессия прошла быстро и незаметно.

Я ждала снега, но его не было. Лишь листья облетели и нахмурилось небо. Иногда я даже пальто не надевала, так было тепло – никакого сравнения с суровыми северными зимами. Арии разъехались в свои столичные дома. Школа на неделю опустела.

Удивительно, но наследник остался в общежитии. Некуда было ехать? Смешно... Скорее не хотел.

– Ваше высочество, – поклонилась я, неуверенно ставя поднос на стол, за которым он ужинал.

Столовая была полупустая, и свободных столов было больше, чем заполненных раз этак в пять. Да и строить из себя особу, приближенную к наследнику, уже не перед кем. Так прогонит или нет?

– Я же просил звать меня Эдвардом, – поднял голову он, и я увидела, какой усталый у него вид.

Сердце кольнуло сочувствие. Мы оба были заложниками условностей и еще неизвестно, кому из нас тяжелее. Но единственное, в чем я уверена, так это в том, что друг ему нужен не меньше, чем мне.

– Для друзей я Дени.

– Мы друзья? – удивленно переспросил Эдвард.

– Конечно, – уверенно кивнула, – самые лучшие. Смотри, я вчера выучила новое заклинание.

Я взяла в руку серебряную ложку и прошептала длинную запутанную формулу, дословно означающую дублирование. В моих руках оказались две одинаковых ложки, только меньшего размера. Общий вес металла остался неизменным. На губах наследника расцвела улыбка.

– Вот удивятся в столовой, когда обнаружат эти миниатюрные ложечки.

Я хихикнула и пожала плечами.

– Они почти как десертные, ничего страшного. Следующие будут еще меньше и еще. Увы, полноценных копий не получается, масса должна оставаться постоянной.

– Как интересно. Ты каждый вечер просиживаешь в библиотеке?

– Да, – сокрушенно вздохнула, – родовая магия, будь она не ладна. Приходится зубрить вечерами.

Потом спохватилась, вдруг он отреагирует как Хорн, разозлится, что их род потерял силу. Но нет, в его глазах было лишь любопытство.

– Знаешь, а у меня никогда не было друзей, – произнес Эдвард, – ты первая.

– А у меня был. Ее звали Марта.

Столовая давно закрылась. Слуги начали поднимать стулья, мыть полы. Наш столик обходили стороной, никто не смел нас тревожить. Я все рассказывала и рассказывала о том, каким прекрасным человеком

была моя няня, и как мне не хватает ее сейчас. Как я жалею, что не рассказала о своей любви тогда, когда была возможность.

– И теперь я не буду сдерживать эмоции. Не буду скромничать и стесняться. Пусть это не принято в высшем свете, бурно проявлять эмоции, я буду всегда говорить то, что думаю. Да я и не ария, мне можно.

– И тебе есть, что сказать? Сейчас? – насмешливо и немного грустно улыбнулся наследник.

– Скажу, что ты мой друг, – я не понимала странного настроения Эдварда, я была уверена лишь в своих словах, – ты добрый хороший человек, благородный и бескорыстный.

– Добрый, бескорыстный, – задумчиво повторил мои слова он, словно смакуя, – увы, спешу тебя разочаровать, я совсем не добрый. Точнее, добрый только к тебе.

– Не поняла, – нахмурилась я.

Наследник досадливо скривился.

– Ты просто не замечаешь, какое впечатление производишь, Дени. Как смотрят на тебя парни. Абсолютно все парни.

– Ага, – хихикнула я смущенно, стараясь перевести на другую тему этот не туда ушедший разговор, – особенно Гехард.

– На следующем курсе его не будет в школе, это я обещаю, – Эдвард резко посерьезнел, – сейчас выгнать не могу даже я, правила школы одинаковы для всех. Но он сглупил, не сдал зимнюю сессию, или посчитал ее незначущей, или решал вопросы с недавним скандалом с горничной, а она идет в зачет. Ему остается не сдать только летнюю, и причина для отчисления будет. И он ее не сдаст.

Я не знача, что ответить. Мстительность была мне не свойственна. Я была бы рада, если бы Гехард перестал меня донимать, но выгонять из школы... Я задумчиво собрала поднос и встала из-за стола. Наследник поднялся вслед за мной.

– В котором часу ты ходишь в библиотеку? – я назвала время. – Я буду приходить заниматься вместе с тобой. Можно? – я радостно кивнула.

С той поры мы с его высочеством вместе корпели над учебниками. Он должен был изучать в разы больше, чем другие студенты. Он будущий правитель, и программу факультативных занятий ему разрабатывал сам директор школы, арий Китеп.

Наши беседы стали на порядок более доверительными и серьезными. В основном мы сидели и молча занимались, но иногда, когда усталость брала свое, мы делились сокровенным.

– Как думаешь, почему исчезает магия?

Наследник равнодушно пожал плечами.

– Не задумывался об этом. Боги виноваты или сами люди, но я не хотел бы такого подарка, – парень устало смотрел на меня, глаза были красные от долгого чтения, – вот твоя магия – это нечто, она превосходна. А моя семья лишь страдала от нее. Хорошо, что она у нас исчезла.

Я озадачено моргнула. Вот Хорн приходит в ярость лишь при намеке о потере магии, а будущий король рад? Видя мое недоумение, Эдвард пояснил.

– В нашей семье силой была ментальная магия, это все и так знают, – я кивнула, – но не многие знают, что из-за этого мои предки сходили с ума. Почти все.

– Что-то такое я читала, – задумчиво произнесла я, – Рем третий или четвертый.

– Да, – кивнул наследник, – четвертый, тот, чье безумие случайно стало достоянием публики. В основном, короли передавали трон старшему сыну, как только он подрастет и тихо-мирно сходили с ума где-нибудь в отдаленном поместье. Проклятье нашего рода – читать эмоции, жить чужими мыслями.

– Это страшно, – согласилась я с наследником. Мы немного помолчали.

– Я тут немного поразмыслила, – начала неуверенно. Эдвард вопросительно вскинул бровь, я продолжила более уверенно. – Смотри, магия исчезла не материальная. Абсолютно вся. Ментальная, умение видеть истину, повелевать погодой, здоровье, иллюзии и так далее. Материальная же, то, что можно делать руками, осталась. Не вся, конечно, но хоть какая-то.

– И что?

– А ты не думаешь, что магия исчезает, когда предаешь ее? Стоило оболгать, наказать невинного, и родовой магии Хорн больше нет. Стоило использовать погоду для захвата соседнего государства – и магии Мару больше нет. Я читала хроники. Как раз после войны у семейства Мару больше не рождались дети с силой.

Глаза Эдварда зажглись интересом.

– Стоило начать управлять людьми с помощью ментальной магии, заставлять их делать то, что они не хотят, и нашей силы то же не стало, – продолжил он мою теорию. – Есть доказательства?

Я сокрушенно вздохнула.

– Что бы их найти, нужно перечитать все хроники на протяжении последних сотни-двух лет. Мне такое не под силу. Моя теория основана лишь на семье Мару. Их хроники я читала, когда делала курсовую по Великой войне с югом. Мару тогда были героями, именно их сила помогла выиграть войну и захватить соседнее королевство.

– Согласно легенде, наше королевство берет начало из одной затерянной горной деревушки, которую не заметили боги, когда отбирали у людей магию. И она случайно у них осталась, – задумчиво начал говорить наследник. Я хмыкнула, услышав его интерпретацию известной легенды. – Постепенно, осмелев, используя свои способности, ее жители принялись расширять территорию, год за годом увеличивая свое королевство, пока оно не стало самым огромным в мире.

Я кивнула. Наследник быстро схватывал.

– Мы сильны, пока у нас есть магия, – продолжал он, – если у нас она исчезнет полностью, соседи начнут потихоньку отбирать свои земли назад?

«Сразу видно прирожденного правителя, – подумала я уважительно, – с этой стороны проблему я не рассматривала».

– Согласен, теория интересная. Если магия полностью исчезнет, королевство ждут большие неприятности. И как думаешь, можно ее вернуть?

– Не знаю, никому не удавалось до последнего времени, – ответила я, – но теперь я хотя бы знаю, как ее не потерять.

– И как?

– Не использовать свою силу во вред людям, использовать только во благо, – я немного подумала, вспомнив Хорна и его пуговицы. – Ну, может, еще для защиты можно.

– Библиотека закрывается! – зычный голос герры Виолетты, заставил нас испуганно вздрогнуть. – Всем сдать учебный материал.

Слова его высочества не шли у меня из головы. Какое впечатление я произвожу? Что видят парни, смотря на меня? В подтверждение его слов я вдруг начала замечать внимательные взгляды студентов, некоторые исподтишка, некоторые в упор. Действительно, раньше идя по коридору, я смотрела сквозь всех, а чаще всего и вовсе не поднимала головы, упираясь глазами в ковровую дорожку или в конспект.

От этих взглядов портилось настроение, на душе становилось скверно. Иногда во взглядах было восхищение и симпатия, а иногда... Меня словно щупали липкими грязными пальцами.

Странно, мне казалось, я совсем не изменилась. Лишь немного поправились в груди и бедрах. Точно такие же непонятного цвета волосы были на голове. Ни к блондинкам, ни к брюнеткам меня отнести было нельзя. Ближе всех светлая шатенка с примесью ржавчины. Узкое лицо с широким ртом, слишком большим для такой худой мордашки. Меня всегда это угнетало, и я по возможности поджимала губы, стараясь сделать его меньше. А еще ровные широкие брови. Ни тоненькие, как у Сорти, и без красивого излома, как у Оттаны, например. Единственная моя гордость, по моему мнению – глаза, немного раскосые, карие с зелеными крапинками и густые ресницы. Все по отдельности выглядело странно и совсем не привлекательно. А вместе? Я попыталась посмотреть на себя со стороны.

Не знаю. Не мне судить. На классическую красавицу я точно не тяну. Хотя... Маму считали эталоном красоты, Марта говорила, что я на нее очень похожа. Может быть, я когда-нибудь ею стану?

А пока внимание раздражало и немного пугало. А вдруг все начнут, как Хорн, предлагать свое покровительство?

Не начнут. Побоятся. Я сейчас все время провожу с наследником, даже Хорн отстал, только буравит меня издалека ненавидящим взглядом, что уж говорить о других.

В начале весны я отнесла в портовый банк десять золотых и положила на свой счет. Кассан посоветовал, и я с радостью последовала дружескому совету. Теперь я чувствовала себя в относительной финансовой безопасности. Мой работодатель летом собрался жениться, на герре Виолике. Женщина для покорения кузнеца

выбрала самую действенную тактику – она регулярно подкармливала нас пирожками и другой выпечкой, которую продавала в порту.

Я радовалась, что Кассан, наконец, заметил ее ухаживания, а сама думала, что же им подарить на свадьбу. Перечитала кучу формул и нашла одну готовую, как раз подходящую. Купила в тайне от Кассана серебряный слиток и приготовилась экспериментировать в своей комнате.

Через две недели тренировок у меня, наконец, получился красивый серебряный чайник с изогнутым носиком. Не буду говорить, чем этот чайник успел побывать в ходе моих неумелых формулировок. Зато теперь просто загляденье! Я поставила его на подоконник и весь остаток весны любовалась на свое первое творение. Ну и что, что формула была готовая. Нужно же было еще рассчитывать и соизмерять потоки силы на каждую промежуточную фразу, когда я ее читала с листка.

После чайника, уверовав в себя, начала выискивать такие же готовые формулы для создания предметов. Пусть их было немного, они шли лишь примерами в учебниках, но я все их переписала в тетрадку. Так у меня получилась медная плоская тарелка, средних размеров нож без рукоятки, небольшой гвоздь с широкой круглой шляпкой и квадратный кусок решетки с мелкими ячейками.

Гвозди особенно пришлись по душе Кассану. Пусть они недорого стоили, зато всегда были востребованы. А я их делала гору за секунду.

С Хорном мы столкнулись в коридоре, я торопилась в библиотеку, а он выходил из нее. Он молча заступил мне дорогу. Пришлось нехотя поднять глаза. Вблизи сын судьи выглядел неважно. Бледный, хмурый, с мутным взглядом. То ли был пьян, то ли болен. Но язвительность осталась при нем, в этом я смогла убедиться, как только он открыл рот.

– Что-то не вижу на тебе ни одного украшения. Даже самого крошечного бриллиантика. Наследник оказался не слишком щедр? Или папочка не выдает денег на мелкие расходы?

Я даже не обиделась. Наоборот, мне стало смешно. Слова никак не вязались с тем, что я прочитала в его глазах. Я же видела, какой измученный у него вид, каким хриплым, словно простуженным был голос. Мне его даже стало немного жаль. Он сам убивает себя, не понимая, чего хочет. То ли унижить меня, то ли поцеловать.

Я молча обошла Хорна. Он дернулся, схватил меня за руку, притянул к себе и быстро зашептал, глотая слова, уткнувшись губами в мою макушку.

– Становись моей официально, плевать, пусть все видят. Я почти что женат, мне уже можно заводить постоянную любовницу. Я куплю тебе дом в Шалире. Обсыплю...

Я не дослушала. Вырвалась и зло прошипела.

– А почему вы думаете, арий, что вы мне интересны как мужчина? С того первого предложения ничего не изменилось. Меня по-прежнему от вас тошнит.

Хорн дернулся, словно от пощечины. Лицо исказилось в странной гримасе. Я отвернулась и зашла в библиотеку. Наследник уже сидел за нашим столиком, у стены.

– Что-то случилось? – спросил он, когда я села и разложила книги. – У тебя такое лицо...

– Встретилась в коридоре с Хорном, – процедила сквозь зубы, все еще кипя, – какой был сволочью, такой и остался.

Эдвард зорко наблюдал за мной, отслеживая каждую эмоцию. Я постаралась взять себя в руки и успокоиться, нацепив на лицо нейтральное выражение. Каким бы ни был наследник приятным и добрым ко мне, иногда его взгляд пугал. Порой я и предположить не могла, что творилось в его голове.

– Ты еще с его отцом не знакома, вот тот мерзавец редкостный, – принц расслабился и откинулся на спинку кресла.

– К сожалению, знакома, – тяжело вздохнула я и криво улыбнулась. – Ничего, скоро младший догонит старшего, все предпосылки в наличии. Так какой у нас план на сегодня?

Незаметно закончилась весна. Наступили экзамены. В этот раз их было значительно больше. Математика, логика, география, неизменное домоводство и почему-то право. С ним у меня были проблемы, так как нудные длинные лекции о законотворчестве пролетали мимо ушей почти у всех студентов, и я была не исключением. Пришлось сидеть с наследником вечерами в библиотеке и зубрить законы королевства.

В этот раз я была не удивлена, прочитав свое и имя Эдварда на стенде в холле на верхних строчках. Вторая грамота. Я была твердо

уверена, что получу их все пять. В свое время мой отец был лучшим в королевской школе, и я буду.

– Рад снова видеть вас, ария Дениза Крей, – верховный судья Велир Хорн был в своем репертуаре, он неизменно называл меня арией, словно издеваясь. Я молча взяла грамоту и присела в реверансе, мысленно отвечая: «А я совсем не рада».

– Ваше высочество, – Эдвард получил такую-же.

Судья смотрел на нас снисходительно, так, словно знал о нас все, что мы едим на завтрак и обед, в котором часу встречаемся в библиотеке, а главное, что никакие мы не любовники.

– Поздравляю лучших студентов курса, – продолжил он с ехидной ухмылкой, – жду не дожусь, когда вы закончите школу и будете добросовестно трудиться на благо государства.

Я так боялась этого человека, что не смогла ничего из себя выдать, зато наследник не растерялся и холодно ответил:

– Конечно, арий Хорн. Ведь у нас такой замечательный пример перед глазами вашего доблестного служения, – и, не дождавшись ответа, подхватил меня под руку, потащил назад, за колонну, туда, где мы стояли.

– Спасибо, – прошептала я сдавленно, сжимая локоть принца, – какой же он жуткий. Как с ним жена живет?

– А она с ним и не живет, – шепотом ответил Эдвард. – После рождения сына и дочери, ария Кассандра удалилась в свое имение, ее место заняли многочисленные любовницы.

Я содрогнулась.

– А куда ты поедешь на каникулы? – мы еще не обсуждали эту тему, я считала ее слишком личной.

– К матери, – резко ответил принц, – в Толебу, – и добавил, словно извиняясь за грубость, – во дворце мне делать нечего. Да и не приглашал никто.

– А я опять останусь здесь, в порту. Буду развивать свои умения, – мы отошли достаточно далеко от сцены и встали так, где нас никто не видел. Поздравительную речь верховного судьи слушать не было никакого желания, – летом меня пригласили на свадьбу. Я тебе рассказывала о Кассане, – наследник кивнул, – так вот. Он женится. Никогда еще не бывала на свадьбах, наверное, будет интересно.

– Я тоже не бывал, – хмуро произнес парень. В последние дни он стал какой-то нервный и раздражительный. Может накопилась усталость, ведь мы усердно занимались перед экзаменами, без перерывов и выходных. А может, не хотел уезжать?

– Поужинаем сегодня вместе? Надеюсь, опять будет торт. В прошлый раз его заказывали в лучшей столичной кондитерской «Мажери». Истинное удовольствие, – Эдвард кивнул, оживившись.

– Тогда до вечера.

– До вечера, – эхом ответил принц.

Я бежала вприпрыжку в жилое крыло, сжимая подмышкой грамоту. На лестнице меня догнал охранник.

– Вас вызывают в кабинет директора, – запыхавшись, произнес он, я удивленно уставилась на мужчину.

Это становится какой-то плохой традицией. Арий Китеп отсутствовал на награждении, поговаривали, что он плохо себя чувствовал последние дни. Неужели приехал из столицы? И что ему понадобилось от меня?

– Хорошо, я спущусь, – ответила и развернулась назад.

В приемной сидела герра Милена. Она указала на дверь и процедила, что меня ждут.

Я быстро толкнула дверь, в кабинете никого не было. Пустой стол, заваленный бумагами, кресло, кушетка, чашки на кофейном столике. Что за шутки?

– Арий? Вы хотели меня видеть?

– Ещё как хотел, – сзади раздался вкрадчивый тихий голос, от него у меня мурашки побежали по телу. Я резко обернулась – Велир Хорн стоял, прислонившись спиной к двери, и с усмешкой наблюдал за мной.

– Наконец, я вижу перед собой неуловимую арию Денизу Нативу Крей... Одну, – лениво растягивая слова, он двинулся в мою сторону. Медленно, шаг за шагом, как змея, неспешно и неотвратно преследующая свою добычу. Я также медленно начала отходить назад, пристально смотря на мужчину, отслеживая каждое его движение.

Вскоре почувствовала поясницей край директорского стола, отступать дальше было некуда. Хорн подошел почти вплотную и обхватил цепкими пальцами мой подбородок, поворачивая голову вправо и влево, рассматривая как диковинку.

– Я искал вас, – произнес он многозначительно, – тебя и Элизу. Но не успел. Ты исчезла без следа, а твоя прекрасная мать отдала душу богам.

Я трусливо молчала, не в силах выдать ни слова. Один вид этого жуткого человека заставлял меня цепенеть от ужаса.

– И вот ты появляешься спустя четыре года. И где? В королевской школе! – он хохотнул. – Фредерик был дальновидным. Жаль глупым.

Хорн отпустил мой подбородок, я медленно выдохнула.

– Что вам от меня надо? – дрожащий голос выдал меня с головой.

Хотелось зажмуриться и не видеть эти холодные бледно-голубые глаза.

– Много чего приходит на ум, – Хорн задумчиво провел ладонью по моему лицу, очерчивая пальцами скулы, подбородок, нижнюю губу. На его лице застыло мечтательное выражение. Меня передернуло от омерзения. – Хорошо иметь ручного Крея, правда? Не только в постели. Ты можешь быть довольно полезным приобретением. Интересно, наши детки унаследуют твою магию?

Какие еще детки?!

– Я не буду вашей... – голос все-таки сорвался. Меня била крупная дрожь.

– Будешь, будешь, – улыбнулся Хорн, наклоняясь ближе. – Твоя мать тоже сначала отказывалась, строила из себя недотрогу, но потом все равно оказалась в моей постели.

– Я не верю вам, – в шоке уставившись на Хорна, прошептала я. – Она бы никогда... Она любила моего отца.

Хорн вдруг выбросил руку, цепко ухватился за косу и с наслаждением намотал на кулак. Я зашипела от боли. Его красивое гладкое лицо приблизилось к моему почти вплотную. Я замерла, как пойманная дичь, наивно надеясь, что если не двигаться, то хищник потеряет ко мне интерес.

– Через год-два ты станешь ослепительной, – промурлыкал он мне в лицо, моя кожа покрылась мурашками от ужаса, – станешь даже красивее своей матери, а она была первой красавицей королевства в свое время.

Дыша через раз, я молилась чтобы в кабинет вошел директор или кто-нибудь, кто смог бы прервать эту муку, но понимала, что никто не войдет. Хорна боялись все.

– Впервые я увидел Элизу на ее первом балу, ей было тогда почти столько же, как и тебе, – глаза Хорна затуманились, губы изогнулись в непристойной ухмылке, – она была так невинна, прелестна и чиста... Как ты сейчас.

Он провел большим пальцем по моим губам, я дернулась, чуть не сорвав с себя скальп. По-моему, Хорн даже не видел сейчас меня, он видел мою мать и вспоминал минувшие года. Но сколько бы он ни говорил, я никогда не поверю, чтобы моя замечательная мама позволила этому мерзавцу дотронуться до себя.

– Конечно, она отказала мне, – продолжил он с той же недвусмысленной улыбкой на губах, – я уже был к тому времени женат, и Элиза отказалась становиться любовницей. Сказала, что лучше умрет, – его тихий жуткий смех заставил меня содрогнуться от отвращения, – но я всегда добиваюсь своего.

Я с ненавистью смотрела на верховного судью, страшась и желая услышать продолжение.

– После первого же бала, ее завалили предложениями руки и сердца герры, богатые и не очень, – продолжал он предаваться воспоминаниям, – я всех разогнал. Даже заплатил ее опекунам, чтобы они отдали Элизу мне, если она в первый сезон не выйдет замуж. Моего влияния хватило, чтобы сбежали все ее поклонники, но увы, не хватило на Крея... Твой отец был молод, богат, влиятелен и плевал на условности. Он мог себе это позволить. Фредерик увел у меня Элизу из-под носа, – судья склонился и прошипел сквозь зубы, – ты не представляешь, как я был тогда зол.

Через секунду его настроение опять поменялось. Он весело рассмеялся и произнес:

– Что ж, в итоге я остался в выигрыше. Элиза стала моей любовницей и умерла, как и обещала, оставив тебя мне, цветочек, – его губы потянулись к моим, я отвернулась голову, застонав от боли. Хорн жестко дернул за косу, поворачивая к себе.

– Вы все врите, – прохрипела я сдавленно, – мама никогда...

– Ты еще так молода, детка, – Хорн отодвинулся, и я смогла вздохнуть свободно, – и не знаешь, что у каждого есть цена, даже у твоей несравненной матери она была.

Хорн выдержал длинную паузу, мне почему-то вспомнилась лекция профессора Шанти о юридическом праве. Лекция была о том,

как ведется судебное дело и как адвокаты защищают своих подзащитных. Так вот, Шанти отдельно подчеркнула о важности пауз в репликах. Прокуроры и адвокаты специально вставляют их в свою речь, в зависимости от того, чего они хотят добиться от слушателей. Хорн был профессионалом, и он добился того, чего хотел – я сжалась от страха, каждая моя мышца закаменела, в желудке образовалась тошнотворная тяжесть, а кожа покрылась холодным потом.

– Она пришла ко мне после суда и молила оставить Фредерика в живых. Заменить казнь на ссылку или каторгу. Я предложил свою цену – ночь в своей постели, она согласилась, – произнес Хорн вкрадчиво.

– И что произошло? – прошептала испуганно.

– Элиза все-таки увидела своего любимого мужа живым, – ухмыльнулся Хорн, – утром, после бурной ночи, она стояла на балконе моей спальни и смотрела, как его вели на казнь.

– Вы обманули ее, – я чувствовала, как горячие слезы катятся по щекам, – вы чудовище.

– Да, – легко согласился со мной Хорн, – и тебе не стоит забывать об этом.

Я хорошо помнила, в каком состоянии мама возвратилась со столицы. Она стала мертвой, безжизненной, пустой оболочкой. Я думала, что так на нее повлияла смерть отца, оказывается, было еще и это, в ее понимании, предательство. Она изменила ему в день его смерти. Бедная мамочка, как же тебе было тяжело.

– Я послал своих людей вслед гвардейцам, – продолжил Хорн, – надеялся перехватить вас и увезти в свой охотничий замок, – одной рукой он держал меня за волосы, другая обнимала за талию. Я отклонилась так, что казалось, еще немного, и у меня или слетит скальп, или сломается позвоночник. «И что же мы делали бы в вашем замке?» – хотела спросить, но не рискнула. И так ясно, что мама стала бы его игрушкой, а я кем? Ручным магом?

– Надо было ехать самому, – продолжил он, – тупые недоумки приехали обратно ни с чем. Лишь привезли сообщение, что Элиза умерла. А ты пропала, и никто не знал куда. Я думал, ты ушла вслед за матерью. И какая же удача встретить тебя здесь!

– Я не брошу школу, – рискнула произнести я дрожащим голосом, я держалась из последних сил, чтобы не разрыдаться от страха, – мне

еще три года учиться, и вы не сможете меня забрать. Закон один для всех.

– Смогу, моя красавица, смогу, – он развлекался, играл, и эта чудовищная игра ему нравилась больше, чем само действие. Ужас в моих глазах забавлял его. – Я могу поиметь тебя прямо здесь, на столе, и никто не придет тебе на помощь, – Хорн наклонился и больно укусил меня за нижнюю губу. Я вскрикнула и забилась в его руках, рыдая уже в голос, – просто не хочу портить твою нежную шкурку сейчас. Ты же еще девственница, правда? Ваша игра с наследником меня забавляет.

Вдруг из приемной послышался шум. Два голоса о чем-то спорили. Хорн с неудовольствием повернул голову, в ту же секунду дверь распахнулась, и в кабинет директора влетел взъерошенный Торус Хорн. Он мазнул быстрым взглядом по мне и остановился на Велире.

– Отец, мне нужно с тобой поговорить, – напряженным голосом произнес он.

– Выйди вон, не видишь, я занят, – отрезал верховный судья, не отпуская меня.

– Это срочно, – не обращая внимания на слова отца продолжил молодой Хорн, – на счет моей помолвки. Дело не терпит отлагательства.

– Потом! – рявкнул арий.

– Я согласен, – старший Хорн повернулся и с удивлением уставился на сына, – но у меня есть условие.

– Ладно, говори.

– А эта плебейка будет слушать нас? – Тор не смотрел на меня, его голос излучал холодное презрение. Но сейчас я этому презрению была рада, как никогда.

– Она не плебейка, у нее кровь получше твоей, сын. Но ты прав, здесь не место.

Судья уже догадался, что момент испорчен. Он резко убрал руку с талии, я едва удержалась, чтобы не упасть. Но уйти не дал, так как моя коса еще была в руке. Ее кончиком он медленно провел по своим губам. Раз, второй, третий. Я молча, глотая слезы, ждала, пока он наиграется.

В конце концов, арий отпустил косу, я тут же рванулась к выходу. «Подстригусь, – сгоряча пообещала себе мысленно, – налысо».

– Мы еще встретимся, Дениза, – промурлыкал Хорн мне в спину.

Я даже не обернулась, чувствуя себя так, словно меня изваляли в грязи. В голове было одно желание – смыть с себя всю эту мерзость, его касания, укусы, поцелуи. Проходя мимо Торуса, я на мгновение задержалась.

– Я ошибалась, – обращаясь исключительно к молодому Хорну, произнесла я. Тот надменно изогнул бровь, – вы не самый мерзкий человек на свете. Ваш отец гораздо хуже. Гордитесь. Вы достойный его приемник.

Голос почти не срывался. Держа спину ровно, я прошла мимо окаменевшего Хорна и закрыла за собой дверь. Остановилась у стола секретаря. Что такого было в моем взгляде, что женщина съежилась, словно хотела съехать под стол?

– За что вы меня так ненавидите? – холодно поинтересовалась я. – Что я вам сделала?

– Моего младшего брата казнили вместе с вашим отцом, – хрипло ответила она.

– Я-то в чем провинилась?

– Ваш отец втянул его в это!

– И вы решили, что, если меня изнасилует арий Хорн, это воскресит вашего брата? – грустно улыбнулась я.

– Вам ничего не грозило, – буркнула она, – он не стал бы.

– Ну-ну... Верьте в его благородство дальше.

Спотыкаясь на каждой ступеньке, я поднялась на четвертый этаж. Ноги дрожали так, что, казалось, не дойду до своей комнаты. Содрав с себя шкуру в душе и надев новую одежду, упала на кровать. До сих пор я ощущала руки судьи на своем теле, из-за этого меня передергивало от отвращения. Как же ужасно чувствовать себя беспомощной и слабой! Самое интересное, я даже не вспомнила о том, что могу как-то защититься, расплавить его пуговицы или еще что... Я так боялась этого человека, что отупела от страха. Да и не помогло бы это. Только разозлило.

Бедная мамочка. Я всхлипнула, вспомнив, какой она была в последние дни. Я ни секунды не осуждала ее. Неизвестно, как бы я поступила в той ситуации, но знаю точно, что сделала бы все, чтобы спасти отца.

У каждого есть своя цена, сказал арий Велир Хорн? Надеюсь, и у вас она есть.

Наследник ждал меня за «нашим» столиком. Два огромных нетронутых куса торта лежали в центре на тарелках.

– Ты долго, – внимательно смотря в мои глаза, произнес он.

Скорее всего, он заметил, что они красные и опухшие.

– Встречалась с верховным судьей, – не стала скрывать причину, мы же друзья, – испортил настроение на год вперед.

– Это он может, – согласно кивнул принц и улыбнулся, словно через силу. – Так испортил, что даже кусочка торта не сможешь съесть?

– Не до такой степени, – включилась в игру я, и рывком притянула к себе тарелку.

Торт на вкус был похож на туалетную бумагу. У меня во рту еще стояла кислая горечь ужаса после встречи с судьей. Но я прилежно отрезала кусочек и клала в рот, закатывая, словно от наслаждения, глаза. Мы болтали о разных глупостях, вспоминали награждения, лебезящих перед судьей студентов. Вдруг Эдвард резко замолчал. Я подняла голову.

– Не хочу уезжать, – он смотрел на меня серьезно и сосредоточенно, – у меня плохое предчувствие.

Я вздохнула и отложила недоеденный кусок.

– Не переживай, ничего со мной не случится. В кузнице я в безопасности. Там столько металла. Да и друзья не дадут меня в обиду.

Принц неуверенно улыбнулся.

– А защитные заклинания ты знаешь?

– Знаю, несколько, – кивнула я, вспоминая решетку и разогрев, – я не беспомощна, не думай.

Вдруг к нашему столику подлетел Гехард. Телохранители принца мгновенно вышли вперед, заслоняя наследника. Сын адмирала был в бешенстве. Он что-то орал про то, что мы еще пожалеем, что он нам отомстит и все такое прочее. Я вспомнила, он же не сдал весенние экзамены, и директор школы подписал приказ о его отчислении.

– Да, – произнесла я насмешливо, видя, как два охранника выводят брыкающегося Гехарда за дверь, – ума у него немного. Грозить и кому? Будущему королю.

– Еще неизвестно, буду я королем или нет, – вдруг тихо произнес принц. Я недоуменно уставилась на парня.

– Моего старшего брата убили, – продолжил он, – и я очень сомневаюсь, что доживу до престола.

– Э... – неуверенно промямлила я. – Конечно, мой отец...

Наследник взмахнул рукой, прерывая.

– Я почти уверен, что твой отец здесь ни при чем! – рявкнул он раздраженно.

На меня словно обрушилась неподъемная тяжесть, несколько секунд я не могла вздохнуть. Закружилась голова, затошнило, и я сильно сжала зубы, прокусывая до крови губу, сдерживая приступ рвоты.

Мой отец... ни при чем? Кожа покрылась мурашками, подбородок задрожал, глазам стало горячо.

Ни при чем? А как же казнь? Лишение дворянства, земель, богатства? Позор, унижение, клеймение? Как же смерть мамы? Моя исковерканная жизнь? Вечные ночные кошмары? Тоже ни при чем?

Видя мое состояние, Эдвард побледнел, протянул через стол руку и накрыл мою ладонь.

– Прости, прости меня, – зашептал он искренне, – надо было не так сказать. По-другому.

Я ничего не могла ответить, глотала и глотала комок, стоящий в горле, и никак не могла проглотить. Было больно. Дышать, сидеть, даже смотреть на своего друга, который только сейчас, спустя полгода нашей душевной близости смог мне сказать, что мой отец невиновен. Обидно и горько, но я не имею права дуться. Может быть, у него были причины?

– Мне было двенадцать лет, Ромул погиб, – быстро начал говорить принц, словно стараясь успеть до того, как я сорвусь, – я не слишком хорошо знал старшего брата, у нас огромная разница в возрасте. Мать уехала в Толебу сразу после его смерти и больше не появлялась во дворце.

Я слушала принца, но многое, о чем он говорил, пролетало мимо ушей. Я могла думать лишь об одном – мой отец невиновен, его осудили несправедливо.

– И если раньше, когда Ромул был жив у меня еще была призрачная свобода, то после его смерти ее не стало вовсе. Меня не

выпускали из комнат, все передвижение по дворцу ограничивалось детским крылом и конюшней. И знаешь, – Эдвард склонился над столом, и я вблизи увидела его молодые, но такие старые глаза, – за все время, пока я жил во дворце, я ни разу не встречался с отцом лицом к лицу.

Я рассеяно смотрела на его высочество, постепенно успокаиваясь. Наверное, в глубине души я всегда знала, что мой отец невиновен. Жаль, что так сложилась жизнь, что мне выпало столько трудностей. Но я-то жива, а вот мои родители... Я слушала принца, а сама мысленно давала клятву рано или поздно разобраться во всем, и найти того, кто оболгал моего папу и лишил нас всего.

– Иногда я даже думаю, что моего отца уже нет в живых, – на этих словах принца я пришла в себя и пораженно вскинула голову.

– Этого не может быть, – пробормотала я тихо, – балы, приемы, дипломатические делегации... Я же сама недавно видела фотографию короля в газете. Была какая-то официальная встреча с посольством Восточной Затопаи.

Наследник пожал плечами.

– Мне кажется, вместо него выступает двойник, – ответил со вздохом. – У него и раньше они были, мама рассказывала, что отец частенько ленился сидеть на нудных официальных собраниях и посылал вместо себя замену. А вот на интересные мероприятия ходил сам. И с сыновьями общался сам. А сейчас он ни разу не пригласил меня к себе, я ни разу не разговаривал с ним один на один, а когда приезжаю на каникулы, живу во дворце в гостевом крыле.

Я с ужасом смотрела на Эдварда, понимая, что то, что я сейчас услышала является не то, что королевской тайной, это бомба. Смертельно опасная информация, способная уничтожить и его, и меня заодно. Я быстро огляделась. В столовой вокруг нас была пустота, никто не сидел рядом, лишь телохранители стояли истуканами, безучастными ко всему.

– Зато много раз видел верховного судью, – не умолкал наследник. Вот здесь я его пожалела ото всей души, не хотела бы я видеть Велира Хорна ни одной лишней секунды.

– Он распоряжается во дворце, как в своей вотчине, – с горечью продолжал говорить он.

У него словно открылся внутренний шлюз, и он не мог остановиться. С такой прямоотой я сталкивалась впервые. Сама я рассказывала о своей жизни у Марты, о том, что пережила, когда нас вышвырнули из нашего замка, но он... Подобной откровенности между нами еще не было.

— Ему подчиняются все слуги дворца, охранники, гвардия, — я мимо воли покосилась на замерших телохранителей, — иногда у меня мелькает мысль, может быть, он и есть настоящий король.

Мурашки побежали у меня по спине.

— Подозреваю, что именно он отдал приказ об убийстве моего брата. Как-то Хорн припугнул тем, что если я его послушаюсь, то меня ждет то же самое. А с Ромулом у судьи были отвратительные отношения. Даже я помню, как они орали друг на друга.

Я пораженно уставилась на Эдварда. Угрожать наследнику престола? Да кто он такой, этот верховный судья?! Неудивительно, почему меня инстинктивно бросает в дрожь от одного его вида. Моя неприязнь на подсознательном уровне.

— А почему обвинили моего отца ты тоже не знаешь?

Его высочество с сожалением развел руками. Значит, придется выяснять самой.

— Запугивание — вот его стратегия, — сделала вывод я, — меня он тоже хотел сегодня запугать.

Эдвард поднял глаза, и я увидела в них невысказанный вопрос.

— Да, — ответила сразу же, грустно улыбнувшись, — ему это удалось.

Мы замолчали, думая каждый о своем. Я невольно вспомнила сегодняшнюю встречу с Велиром Хорном. А ведь Торус меня спас. Осознанно он это сделал или получилось спонтанно, но я благодарна ему, иначе даже не представляю, чем наш разговор мог закончиться. Ах да, он же согласился на помолвку, то-то я не видела сегодня в столовой ни его, ни Оттаны.

Совет им да любовь, как говорится. Они будут прекрасной парой.

За окном стемнело. Мы опять остались в столовой одни. Я не хотела уходить, страшная тайна связала нас накрепко, спланила вместе воедино.

— Пока судья не трогает меня, — насмешливо произнес наследник, — делает вид, что заботится обо мне. Кроме той первой

угрозы, Велир больше никогда грубо со мной не разговаривал. Не знаю, зачем я ему, но пока нужен.

– Если действительно твой отец умер, и страной правит верховный судья, то именно ты сейчас настоящий король, – выдохнула я пораженно, округляя глаза, и добавила благоговейно, склонив голову, – ваше величество.

– Давай без титулов, это только мое предположение, – отмахнулся Эдвард.

– Очень реалистическое, надо сказать, – ответила я, усиленно размышляя, – оно многое объясняет.

Например, почему казнили моего отца и убили Ромула. Они могли что-то случайно узнать. Например, о том, что страной правит Хорн вместо короля.

Но ведь есть тьма других людей, которые хорошо знают короля. Четыре магических семейства, близкие друзья, та же королева, личная гвардия. Уж они бы всполошились за пять лет?

Голова пухла от предположений. Я не могла больше ни о чем думать, кроме этого.

– Единственное, что меня тревожит, это то, как Велир на тебя смотрит, – произнес Эдвард хмуро.

– И как же? – мне вдруг стало любопытно, что он видит.

– Как на добычу, – ответил он, – и я боюсь оставлять тебя одну. Здесь, в школе, ты хоть под призрачной, но защитой.

– Я должна научиться защищать себя сама, – произнесла твердо, – я не смогу вечно, и ты не сможешь вечно быть со мной.

Эдвард хотел что-то сказать, но передумал, только смущенно улыбнулся.

– Ладно, – он встал и протянул руку, – тогда до следующего семестра?

Я вложила свою ладонь в его и крепко пожала:

– До встречи, ваше высочество.

Принц вдруг стремительно поднес мою руку к губам и поцеловал внешнюю сторону. Потом отпустил и виновато произнес, пожав плечами:

– Нас же считают парой.

Я проводила глазами спину уходящего наследника. По обе стороны шли телохранители, только сейчас они показались не

охранниками, а конвоирами. Мне вдруг стало его безумно жаль. Да. Жизнь у него еще хуже, чем у меня. По крайней мере, у меня есть свобода, или ее видимость, у него нет и видимости.

Вечером я взяла лист бумаги и набросала аргументы за и против теории Эдварда. Так, как нас учил систематизировать информацию на логике профессор Лейбник.

Плюсов было больше. Это и казнь отца, и убийство наследника престола, и в будущем, возможно, убийство Эдварда, если Велир всерьез задумал стать королем. Возможно, он просто ищет подходящего случая вхождения на престол? Это и то, что принцу не разрешают близко встречаться с отцом. И полная безнаказанность Велира Хорна. Он ведет себя так, словно он правитель королевства, даже позволяет себе прямо угрожать Эдварду.

Минусов было немного, но они были.

Во-первых, я не понимала, как судья мог арестовать моего отца. Вот просто так взял и арестовал? Род Креев был очень богатым и могущественным. По одному желанию даже верховный судья не смог бы свалить эту глыбу. Мой отец был не простым смертным. Он был близким другом короля, он был дружен со всеми магическими семьями королевства. Значит, Велиру должны были помогать. И помогать могущественные семьи. Но кто? Еще одна неизвестная переменная?

В конце списка я сделала приписку жирным шрифтом – нужно узнать, кто получил все наше огромное богатство. Не думаю, что земли, рудники, замки и корабли ушли в казну.

В конце концов, я взяла листок, поднесла к свече, и задумчиво глядела, как он сгорает в пламени.

Поселилась я в той же таверне, что и жила в прошлом году. Ее владелец, герр Факур, друг Кассана, был темной личностью, не слишком законопослушной. Иногда до меня доносились истошные крики и странный грохот с нижних этажей. Часто вечерами видела из окна, как к главному входу подъезжают роскошные кареты, вычурные паромобили. Внизу, в подвалах, проводились бои без правил и велись азартные игры. Но я не боялась, у меня был отдельный вход и дружеское расположение Кассана. Я была неприкосновенна.

Свадьба прошла интересно и весело. Была приглашена огромная толпа народу, мне показалось, что собрался весь порт вместе с матросами и рыбаками. Столы с едой и напитками стояли вдоль всей улицы с двух сторон. Кузницу закрыли на неделю. Я была главным развлечением. Мой чайник вызвал восторг, гости просили показать еще что-нибудь интересное. Я делала на заказ маленькие чайники, дублировала ложечки и тарелочки, гнула подковы. И хотя я не любила чрезмерное внимание, но после небольшого количества вина, заставленного выпить за молодых, оно мне начало даже нравиться.

После свадьбы Кассан с Виоликой уехали в небольшое свадебное путешествие, оставив кузницу на меня. Я впервые ощутила на своих плечах груз ответственности. Конечно, ничего серьезного делать я не собиралась, Кассан и вовсе запретил мне работать, только попросил приглядывать за домом.

Я же каждое утро с рассветом открывала кузницу и принимала посетителей. Кому нужно было починить колесо, кому продать гвозди, кому очистить от ржавчины косилку. Работы хватало.

Иногда, после трудного дня, чумакая, как кочегар, с обломанными ногтями, в платье с подпалинами, я смеялась сама над собой. Вот бы сейчас увидела меня красавица мама, тщательно следившая за моим гардеробом, прической и украшениями. Говорившая, что у истинной леди всегда должны быть ухоженные руки, идеальная прическа и безукоризненная внешность.

В свободное время я тренировалась. До написания собственных формул мне еще было далеко, а вот готовые я освоила идеально. И теперь старалась делать гвозди, тарелки и ножи бесконтактным способом. Такой метод был в разы труднее, чем контактный.

Однажды, через неделю после отъезда Кассана меня уговорили на большой заказ. Факур привел в кузницу важного гостя, какого-то заморского капитана. Тому срочно было нужно починить якорную цепь. Обещал прилично заплатить. Сначала я отказывалась, но потом, подумав, согласилась. Мне привезли гору металлических заготовок, и я целый день занималась таким рукодельем – сгибала и переплетала толстые прутья. К вечеру не чувствовала ни рук, ни ног.

Зато половина кузни была занята огромной змеевидной чугунной гирляндой.

– Вот мы и встретились, – звонкий голос Гехарда выдернул меня из усталого отупения. Я обессиленно сидела на скамейке и бездумно разминала ноющие пальцы.

После его слов я резво вскочила на ноги.

Мой давний недруг стоял в широком проеме кузни, засунув руки в карманы. Закат делал его фигуру похожей на выходца из ада, такого демона, раскрашенного по контуру в кровавые блики. Выглядел он неплохо. Такой же, как и раньше: наглый, самоуверенный, вызывающий единственное желание – сбежать и спрятаться. Позади него стояли трое хмурых мужчин в темном.

– Что тебе нужно? – резко ответила я, отступая назад, в панике оглядывая помещение, выбирая то, что может сойти за оружие.

– Мы пришли за тобой, Дениза, – насмешливо ответил Гехард, делая шаг вперед, в полутемную прохладу кузни. – Я теперь работаю на ария Хорна, и он жаждет тебя видеть. Хотя... – он брезгливо оглядел меня с ног до головы, – ...ума не приложу зачем. Ты сейчас выглядишь хуже бродячей нищенки.

Я подумала, что они чем-то похожи. Гехард и Велир. Неудивительно, что судья взял его на работу после того, как тот вылетел из школы. Мерзавцы всегда держатся вместе.

– Я никуда не пойду, сейчас придет...

Парень насмешливо фыркнул, прерывая мои невысказанные слова.

– Не трудись, я точно знаю, что ты одна в кузнице. Кричать тоже не нужно. Ты же не хочешь, чтобы кто-нибудь из соседей пострадал?

Сердце билось где-то в горле, взгляд перескакивал с одного предмета на другой. Металла было много, но как его использовать? По руку попался толстый стальной прут. Я бросила его в сторону Гехарда, на ходу произнося формулу разогрева. До парня он не долетел, упал рядом с его ногами, но уже раскаленный до красноты.

Гехард был не слишком смелым. Он испуганно отскочил назад, ругнувшись.

– Ты заплатишься за это, дрянь, – прошипел он, кивнув на меня своим сообщникам.

Трое громил, оттеснив сына адмирала, зашли в кузню. Не зная, что предпринять, я схватилась за готовую гору звеньев и прошептала формулу решетки. Посреди кузни выросла огромная перегородка,

немного кособокая, разделившая помещение надвое. Верхние прутья вросли в потолок, нижние пробили пол. День работы насмарку, но зато я была полностью загорожена от нежелательных посетителей толстыми прутьями.

Я отошла к стене и прислонилась спиной, сжимая в руке единственную оставшуюся заготовку, свое последнее оружие.

Мужчины подошли к решетке, деловито потрогали ее, попробовали разогнуть. И все молча. Ругался один Гехард.

– Ну давайте, недоумки, делайте что-нибудь, – плевался злобой он, – Хорн с нас шкуру сдерет, если мы ее не приведем.

Я дрожала, как осиновый лист, сжавшись в углу кузни, наблюдая, как они хозяйничают на другой половине, в поисках чего-нибудь, чем можно было разогнуть решетку или сделать подкоп. Мне еще повезло, что с моей стороны нет окна, так бы пришлось и его чем-то зарешечивать. Как же правильно, что я взялась за этот заказ. Иначе, где бы я взяла столько металла на решетку? Того, что было в кузне, не хватило бы на всю стену.

Наступила ночь. Постоянный скрежет и стук нервировал. Сколько еще они будут меня пугать? Я шепнула формулу, и решетка тускло расцвела красным цветом. Мужчины с воплями отскочили, дуя на обожженные руки.

– Мы еще вернемся, – в конце концов рявкнул Гехард, давая знак убираться, – ты от нас нигде не спрячешься.

Кузница опустела, посетители ушли. Медленно остывала решетка, так же медленно замедляло свой бешенный стук мое сердце. Неужели все кончилось?

Конечно, я догадывалась, что, встретив Гехарда в другом месте, не на своей территории, он бы меня с легкостью схватил, никакие пуговицы мне бы не помогли. Кузница выручила, а еще огромное количество металла, из которого мне еще предстоит заново делать цепь.

Оставшуюся ночь я сидела в углу, обнимая колени руками и пялилась в пустой проем открытой двери кузни, каждую секунду ожидая возвращения бандитов. Я не посмела разобрать решетку и не решилась уйти на постоянный двор.

Утром в таком виде меня и нашли вернувшиеся со свадебного путешествия Кассан с герой Виоликой.

– Придется тебя прятать, – сделали вывод друзья после того, как я все рассказала.

Кассан за пару медяков подговорил местную шпану караулить чужаков, если вдруг кто-либо появится на ближайших улицах. Я при первой же угрозе бросалась в подвал и запиралась изнутри на металлическую задвижку. Кассан рассказывал, что к нему несколько раз подходили разные незнакомцы (был среди них и симпатичный богато одетый парень) и спрашивали обо мне. За информацию предлагали золото, много золота.

Надо ли говорить, что работе это совершенно не помогало? Я стала нервной, раздражительной, перестала нормально спать по ночам. И пусть герр Факур убеждал, что сможет меня защитить, если они придут к нему, я все равно ночевала в подвале, среди ржавых кусков покореженного металла.

В конце концов, в кузню нагрянули гвардейцы. О чем они говорили с Кассаном, я не знаю, но после того, как я вылезла из подвала, просидев там часа три, на нем лица не было.

– Я давно хотел переехать на север, – деланно веселым тоном произнес он, и я замерла от страшного предчувствия, – и Виолика говорит, что у нее на родине ценят хороших кузнецов. Да и нашим будущим детям будет лучше с бабушкой и дедушкой.

– Тебя выгоняют из города? – мой голос дрогнул. – Из-за меня?

– Не переживай, – Кассан погладил мою руку, – ты ни при чем. У меня самого имеются кое-какие проблемы с законом. Это просто совпадение. Денег я скопил достаточно для того, чтобы обосноваться на новом месте.

Я шмыгнула носом.

– Не плачь, у меня все будет хорошо. Я переживаю лишь за тебя.

Кассану на сборы дали два дня. И эти два дня он потратил не для того, чтобы по выгодней продать кузницу или собраться в дорогу. Он их потратил для того, чтобы обойти всех своих знакомых в порту и замолвить за меня словечко.

Я была раздавлена. Виной перед друзьями, страхом, непониманием и злостью. До начала занятий оставался еще месяц, и я точно была уверена, что он станет самым трудным.

Остаток каникул превратился в бесконечные прядки. Весь порт, точнее его теневая часть, сплотилась против судьи и его наемников,

чтобы меня спрятать. Чуть ли не каждые несколько дней я меняла место жительства. Жила в борделе среди девушек легкого поведения, ночевала в трюмах на торговых кораблях, даже в схронах контрабандистов на побережье.

В благодарность помогала им, чем могла, но мои полезные и не очень умения работы с металлом не шли ни в какое сравнение с реальной опасностью от ария Хорна, если меня найдут.

Незаметно исполнилось восемнадцать, я даже забыла о дне рождения и вспомнила только через несколько дней, когда в руки попала свежая столичная газета с датой.

Я с жадностью прочитала ее от корки до корки и узнала, что арий Торус Хорн (наконец!) обручился с арией Оттаной Нурв. Обе семьи с восторгом подзавили молодых и прочее, прочее.

Ну, слава богу, теперь, надеюсь, он от меня отстанет.

Хотя слишком больших проблем Торус мне не доставлял, лишь тот неприятный поцелуй и все. В остальное время он лишь оскорблял пошлыми намеками. Больше проблем доставили сплетни, которые распускали о нас.

Да, и самая большая проблема – это его отец, верховный судья!

Меня угнетала мысль, что Кассан из-за меня бросил все и уехал. Он, конечно, обещал известить письмом, когда доберется до родителей Виолики и обоснуется, но я все равно переживала.

Я похудела и подурнела лицом. Постоянная тревога не прибавляла привлекательности.

И когда я рано утром в последний день лета надевала прошлогоднюю школьную форму, она на мне висела мешком. Я не стала входить в главные ворота, может быть, меня ждали, а может, и нет. Прошмыгнула, как всегда, через забор со стороны моря, раздвинув прутья.

Наконец, я на территории школы, в безопасности. Я чувствовала, как облегчение накрывает меня с головой, словно переступила импровизированную границу.

Далее комендант, новая форма, моя любимая двести десятая комната.

Слезы навернулись на глаза, когда я открыла знакомую до мельчайших подробностей дверь. В комнате сделали ремонт, починили пол, обновили обои, заменили ковер и шторы. В остальном все

осталось прежнее. Я обессиленно опустилась на кровать, сжимая в руке кожаный мешочек с деньгами. Остальные вещи должны прислать посыльным завтра.

С некоторых пор я стала жить сегодняшним днем. Что будет завтра – неизвестно. Где мне предстоит прятаться следующие каникулы – тоже. Кассана нет, подвергать простых людей опасности за то, что они мне помогают, не хочу. Денег я скопила за два года достаточно, на необходимые нужды хватит.

Я опять осталась одна и надежда только на себя.

Значит, выходные буду заниматься изучением боевых заклинаний. Таких, чтобы можно было с легкостью защититься от разных там Гехардов.

– Ваше высочество, – широко заулыбалась я, подходя к «нашему» столику в дальнем углу столовой.

Хмурый, тоже заметно похудевший принц нервно барабанил пальцами по столешнице, ни на кого не глядя.

– Дени! – его радость была такой яркой, что я даже опешила. Несмотря ни на кого, он крепко обнял меня и поцеловал куда-то в висок. Наверное, промахнулся.

Я села за стол. Завтрак соберу потом, сейчас хотелось поздороваться со своим единственным оставшимся другом. Эдвард смотрел на меня, не отрываясь, словно боялся, что я исчезну, если он отведет взгляд. Постепенно в его глазах росло понимание, лицо мрачнело и через минуту он произнес:

– Что-то было?

Я кивнула, не переставая улыбаться. Все это в прошлом. Сейчас я здесь, рядом с ним, в безопасности, и ничто не сможет мне испортить настроение.

– Поговорим вечером, в библиотеке. А сейчас марш за завтраком. Скоро прозвучит первый звонок.

Весь день я летала, как на крыльях. Улыбалась учителям и одноклассниками, не обращая внимания на недоуменные взгляды последних. Я жива, я избежала страшной рабской участи, я свободна.

– Рассказывай, – деловито произнес наследник, как только мы уселись за стол. Я не стала скромничать и поведала все, что пережила за последние месяцы. Рассказала, что путь в порт теперь мне заказан.

Как пряталась почти все каникулы, что из-за меня выгнали из города Кассана и заставили его оставить кузницу.

По ходу моего рассказа губы Эдварда сжимались, в глазах разгорался гнев.

– Мне рассказали, – произнесла я в конце с улыбкой, – что богато одетый парень с тремя громилами обошел весь порт и предупредил кузнецов и ювелиров в округе не брать меня на работу, – я хихикнула. – Загоняют как дикую лань, отрезая пути к отступлению. Следующие летние месяцы каникул мне придется действительно туго.

– Я обещаю, он заплатит за это, – звенящим от напряжения голосом прошептал принц, – сейчас он слишком силен, – и я поняла, что речь о судье, а не о Гехарде. Действительно, таких гехардов в подчинении у Хорна может быть десяток, а то и два.

– Немного подожди, я придумаю, как тебя обезопасить, – продолжал наследник.

Я легкомысленно пожала плечами.

– Все позади, ваше высочество, – с улыбкой произнесла, – подумаем об этом через полгода. Здесь он меня не достанет. Правила одинаковы для всех.

– Смотря как сильно он хочет тебя заполучить, – нахмурился парень, – он почти что король, в его силах изменить и стоявший веками устав.

– Будем надеяться, что не слишком сильно. Впереди свадьба сына. Это его отвлечет.

Эдвард задумчиво кивнул. После каникул он немного вытянулся, скулы заострились, может быть, из-за этого он мне показался похудевшим?

– Как же я рад тебя видеть! – в таком глубоком чувством произнес он, что я в смущении опустила повлажневшие глаза. – Я чувствовал, что с тобой происходит что-то плохое. Иногда моя интуиция кричала так, что я не находил себе места.

– Может, это не интуиция, – улыбнулась я, – а отголоски твоей магической родовой силы? – и добавила хитро. – Она возвращается?

– Не дай боги, – шутливо нахмурился он, – не хочу быть очередным сумасшедшим в роду.

И началась учеба. Третий курс уменьшился еще на несколько студентов. Кроме Гехарда покинула школу ария Антония Гроун, в

отличие от него – по своей воле. Девушка вышла замуж и уехала с мужем в другую страну. Девушек на третьем курсе стало четыре. Боюсь, к пятому останусь я одна, остальные выскочат замуж.

Количество студентов уменьшалось, зато число дисциплин росло с каждым курсом. Теперь лекции продолжались с обеда и почти до самого ужина. Практики перенесли на утреннее время.

Эдвард предложил мне пересесть к нему за первую парту. Немного подумав, я согласилась. Частенько, сидя на последней, за разговорами студентов и студенток я не слышала лектора. Останусь без сплетен? Ничего страшного. И так все дни после начала занятий говорят об одном и том же – помолвка Оттаны Нурв и Торуса Хорна.

Где бы я ни оказалась: в столовой, в библиотеке, в конюшнях или шла по коридору, везде шептались о предстоящем грандиозном событии. Две богатейших семьи королевства, два ария, два древних бывших магических рода соединяли своих наследников.

Оттана стала истинной королевой школы. Она не ходила по коридорам, а плыла, окрыленная собственной исключительностью, а еще – роскошным звездным сапфиром, окруженным россыпью бриллиантов, на пальце. Не знаю почему, но меня это страшно раздражало.

Нет, я не ревновала, мне не нравился Хорн, я не желала его внимания. И никогда даже мысли не допускала, что могу быть с ним. Мне просто претила фальшь, лживое лицемерие, пронизывающее этих двоих. Может быть, Оттана действительно любила Торуса, но насчет Хорна я знала точно – он ее не любит.

Меня злило то, что в их мире подобное считается естественным.

Любовь – это подарок. Не всем везет его получить. Это огромная удача, редкое небывалое счастье, полюбить. Тысячи семей живут вместе, воспитывают детей, внуков, стареют и умирают в одном доме, дай боги испытывая друг к другу симпатию или приязнь. А ведь бывает и ненависть. И это не мешает их детям поступать точно так же, и точно так же выбирать пару не по велению сердца, а по тяжести кошелька или громкому титулу.

Странные...

Хорн против Оттаны не производил впечатление счастливого жениха. Увидев меня в коридоре, он только сжал губы и надменно

вскинул голову, словно норовистый жеребец. Я улыбнулась и отвела глаза. Это его выбор, никто насильно в храм не тянет.

Лично с Оттаной же столкнулась в столовой. Мы одновременно подошли с подносами на раздачу. Я на полшага раньше. Сначала я хотела притормозить и уступить дорогу, а потом подумала: «В бездну покорность!» и проскользнула вперед. Оттана раздраженно зашипела.

– Уйди с дороги, нищенка. Ты мусор, таких как ты не должно быть не то, что в нашей школе, но и на свете.

Я поставила поднос и развернулась к девушке. Раздражение, которое нарастало постепенно с начала занятий, достигло верхнего предела, и я поняла, что не сдержусь.

– Многоуважаемая ария, – ласково заговорила я, – если вы не хотите, чтобы ваше прекрасное кольцо превратилось в отдельно лежащие на полу камни и кусок золота, не приближайтесь ко мне.

Оттана побледнела. Оказывается, не такая уж она и смелая. Она испуганно завела левую руку за спину, пряча драгоценное кольцо.

– Не поможет, – фыркнула я, отвернулась и принялась медленно набирать поднос.

Я отошла на приличное расстояние, и лишь тогда Оттана набралась мужества открыть рот.

– Завидует, – пояснила девушка своим подругам, – ей никто никогда не предложит замуж. В лучшем случае станет любовницей, в худшем... – Оттана понизила голос, и я не разобрала последнюю фразу, зато услышала их громкий смех.

Сердце сжалось, я вдруг поняла, что злые слова Оттаны ранят гораздо больше, чем я могла предположить.

Через месяц после начала занятий я получила письмо от бабушки. Сначала даже не поняла от кого оно. Я ждала вестей от Кассана, но он не писал. Я волновалась за него, и когда принесли конверт, не глядя оторвала край. Увидев дорогую розовую бумагу с гербом и водяными знаками, изрядно удивилась.

«Дорогая внучка, – начала читать ошеломленно, – прости, что не писала тебе так долго. Я была раздавлена известием о казни сына и о лишении нашей семьи дворянского титула и пребывала в глубоком горе»...

«Все шесть лет?» – скептически подумала я.

Далее шло описание, как ей было тяжело, но чем больше читала, тем больше убеждалась, что не смерть сына ее расстроила, а потеря приставки ария. В конце письма бабушка писала, что сожалеет о том, что отказалась от меня, что в ее жизни кроме меня никого нет и она жаждет прижать меня к своей груди перед смертью. У нее остался дом в Шалире по адресу... Я быстро пробежала глазами, ничего мне не говорившее название улицы и номер дома. Она там будет находиться еще месяц. Если я смогу ее навестить, то бабушка будет очень рада, так как жить ей осталось не так уж много.

Я медленно сложила письмо, задумчиво уставившись в окно, через которое вдалеке виднелся прекрасный величественный город. Нет, не поеду, – категорически заявила сама себе, сунув конверт в карман.

Неделю я его носила с собой, словно заряженный мушкет, готовый выстрелить. Мысли о том, что бабушка умирает, а я такая черствая, лелеющая свои обиды, не давали уснуть. Она единственная моя родственница, мне нужно быть добрее. Дедушка со стороны папы умер еще до моего рождения, а мама и вовсе была сиротой. В конце концов я решила, что смогу в выходные ее навестить. Гехард на горизонте не появлялся уже давно, да и откуда он узнает о том, что я вышла из школы?

Рано утром я пробралась через забор и направилась в сторону порта. Там взяла наемную карету и назвала адрес бабушкиного дома. На мне было новое платье, кожаные добротные ботинки, я тщательно заколола волосы, привела в порядок руки. И пусть у меня не было украшений, бабушке не будет за меня стыдно.

Сердце колотилось, как ненормальное. Как меня встретят? Что я скажу? Я понравлюсь старушке, она примет меня? А вдруг Марта ошиблась и не так поняла бабушкино письмо? А вдруг... она полюбит меня и у меня будет семья?

Тревожные мысли теснились в голове, но это не мешало мне рассматривать красивые трех и четырехэтажные особняки, выстроившиеся по обе стороны широких улиц столицы. Где-то в этих прекрасных домах с садами и фонтанами живут мои одноклассники. Устраивают вечеринки, встречаются с друзьями, пьют чай по утрам из тонкого изящного фарфора, едят пирожные, лежащие на серебряных блюдах. Подобных тем, которые я часто чинила в кузне. Наверное,

когда-то и у нас был огромный красивый дом в столице. И пусть я никогда в нем не была, я верю, он был самым роскошным.

Карета остановилась перед средних размеров домом, с запущенным садом. Я отдала положенные двадцать медяков кучеру и подошла к калитке. Дом был пуст и тих. Может быть, все еще спят, и я рано приехала?

– Есть кто-нибудь?

Я постучала бронзовым молоточком, висящим над ручкой. Через минуту дверь распахнулась, на пороге меня встретила молоденькая девушка в переднике.

– Я Дениза Крей, – произнесла немного дрожащим голосом, – приехала к герре Крей, я ее внучка.

– Конечно, – радостно, даже как-то слишком, заулыбалась девушка, словно увидела что-то расчудесное, – проходите, мы вас ожидаем с большим нетерпением.

Я не обратила внимания на странные слова горничной, торопливо ступила в гостиную и закрутила головой. Дом был прекрасен. Раньше. Остались красивые витражи на окнах, орнаменты на потолке и стенах, когда-то дорогие, а сейчас вытоптанные ковры на полу. На всем лежала плотная вуаль запустения и уныния.

Через несколько минут я увидела, как сверху по широкой мраморной лестнице спускается дама. Никто бы не посмел назвать ее старушкой. Я во все глаза глядела на величественную высокую женщину в темно-зеленом бархатном платье. И это моя бабушка?

Почему же она не смотрит на меня, если так сильно хотела увидеть? Я повернула голову по направлению ее взгляда, и в ту же секунду кто-то меня схватил за руки и крепко зафиксировал. Я даже не успела ничего предпринять. Обернулась – трое высоких мужчин стояли за спиной.

– Она ваша, – раздался сверху холодный надменный голос, и я подумала, что бабушке до смерти еще далеко, как до солнца.

Потом шею сжали и сознание погасло. Когда я немного пришла в себя, мы куда-то ехали в карете. Руки были связаны, я полулежала на твердой кушетке, в голове мутилось, тошнота подступала к горлу. Хотела повернуть голову и посмотреть с кем еду, но карета дернулась, я ударилась виском и опять отключилась.

Второй раз очнулась, когда мы уже стояли. У дверей кареты разговаривали двое. Бабушка и... я похолодела. Голос Велира Хорна я узнаю где угодно. Я сцепила зубы, чтобы не завывать от раздирающей душу боли. Опять предательство, и от кого? От самого близкого человека!

– Теперь, надеюсь, я получу назад свой титул?

– Не сомневайтесь, ария Брианна Торн, – вкрадчиво произнес судья, – сегодня же подпишу бумаги.

Ария Торн? Она возвратила девичий титул? Конечно, возвращать титул Креям никто не собирается.

– Тогда, прощайте, – стук каблуков удалялся, вместе с ним и моя последняя надежда на спасение. Какое уж тут спасение, если для бабушки титул дороже внуки.

Дверца кареты отворилась, я сделала вид, что еще нахожусь без сознания. Меня подхватили на руки.

– Несите в красную комнату, – в повелительном голосе судьи я различила предвкушение, – я вскоре подойду.

Я немного приоткрыла глаза. Меня нес крепкий мускулистый мужчина, из-за широкой груди, в которую упиралось мое лицо, почти ничего не было видно, лишь мелькала зелень кустов и деревьев, затем проем двери и вот мы поднимаемся по лестнице. Сзади шел еще кто-то, значит, мужчина не один. Вряд ли я с ними всеми справлюсь, зная лишь формулу раскаленных пуговиц, решетки и ножа.

Меня внесли в комнату и аккуратно положили на кровать. Я чуть приоткрыла глаза. Комната, действительно, отсвечивала красным. То ли красные шторы, то ли обои, то ли все вместе – это придавало ей такой угрожающе кровавый вид.

– Просыпайся, красавица, – а вот и судья пожаловал. Я окаменела, сильнее зажмурив глаза, – я знаю, что ты не спишь, Дениза. Не хотелось бы пока применять другие методы для подъема. Пощечины, например.

Я тут же села прямо, сжав кулаки, намереваясь защищаться хотя бы так, голыми руками. Величественный и прекрасный Велир Хорн собственной персоной, в судейской, расшитой золотом мантии, стоял у кровати и с усмешкой смотрел на меня сверху вниз. Наследник был прав, как на свою добычу.

– Эта женщина, действительно была моей бабушкой? Или она обманула меня даже в этом? – я предполагала, что меня ждет, поэтому задавать вопросы «Зачем вы меня похитили?» или «Где я, и что со мной будет?» было бессмысленно. А этот вопрос меня волновал.

– Да, – кивнул судья, – я же говорил, что у каждого есть своя цена. У твоей бабушки она была грошовая – титул.

– Ясно.

– Ты неплохо держишься, – уважительно произнес мужчина, – где же истерики, слезы?

– А они помогут?

– Нет, – отрезал Хорн. Его настроение резко поменялось. Глаза хищно сузились. Он склонился над кроватью, и я сжалась в комочек, стараясь казаться меньше.

– Жаль, что у меня сейчас мало времени, – прошептал он плотоядно, обжигая дыханием, – не знал, когда ты приедешь, поэтому не оставил на тебя время. Сейчас мне срочно нужно быть во дворце на важном процессе.

Я облегченно выдохнула.

– Но не переживай, вечером я приеду и тогда займусь тобой ближе. У меня большие планы.

Видя, что я никак не реагирую, судья выпрямился.

– Крон и Бут, вы остаетесь охранять за дверью. Отвечаете головой. Микур, Гехард со мной.

Я скосила глаза, бывший одноклассник стоял у двери. Что же он молчит, не язвит, не оскорбляет, как это делает обычно? Или боится перед судьей рот раскрыть?

– И да, – Хорн остановился, – металла нет во всем крыле, решетки на окнах каменные, засов на двери деревянный. Не знаю, что ты умеешь, это так, на всякий случай.

Судья уже был у двери, когда я решилась.

– Постойте! – он удивленно обернулся. – За что вы убили моего отца?

На лице Хорна расцвела снисходительная усмешка. Глаза сощурились, полные губы изогнулись. Он даже помолодел, став удивительно похожим на своего сына. Ну просто копия. Меня затошнило.

– Как за что? – издевательски переспросил он. – Фредерик Крей убил наследника престола и покушался на короля.

– Чушь, – резко оборвала судью, – вы сами намекнули Эдварду, что виноваты в смерти принца Ромула.

– О, – Хорн заинтересованно подошел ближе к кровати, – у вас с мальчиком такие близкие отношения. Он рассказывает государственные тайны простой... – судья скривился, – ...подружке.

Я молча угрюмо смотрела Хорну в лицо ожидая, когда он прекратит паясничать и, наконец, ответит на мой вопрос.

– Ты никогда этого не узнаешь, – надменно произнес он, холеное лицо вмиг утратило привлекательность, превратившись в жуткую маску, – я убил принца или твой отец, уже не важно. Тебя должно интересовать другое, – неуловимым гибким движением он снова склонился надо мной, шлейф золотой мантии взметнулся вихрем за его спиной, – как ты будешь стонать подо мной, рожать детей, послушно выполнять мои приказы. И тебе нужно будет очень постараться, чтобы в наших детках проявилась магия, тогда, может быть, я от тебя отстану.

В странном отупении я смотрела, как мужчина выходит из комнаты, дверь закрылась, потом послышался глухой стук, словно уронили бревно. Задвижка?

Не знаю, сколько прошло времени, после его ухода. В голове было пусто, словно ее набили ватой. Спустя какое-то время я сообразила, что мои слезящиеся глаза не смогут прожечь дыру в двери как бы мне этого ни хотелось. Я медленно отвела от нее взгляд и впервые позволила себе внимательно оглядеть комнату. Взгляд задержать не на чем. Кроме огромной кровати, стоящей в центре, был лишь ковер на полу. Стены обиты ярко-красной тканью. Штор не было. Полумрак давала каменная решетка, превращая окна в крошечные бойницы. У меня даже рука в проем не пролезет.

Интересно, комнату обустроили специально для меня или она такой была изначально? Тогда это настоящая тюрьма. Интересные у судьи развлечения.

Я встала и подошла к окну. Из него был виден кусочек ухоженного сада и часть леса. Значит, я на окраине Шалира. Если судья был в мантии и говорил, что ему нужно во дворец, далеко мы не уехали. Высота была приличная. Если бы даже смогла разломать решетку, то выпрыгнуть не получится.

Встав у кровати, я произнесла формулу магнита, вложив всю силу. В стены, в дверь, и даже в окно что-то застучало. Послышались приглушенные проклятья охранников. Наверное, я притянула все мелкие металлические предметы из дома и двора. Ложки, вилки, подсвечники. Все, что было не приколочено. Увы, до меня не добралось ничего. Стены, пол и потолок были слишком толстые, дверь полностью деревянная, а в решетке на окне слишком маленькие глазницы. Хотя стекло и разбилось, но кроме свежего воздуха, в спальню ничего не проникло.

Значит, придется обходиться без металла.

Я перебрала в памяти все заклинания, которые помнила, но ничего существенного не придумала. Надежда была лишь на чудо. Его и ждала.

Обед принес хмурый некрасивый мужчина с перебитым носом. Он молча поставил поднос на пол и удалился, не обратив внимания на мой нервный смешок – тарелки, даже нож и вилка, были деревянные. Я не собиралась скромничать и съела все. Пусть аппетита не было ни капельки, но силы мне понадобятся любые.

Я ходила из угла в угол, выглядывала в окно, тихонько простукивала стены, надеясь найти пустоты. Увы. Моя комната была каменным мешком, без единой лазейки. Солнце перевалило далеко за полдень, еще немного и начнет темнеть. Меня неуклонно охватывала паника. Внутренние часы отсчитывали минуты до прихода судьи. И их оставалось все меньше. Я принялась выламывать ножку кровати, надеясь сделать из нее дубинку. Защита так себе, на один замах, но сидеть без дела не могла.

Вдруг за дверью послышался звук удара и сдавленный хрип. Я насторожилась. Дверь распахнулась.

– Быстрее, – свистящим шепотом произнес младший Хорн, возникший в проеме, – живо за мной!

Я не стала раздумывать и резво выскочила за дверь. Он взял за ноги лежащего охранника и перетащил комнату, потом запер дверь на засов. Выглядело так, словно ничего не произошло. Хорн схватил меня за руку и потащил вниз по крутой лестнице.

– Мне повезло, один из них ушел в туалет, пока вернется, пока начнет искать второго... Это даст немного времени.

Я ничего не ответила, берегла дыхание. Мы слетели с лестницы и оказались в каком-то узком коридоре. Еще несколько поворотов, и мы на заднем дворе. У двери нас ждал невзрачный пожилой мужчина. Он молча протянул сверток чего-то большого, взамен получил от Хорна увесистый мешочек чего-то звякнувшего.

– На улице никого, слуг распустили, – донесся приглушенный голос, – охранники только у центрального входа.

Торус кивнул, накинул на себя плащ, меня подхватил на руки. Я оказалась спрятана под плотной тканью. Потом мы опять куда-то бежали. Но недолго. Хорн усадил меня на лошадь, сам вскочил сзади, и мы помчались в сторону леса. Через десять минут бешеной скачки лошадь перешла на шаг. Я сбросила с головы плащ.

– Куда вы меня везете, арий? – поинтересовалась холодно.

Мне не было причин доверять сыну судьи. А вдруг он меня просто забирает себе?

Хорн издал странный сдавленный смешок. Я повернулась и искоса на него посмотрела. От него сильно несло спиртным, но пьяным он не выглядел.

– Ты нечто, Дениза, – произнес он и добавил ехидно, – я похож на похитителя?

Я уже догадалась, что ошиблась, но назло ему пробормотала сквозь зубы: «Еще как».

– Если ты не поняла, то я тебя спасаю, – Торус перешел на серьезный тон, – и везу назад в школу.

– Как вы узнали, где я?

– С некоторых пор я держу в каждом доме отца осведомителя. Один из них сегодня передал мне записку, что в дом привезли молоденькую медноволосую девушку в бессознательном состоянии, отпустили слуг, сначала потребовав, чтобы те убрали из одной части дома все металлические изделия. Догадаться было не трудно.

– И где мы находимся?

– На окраине столицы, к востоку, – одна рука Хорна удерживала поводья, другая крепко обнимала меня за талию, мне было не слишком комфортно, но я терпела, зажата в узком тесном пространстве между его грудью и руками, – у моего отца несколько домов. Хорошо, что он не стал везти тебя в охотничий замок в Варне или еще куда, дальше.

«Да уж, – подумала я, – несказанно повезло».

Вдруг Хорн наклонился ко мне и зашептал вкрадчиво в ухо, задевая губами мочку:

– Как бы мне сейчас хотелось остановить лошадь, – я испуганно сжалась, от горячего шепота волоски на коже встали дыбом, – подхватить тебя на руки...

Я пригнулась сильнее, избегая его прикосновений. А потом подумала – в бездну, не буду бояться!

– Тогда вы ничем не будете отличаться от своего отца, – отрезала холодно, резко выпрямляя спину.

Хорн не успел отклониться и не слабо получил макушкой по подбородку. Его сдавленное шипение сквозь зубы я проигнорировала. Сам виноват.

Некоторое время мы ехали в полном молчании.

– Не бойся, я не насильник, – выдавил он, в конце концов, а затем опять перешел на игривый тон. – Зачем мне это? Любая прыгнет в мою постель по щелчку пальцев.

Я промолчала, не захотев развивать тему и напоминать, что я-то не прыгнула...

Солнце почти село, мы ехали в предзакатных сумерках, и только когда вдаль показались знакомые башни школы, я смогла более-менее успокоиться. Не то, чтобы я не доверяла сыну судьи, но сложно расслабиться, когда тебя постоянно касаются бедрами, подбородком, руками, нечаянно задерживая ладонь под грудью или склоняют лицо к волосам, почти зарываясь в них. Он словно не мог остановиться, а я терпела, сцепив зубы, мысленно себя уговаривая, что в данный момент со мной могли бы происходить вещи гораздо худшие.

Мы подъехали к школе с боковой стороны. Здесь были хозяйственные постройки, конюшни, прачечная и тому подобное. Двор был пуст, ужин давно закончился, слуги разошлись по своим комнатам.

– Тут мы расстанемся, – Хорн помог мне спуститься с лошади, – мне нужно вернуться в столичный особняк, у меня полным ходом идет вечеринка. Ты проберешься, как всегда, через забор. Для тебя же это не составит труда?

Значит, он уехал с вечеринки, как только узнал обо мне? То-то я чувствовала запах спиртного.

– Не составит, – таким же ехидным тоном ответила и добавила тихо: – Арий Хорн накажет вас?

Парень хмуро мотнул головой.

– Надеюсь, не узнает. Я ударил охранника сзади, тот меня не видел. А друзья скажут, что я был с ними весь вечер. На меня он подумает в последнюю очередь. Скорее на твоих дружков в порту.

Стемнело. Мы стояли друг напротив друга, я с трудом различала очертания его фигуры в тусклом свете окон школы. Он не торопился уходить, а я не знала, как поблагодарить его. Я бы могла сделать серебряный чайник или тарелочки, но боюсь, он рассмеется мне в лицо.

– Может, подаришь поцелуй за спасение? – вдруг произнес Хорн, наклоняясь.

Я инстинктивно шарахнулась назад, вжавшись спиной в частокол забора. Он приблизил лицо почти вплотную, и я увидела, что его губы изогнуты в насмешливой ухмылке, а глаза остаются серьезными.

– А я хотел еще раз предложить стать моей любовницей, – вот ведь странно, голос у него вроде был веселый и беззаботный, но смотрел он так, словно от моего ответа зависела жизнь. Я прикрыла веки, почувствовав внезапное головокружение. – Да... Вижу, что еще рано. Теперь, когда у тебя в кавалерах наследник, ты и не посмотришь на бедного ария.

Мне вдруг стало стыдно за свой испуг. Он спас меня, опять спас от страшной участи, гораздо более ужасной, чем поцелуй. Как только представлю, чем мог закончиться вечер – внутри становится пусто и холодно.

– Спасибо вам, арий Хорн, – выдавила я из себя тихо.

Почему-то захотелось плакать. Навалилась безмерная жалость к себе. Не удержавшись, я хлюпнула носом, часто заморгала, тщетно прогоняя влагу. Лицо Хорна скривилось.

– Не думай, я не благородный рыцарь, спасающий прекрасных пленниц, – буркнул он сварливо, – у меня свой интерес. Я просто не хочу, чтобы ты досталась моему отцу. Ему нравится ломать людей. А я не хочу, чтобы тебя сломали.

Я хотела сказать, что сломать меня не так уж просто. Что все, что могло меня сломать, уже свершилось в моей жизни, а хуже этого быть не может. Но промолчала. Лишь смотрела на идеально красивое лицо,

белевшее в темноте. Вдруг накатило странное чувство, что этот самовлюблённый бездельник, ничего из себя не представляющий, умеющий лишь закатывать вечеринки, веселиться и менять любовниц стал ближе самых близких друзей, что мы с ним одно целое. Я ошеломленная тряхнула головой – это темнота виновата. Темнота и доверительная атмосфера, окружившая нас.

Хорн рвано выдохнул. Склонился еще ближе, почти касаясь моих губ. Мелькнула предательская мысль – если поцелует, я не буду препятствовать. Пусть это будет моей расплатой за спасение.

– Ты удивительная, – его шепот был на грани слышимости, шевельнулись лишь губы, – чудо, случайно появившееся в нашем мире и оказавшееся на моем пути.

Я замерла, слушая хрипловатый голос, и что-то переворачивалось внутри, даже плакать расхотелось.

– Ты стала для меня наваждением, – Торус резко помрачнел, – к сожалению, для моего отца тоже. Не выходи никуда из школы ни под каким предлогом, ты поняла?

В его словах был такой сильный приказ, что я кивнула, не задумываясь.

– Я подумаю, как тебя обезопасить.

Еще один. Эдвард обещал подумать, теперь Хорн. Ну что же, двое защитников лучше, чем ни одного. Даже если один вскоре покинет школу и женится.

– Иди, чудо пугливое, – хмыкнул Хорн. Я пригнулась и выскользнула из-под его рук. Раздвинув прутья, шагнула во двор школы. Вслед донеслось, – ты все равно будешь моей. Наследник тебя не получит.

Ничего не ответив, я выровняла забор и побежала к школе, чувствуя взгляд Хорна в спину до самой двери. Не стала рассказывать его высочеству о похищении. Я поступила глупо и недальновидно, поверив бабушкиному письму. Мне было стыдно за свою ошибку. На вопрос, где пропадала весь выходной и почему не было в столовой, я ответила, что немного приболела, нужно было отлежаться. Наверное, он подумал, что у меня женские недомогания, так как не стал развивать тему.

Последующие недели я занималась тем, что обшаривала библиотеку в поисках защитных, или тех, что можно использовать для защиты, заклинаний. Увы, для всех нужен был металл. Без него заклинания становились набором бесполезных слов.

Будь то растапливание до жидкого состояния, распыление, магнит, решетки, колья, прутья и прочее. Даже для маленького ножа или иглы нужно было добыть хоть фунт. После всех мытарств я уяснила две вещи. Во-первых, нужно всегда носить с собой некоторое количество металла. Для этого я сделала резной металлический пояс, обтянула его тканью и стала носить под платьем. И во-вторых, даже если я сделаю нож или кинжал, я не смогу его применить. Нужно учиться рукопашному бою.

Проще сказать, чем сделать.

Книги давали информацию, но увы, в основном о науке благородной – дуэлях на шпагах или боях мечников. О ножах ничего не нашла. Тогда я пошла другим путем. У меня остались контакты в порту, и я написала записку Факуру с просьбой организовать встречу с одноруким Баком. Тот знает и умеет абсолютно все.

Рано утром я пришла в условленное место на берегу моря. Бак уже ждал, прохаживаясь в предрассветных сумерках вдоль скалы. Недалеко от этого места был схрон контрабандистов, где я пряталась одно время. Мы крепко обнялись.

– Научишь меня так обращаться с ножом? – Бак удивленно вытаращился. – На всякий случай.

– Дени, – укоризненно ответил он, – ты же леди. Тебе это ни к чему.

Я вкратце рассказала, что со мной произошло. Бак красочно выматерился, потом сел на камень и похлопал ладонью рядом с собой. Я присела неподалеку.

– Ты маленькая, тебе не выдержать долгий бой, – он сразу перешел на серьезный тон, – успеешь сделать лишь один удар, максимум два. Твое преимущество в неожиданности, поэтому скажи мне прямо – ты готова убить человека?

Я ошеломленно застыла. Почему-то об этом я не думала.

– Ты должна будешь сделать один удар и этот удар должен быть смертельным. Если не убьешь, то сделать второй можешь не успеть.

– Не знаю, – дрожащим голосом произнесла я, – никогда об этом не думала.

– Подумай на досуге, – жестко сказал Бак, – я покажу тебе несколько мест на теле человека, попадание в которые даже коротким ножом почти всегда смертельно. И еще. Ты сможешь победить лишь один на один. Если встретишь двух и более противников, мой тебе совет – беги со всех ног.

Я только хмыкнула, подумав, что мои недруги, увы, по одному не ходят. Но ведь и я не собираюсь нападать на них первой. Только защищаться.

Бак встал и вытащил из-за пояса красивый средних размеров нож.

– Возьми, – он протянул мне его на ладони.

Я взяла за рукоятку, автоматически произнося заклинание заточки. Лезвие и так невероятно острое сверкнуло алмазными бликами. Бак дружески улыбнулся.

– Есть два способа держать нож, – начал говорить он, – когда большой палец смотрит на острие и когда острие направлено вниз.

– Это я и так знаю, – перебила его, – ты забыл, я же четыре года жила в деревне, почти в лесу. Разделявала кроликов, резала кур.

– Отлично. Тогда слушай. Прямой сильный укол в шею и в горло почти всегда приводит к смерти. Если не можешь сделать укол, размахивайся и делай секущий. Любой удар в лицо, шею гарантированно тебя спасет.

Я кивнула, внимательно следя за руками Бака, который показывал, как правильно наносить удары.

– В сердце бить не советую, можешь попасть в ребро, противник только разозлится. Лучше в бок, можешь попасть в печень или почку. Тоже неплохо.

Он еще много чего говорил и показывал, я слушала, но в глубине души все яснее понимала, что вряд ли смогу убить. Даже того же Велира Хорна, своего заклятого врага, человека отправившего отца на казнь и изнасиловавшего мою мать. В конце концов, я решила, что знания не помешают, даже такие специфические, и принялась усердно внимать откровениям Бака о том, как быстрее и проще убить человека.

За завтраком Эдвард был мрачнее тучи. У него настроение частенько прыгало от радостного оптимизма до черной апатии. Он мог

на обеде шутить и улыбаться, а на ужине я не могла вытянуть из него двух слов. В такие минуты просто сидела рядом, ела и думала о своем. На его отношении ко мне это никак не отражалось, а вот вечно стоящим телохранителям иногда доставалось.

Один из мужчин постоянно переминался с ноги на ногу, словно она у него болела. Я тихо поинтересовалась у наследника:

– Разреши им присесть. Столики рядом все пустые.

– Пусть стоят, – рявкнул Эдвард, – работа у них такая.

Потом, словно извиняясь за грубость, произнес:

– Они вчера вечером отличились. Хотя, – он махнул рукой, – они не причем... Все марионетки в его руках. А я безвольная кукла...

Я молча ждала продолжения, видя, что Эдвард немного не в себе. Хочет что-то сказать и не решается. Он отводил взгляд, нервно мял салфетку, скатывая ее в жгут и распрямляя обратно. Сейчас он был похож не на высокомерного наследника престола, а на задерганного озлобленного мальчишку. Иногда мне казалось, что в его нестабильном настроении и вздорном нраве виновата безумная кровь Ремов, доставшаяся от предков. Тогда я говорила себе, что я у него единственный друг, ему больше не с кем поговорить, открыть душу.

– Что-то случилось? – поинтересовалась тихо, когда молчание уже можно было резать ножом. – Рассказывай.

Эдвард еще раз коротко на меня взглянул и опустил глаза. Он что смущается?

– Надоело, – сдавленно произнес Эдвард, – как же мне все надоело... – немного помолчал и продолжил, не поднимая глаз. – Вся моя жизнь – расписанные по минутам события, я не могу ничего изменить. Я не принадлежу себе. Меня, как тряпичную куклу, дергают за веревочки, заставляя делать вещи неприятные мне, иногда даже мерзкие.

– Например? – тихо поинтересовалась.

Да, я догадывалась, что с наследником не все так просто. Его скачущее настроение, высокомерный холодный, иногда даже озлобленный тон. Бывало, он пропадал на день и не приходил даже в библиотеку, хотя мы всегда договаривались заниматься вместе. У него была другая жизнь, тайная жизнь наследника престола, в которую мне хода не было.

– Например? – повторил за мной Эдвард, горько улыбнувшись. – Например, даже элитных куртизанок приводят по расписанию. Не знаю, кто его составлял – отец или королевский врач? Кто сказал, что в четырнадцать лет я должен стать мужчиной и раз в неделю спать с женщиной? Не больше и не меньше.

Я растерянно покусывала губы, старалась ничем не выдать своего замешательства.

– Вчера вечером я отказался и попросил вывести девушку, – продолжал он, – но они, – он кивнул на телохранителей, – просто впихнули ее в комнату и закрыли дверь.

– А если ты?.. – румянец неумолимо напелзал на щеки, подобные темы мы с наследником еще не обсуждали.

– «Если» не случается, – фыркнул парень, – они все профессионалки, приближенные ко двору. Вчера она даже театрально всплакнула, пожаловавшись, что если не сделает свою работу, то ее накажут.

– И как они входят? В школу же не пускают чужих, – я балансировала между смущением и любопытством.

– Ко мне пускают. Через черный вход, – принц был хмур и озабочен, но а я с трудом сдерживала улыбку, потом не удержалась и хихикнула в кулак. Эдвард поднял голову и с изумлением уставился на меня.

– Представила, как она крадется по узкой винтовой лестнице для слуг, вся такая красивая, закутанная в шелка, чтобы ублажить твое высочество... А высочество нос воротит.

Брови принца сошлись на переносице, потом лоб разгладился, и он тихо засмеялся вместе со мной. Громче, еще громче. Через мгновение мы хохотали во весь голос. На нас начали озираться студенты, еще сидевшие в столовой.

– Боги, лекция! – воскликнула я.

Мы, никого не замечая, схватились за руки и, хихикая, побежали на занятия.

Судья затаился. Прошло несколько месяцев после похищения, а от него не было ни слуху, ни духу. Неужели забыл про меня? Или отвлекли важные государственные дела? Я читала о громком процессе над шпионажем в пользу граничащей на востоке Фракрии. Там была

замешала верхушка ариев. Дипломата Фракрии выслали из страны, а два ария были лишены дворянства, состояния и сосланы на север.

От Кассана, наконец, пришло письмо. Я проглотила за секунду несколько корявых строчек, спотыкаясь об орфографические ошибки. Он коротко написал, что хорошо устроился, купил дом и начал строить кузницу. А еще они с Виоликой ждут ребенка. Вот и все.

Последняя новость в письме мне напомнила еще об одном ребенке, куда более знаменитом, рождение которого ожидало все королевство. Ребенке Дария и Сорти. Журналисты гадали, проявится ли магия в наследнике Зоргов или этот род станет еще одним, лишившимся ее? А мне было интересно, как Зорги будут проверять силу у младенца. Я не помню, как было это со мной. Родители рассказывали, что дали мне в ручку серебряную ложечку, когда я гневно кричала, требуя молока, а когда я сжала пальчики, на металле появились отметины.

Как бы там ни было, я порадовалась за них. Я следила за громкими делами Зоргов в королевстве. Где-то они прорыли тоннель в скале, чтобы построить дорогу в горные деревушки. Где-то выровняли каменистую пустошь, где-то изменили береговую линию в бухте так, чтобы кораблям было удобнее заплывать. Нечасто, но мы обменивались с Дарием письмами. Увы, легкость в общении прошла. Он коротко описывал, чем занимается, я в основном рассказывала об учебе и своих достижениях в магии. Не жаловалась и не писала о своих проблемах с судьей.

Постоянная зубрежка и в будни, и в выходные выматывала, я скучала по общению, работе в кузнице, особенно в те дни, когда Эдвард куда-то пропадал. Мои прогулки ограничивались периметром забора школы. И почему-то всегда, проходя мимо хозяйственных построек, я вспоминала младшего Хорна. Его хриплый шепот, проникающий под кожу, заставляющий сладко замирать сердце, губы на расстоянии вдоха, сильные руки, прижимающие к груди, уносящие прочь из особняка его отца.

Я слишком часто стала о нем думать, это пугало. Он пустышка, балабол, папенькин сынок, привыкший к роскоши, вседозволенности, всеобщему поклонению. Да, он спас меня, но лишь потому, что сам хотел сделать меня любовницей. Об этом я мысленно твердила, случайно сталкиваясь с ним в коридорах школы, пытаюсь заглушить в

себе теплую волну признательности, которая непроизвольно охватывала меня, а еще... Странное чувство близости, возникшее в сердце из ниоткуда.

– Что у тебя с младшим Хорном? – однажды спросил Эдвард за обедом. Я удивленно подняла голову. – Торус не отрывает от тебя взгляд, как только ты вошла в столовую. И это не в первый раз.

Я с трудом подавила желание повернуться и посмотреть. Проверить, так ли это. Сообразив, что ложь наследник почувствует сразу, решила сказать правду. Да и не смогла бы я врать единственному другу.

– Он предложил стать его любовницей, я отказалась, – равнодушно произнесла и вернулась к супу, краем глаза замечая, как пальцы принца судорожно сжали ложку, так, что побелели фаланги. Молчание затягивалось. Я подняла голову и вопросительно уставилась на его высочество.

– Если хочешь, я поговорю с ним, – лицо наследника было непроницаемо, но в глазах плескалась злость.

– Не нужно, после отказа он не пристаёт, – если я и покривила душой, то лишь немного. Плохо лишь то, что он заметил интерес Хорна. А если заметил он, то заметили остальные студенты. Оттана тоже не дура. Ну хоть пакости делать перестала. Или мои угрозы о кольце повлияли, или заключив официальную помолвку ей стало все равно. Словно для нее главное не сердце парня, а статус его невесты.

Мы молча доели суп и принялись за второе. Я поддела вилкой завитушку красиво нарезанной тушеной морковки, принц кромсал стейк, словно тот был виноват в чем-то.

– Я много думал, как оградить тебя от внимания судьи, – вдруг глухо произнес он, со звоном бросая нож на стол, – боюсь, тебе не понравится мое предложение, но другого способа пока нет. Судья слишком силен, я не смогу напрямую на него повлиять или приказать.

Я терпеливо ждала продолжения, удивляясь его нервозности. Аппетит пропал, и я отложила в сторону приборы. Студенты потихоньку покидали столовую, спеша на занятия, нас с принцем тоже ждала важная лекция по праву, но он почему-то притих и не спешил открыть то самое предложение. Неужели оно мне так не понравится?

– Тебе нужно встретиться с отцом, – тихо произнесла я то, что давно вертелось на языке. – Ты же часто бываешь во дворце, неужели

нет никакой возможности увидеть его величество? Меня по-прежнему не покидает мысль, что судья правит страной не просто так, и на самом деле ты давно являешься главой королевства. Тогда и смысла...

– Ты думаешь, я не пытаюсь?! – рявкнул Эдвард, перебивая меня.

Я инстинктивно втянула голову в плечи. На нас начали оборачиваться.

– Каждый раз, когда я бываю во дворце! – он даже не заметил моего испуганного «Тише, нас могут услышать». – Каждый раз, мрак его раздери! – у меня мурашки побежали по спине, таким сильным и повелительным стал его голос. Лицо принца побледнело от гнева. Я мысленно порадовалась, что гнев направлен не на меня. Умение властвовать у парня было в крови.

– Хорошо, – примирительно сказала я и дотронулась до его руки, – пока оставим эту тему, что за идея насчет меня?

– Я представлю тебя ко двору, как свою фаворитку, – быстро произнес Эдвард, отводя взгляд в сторону, – это официальный статус. Что-то типа замены жены для особы королевской крови пока он холост. Он оградит от притязаний других, но накладывает множество обязанностей, пока я не обзаведусь женой. Хотя и после того, как женюсь, первая фаворитка должна быть возле меня. Но нам нужно будет делать вид, что мы вместе спим, – добавил тише, почти шепотом.

За столом воцарилось молчание. Я даже забыла о лекции, так была ошарашена.

– Может быть, поищем другие способы? – робко поинтересовалась. Не слишком я горела желанием становиться любовницей друга, даже на словах. Почему-то перед глазами некстати всплыло лицо младшего Хорна.

– Я не нашел, – отрезал Эдвард, поднял голову и впервые прямо на меня посмотрел. В его глазах было много всего. И смущение, и робость, и страх. И... ожидание?

Страшное подозрение охватило меня. Сердце заколотилось, по коже побежали мурашки, съеденный обед встал в животе плотным комком. Только этого не хватало. Эдвард мой друг! Лучший и единственный!

– Давай еще подумаем, – выкрутилась я, переводя взгляд на часы и с грустью отмечая, что лекция уже началась и придется ее пропустить, так как герра Шанти не пропускает опоздавших в

аудиторию, – впереди полгода, если не найдем ничего лучшего, я стану твоей фавориткой. Фиктивной, конечно, – криво улыбнулась в конце.

– Я... – голос юноши сорвался. Он немного помолчал, беря себя в руки. Потом глубоко вздохнул и расправил плечи, словно сбрасывая с себя непосильную ношу, – ...буду счастлив, если ты согласишься... Пусть фиктивно... Это значит, что ты будешь рядом со мной некоторое время... Хотя бы так...

Его отрывистые фразы мучительно отзывались в сердце болью. Я страшилась смотреть Эдварду в глаза, боялась увидеть там то, к чему была не готова. Столовая опустела, даже телохранители отошли дальше, давая так необходимое нам уединение.

– Не бойся, – произнес принц, вставая и отодвигая мне стул. Видя мою растерянность, собрал мои приборы на свой поднос, – я не буду принуждать тебя ни к чему. Я вижу, что ты не готова увидеть правду.

– Какую правду? – прошептала я, поднимая глаза.

Эдвард стоял почти вплотную. Между нашими телами нельзя было даже руку протянуть. Я увидела близко-близко знакомое до мельчайших подробностей худощавое лицо, не слишком красивое, но очень характерное. Длинный нос с крошечными веснушками на горбинке, умные карие глаза, широкий лоб без единой морщинки. Тонкие, крепко сжатые губы... я не стала на них задерживаться.

Мальчик стал мужчиной? Я даже не заметила этого преобразования. Он всегда был для меня другом, младшим братом, сокурсником. Но никак не возлюбленным. Нет.

Эдвард грустно улыбнулся. Покачал головой, взял наш двойной поднос и понес его к кухне, я смотрела ему вслед и понимала, что когда-нибудь этот разговор всплывет. Я не смогу избежать этого. Я немного разбиралась в характере принца. Он настоящий властитель, в нем уживались и робость, и непробиваемое упрямство, нерешительность и напор. Сейчас он отступил, но ненадолго.

Развернувшись, я медленно побрела к выходу из столовой.

Пройдет время, может несколько лет, может десять или больше, он осмелеет настолько, что его не будет интересовать ничье мнение, только свое собственное. Предпосылки к этому я чувствую уже сейчас. Он будущий король, властелин огромной территории. Он не станет сдерживать своих желаний, будет брать то, что ему хочется. И сказать «нет» не посмеет никто.

Все-таки, как же хорошо, что я встретила будущего короля сейчас! Когда он еще робкий, застенчивый и нерешительный. Смогла разглядеть его суть, противоречивую и переменчивую. Со своими страхами, неумелыми признаниями, печалью и восторгами.

Принц догнал на выходе, медленно пошел рядом, опасливо заглядывая в лицо.

— Стыдно, ваше высочество, — на моих губах заиграла улыбка, — из-за вас я прогуляла важную лекцию, откуда я теперь узнаю о системе налогообложения в вашем государстве?

Эдвард робко улыбнулся.

— Я сам тебе расскажу, — произнес он, протягивая руку, я тут же на нее оперлась, — заодно посмотрим, какой из меня получится лектор.

— Из вас должен получиться король, а не лектор, — шутливо ткнула я его в бок, — не отнимайте хлеб у бедной герры Шанти.

За неделю до зимней сессии меня вызвали к директору. В школе давно бродили слухи о том, что арий Китеп серьезно болен и вместо него король назначил исполняющего обязанности, некоего герра Дарона. Я ни разу его не видела, да и зачем? Директор не преподавал, занимался лишь административными делами, студенты с ним не пересекались за исключением единичных случаев. В голову пришла пугающая мысль, что меня опять ждет судья в кабинете, поэтому, собираясь, я нацепила на себя столько металла, сколько смогла. И пояс, и шпильки, и несколько браслетов, даже металлические защелки на ботинках.

Увы, мои страхи не оправдались. В кабинете находился арий Китеп собственной персоной. Он сидел за столом напротив окна и производил впечатление живого мертвеца.

— Садись, — сиплый старческий голос был едва слышен. Я уселась в кресло напротив с ужасом рассматривая желтую пергаментную кожу, черные мешки под глазами, трясущиеся руки. Он был явно нежилец и держался на одной силе воли. — Что? Все так плохо?

Я не смогла выдать из себя ни слова, только испуганно кивнула. Директор криво дернул уголком синих губ.

— Вчера король подписал приказ о назначении нового директора школы, ария Натаниэля Бридор, — начал говорить он, — я как мог оттягивал это событие, но увы, больше не могу.

– Арий Китеп, мне очень жаль... – он вскинул руку, прерывая мои слова о сочувствии. Да и что такого я могла сказать, чего он не знал?

– Я надеялся, что смогу протянуть еще два года, пока ты не закончишь школу, но, боюсь, не рассчитал свои силы. Хотя, – он сдавленно фыркнул, – лучшие лекари королевства давали мне месяц еще два года назад. Мое врожденное упрямство и ты помогли так долго продержаться.

– Я? – прошептала, не веря ушам.

– За тебя идет нешуточная борьба за пределами школы, Дениза Крей, – я вытаращила глаза. – Ты маг, один из немногих, оставшихся в нашем королевстве. Не думай, что ты спокойно закончишь школу и тебя отпустят на все четыре стороны. Ты слишком ценный приз, чтобы вот так позволить заниматься тем, чем хочешь.

Арий глухо закашлялся, его грудь заходила ходуном, со свистом втягивая в себя воздух. Трясущиеся пальцы открыли какую-то коробочку и выудили круглую большую таблетку, которую он положил себе в рот. Прошло немало времени до того, как он опять был в состоянии говорить.

– В лидерах Велир Хорн, – продолжил хрипло директор, – никто не может ему помешать, хотя желающих достаточно. Боюсь, Хорн даже изменит правила школы, чтобы забрать тебя до ее окончания. Хотя может и подождать.

Новости неутешительные, это правда. Я слушала негромкий больной голос директора, смотрела в сторону и понимала – все, что было до этого момента, лишь цветочки.

– За эти годы я как мог обезопасил школу. Сейчас в нее никто не может проникнуть без специального пропуска, лично подписанного директором. Охрана для школы набирается не из королевской гвардии, как было раньше. Я заключил договор со сторонними наемниками, они подчиняются непосредственно мне. Но боюсь, все это рухнет, когда меня не станет.

Я сглотнула, представив Гехарда и его громил на пороге своей комнаты.

– Лучше бы тебе никогда не уезжать из своего хутора, прожила бы тихую спокойную жизнь вдали от столицы...

Я отрицательно махнула головой. Не хочу! Спокойная жизнь рядом с каким-нибудь сельским увальнем меня не привлекала.

– Я боюсь за тебя, Дениза, – слезы непроизвольно навернулись на глаза после его слов, – это хорошо, что в друзьях у тебя наследник. Хоть призрачная, но защита.

– А вы виделись с королем? Он во дворце? – я не могла не задать этот вопрос, мысль о том, что судья полностью захватил власть, а король давно мертв, не давала покоя.

– Конечно, – кивнул арий Китеп, странно на меня посмотрев, – вчера был на аудиенции.

– И вы не заметили ничего странного? – не унималась я.

– Нет, – мужчина опять закашлялся, а потом сипло выдохнул. – Что ты имеешь в виду?

Я не стала загружать его своими подозрениями, ему и так плохо. Да и может быть вместо короля уже давно двойник, а больной директор не смог отличить настоящего Рема от поддельного.

Вдруг арий вытянул откуда-то красивый разноцветный листок, переливающийся всеми цветами радуги, и подтолкнул к краю стола.

– Возьми, – прохрипел он, – я положил на имя Денизы Крей в центральном королевском банке Шалира тысячу золотых. С этими деньгами ты сможешь уехать куда-угодно, в любую страну. Я знаю, что у тебя остались друзья в порту, они посадят тебя на корабль и помогут пересечь границу. Пусть закон королевства гласит, что магическим семьям нельзя покидать королевство, думаю, ты сможешь убежать. Сменишь имя, не будешь раскрывать умения... Золота хватит на безбедную жизнь.

– Спасибо, арий Китеп, но нет, – взволнованно ответила я, отодвигая банкноту, – я хочу разобраться, что произошло с моим отцом, за что его казнили. Если сбегу, то никогда не узнаю правды.

Красные слезящиеся глаза бывшего директора школы встретились с моими. И я увидела в них понимание.

– Я расскажу, что знаю, – произнес он через некоторое время, – но вряд ли тебе это поможет. Семь лет назад в начале осени король устроил ежегодную королевскую охоту для своей семьи и самых приближенных к ней. Попасть на нее было великой милостью. За тридцать лет я лишь однажды удостоился подобной чести, – я внимательно слушала тихий дребезжащий голос, стараясь не упустить ни одной мелочи. – В тот раз гостями были самые близкие друзья Рема – твой отец, арий Нурв, арий Горн и арий Велир Хорн. Зорг не смог

приехать, накануне он сломал ногу в горах, Горн после первого загона уехал, объяснив, что жена очень больна. Что произошло дальше никто доподлинно не знает. Король был ранен, как и твой отец, наследник Ромул погиб. В тот же день были казнены все свидетели – охрана, слуги, все, кто присутствовал на охоте. Обвинение – измена и попытка переворота. Твоего отца Велир сразу же бросил в тюрьму и предъявил обвинение. Казнь состоялась очень быстро. Тогда все удивлялись, почему? Ведь подобные процессы идут месяцами, а то и годами. Хорн молниеносно провел суд, на нем было зачитано послание раненого короля, который не вставал с постели, также на стороне обвинения были показания Нурва. Твой отец не мог оправдаться, его не было на суде, так как ранения не позволяли ходить. Его даже на казнь вели под руки.

Я молча глотала слезы, слушая сухие факты, изложенные арием.

– Было много вопросов, и у меня, и у друзей Крея, – казалось, арий Китеп держался из последних сил, его голос становился все тише, дыхание все тяжелее, – обвинение напоминало фарс. Единственный, кто мог пролить свет на это событие, был Нурв, но он молчал.

«И потребовал за свое молчание свадьбу дочери с наследником Хорнов», – мысленно продолжила я.

– Вы не знаете, кому отошли наши земли, рудники, дома, корабли?

– Часть казне, – ответил арий, – часть Хорну. Писали в газетах, что король наградил его за преданность и помощь в раскрытии заговора.

Ну, конечно. Последняя часть мозаики встала на место. Все ниточки ведут к судье.

Арий Китеп все же заставил меня взять банковскую банкноту на предъявителя на тысячу золотых. Сказал, что умрет спокойно, зная, что я хотя бы не нуждаюсь в деньгах. Посоветовал найти могущественного покровителя, а лучше выйти за него замуж (услышав это пожелание я мысленно посмеялась), продержаться до окончания учебы, тренироваться в магии и не переходить дорогу сильным мира сего.

С гнетущим чувством я попрощалась с бывшим директором, понимая, что больше его никогда не увижу. И уже выходя из кабинета услышала:

– Удачи, Дениза Крей. Будь счастлива.

Я широко улыбнулась и кивнула. Обязательно буду. Закрывает дверь и медленно поплелась к себе наверх. Мысли теснились в голове. Что же действительно произошло тогда на охоте? Неужели Велир убил наследника, короля и обставил это так, чтобы виноватым оказался мой отец? А долгая болезнь Рема связана с тем, что судья готовил его двойника? Тогда все сходится.

Интересно, почему Велир так долго ждет, не желая взойти на престол? И тут же себе ответила. Наше королевство самое большое в мире, смена власти плохо отразится на внешней политике, начнутся войны. А так как у нас осталось мало магов, то и серьезных преимуществ нет. Единственное преимущество – огромное количество населения и большая территория, но это является и минусом, так как границы обширны, защищать придется много и многих.

А может, Велору достаточно чувствовать власть и управлять марионеткой на троне? Тогда ему действительно нужен Эдвард. По крайней мере, пока тот не сменит своего отца, и не перестанет взрослеть. Тогда судья подберет похожего актера и?.. Нет, это уже слишком сказочно.

Неделя зимних каникул прошла в терзаниях. Я и так, и сяк обдумывала то, что услышала от ария Китепа и поняла, что строить догадки неблагоприятное дело. Нужно встретиться с действующими лицами, с теми, кто был на охоте. Ни Велир Хорн, ни арий Нурв вряд ли мне что-нибудь расскажут. А с королем мне не встретиться никак. Лишь Эдварду это под силу. Значит, нужно его подтолкнуть.

Наследник собирался провести каникулы вне школы, как и большинство ариев, его пригласили во дворец. Перед отъездом Эдвард поведал, что его мать, королева, возвращается в столицу из Толебы, где прожила больше семи лет.

– Заниматься моей помолвкой, – фыркнул он насмешливо. – Ты же знаешь, что жены королей по традиции всегда принцессы иностранных государств. Меня помолвили с Лианеттой, когда нам было по пять лет. Но после шпионских войн отец разорвал помолвку.

Я вспомнила, что Лианетта была принцессой Фракрии, той, с которой недавно был дипломатический скандал. Значит, с пяти лет? С ума сойти!

– Теперь нужно заключать договор с другим государством, – вздохнул Эдвард, – а свободных незамужних принцесс не так уж много. Моя мать из южной Варганы, имеет хорошие связи, может быть, найдет что-нибудь подходящее.

– Ты так говоришь, – произнесла я, – словно тебе все равно на ком жениться.

– А мне и вправду все равно, – отозвался принц хмуро, – я ни разу ни одной принцессы вживую не видел, лишь портреты. Думаешь, мой отец женился по любви? Для любви у него есть фаворитки.

Воспоминание о том, что Эдвард предложил эту незавидную или завидную (как посмотреть) роль почему-то мгновенно испортило мне настроение. Я быстро попрощалась с его высочеством, пообещав никуда из школы не выходить, а заниматься изучением родовой магии.

Половина третьего курса прошла. Я легко ориентировалась в географии и ботанике королевства. Знала населяющие его народности и многовековую героическую историю. Могла решить дифференциальное уравнение и вычислить логарифм. Логически обосновать и разобрать по полочкам любую проблему. Умела рисовать, составлять букеты и организовывать приемы на триста персон. И еще много всего бесполезного и не очень. Но главное – я выучила язык магов и начала потихоньку сама писать заклинания. Первой пробой пера стало заклинание перемещения. Кстати, очень полезное. Теперь я даже высокий школьный забор могла передвинуть на фут вперед, назад или вправо (что я делала, когда тренировалась). Жаль только, что, если в предмете было хоть что-то не металлическое, например кастрюля с деревянными ручками, заклинание не работало.

Эдвард вернулся за день до начала занятий. Закованный в несокрушимую броню равнодушия, холодности и высокомерия. Я видела, как он идет вдоль столиков в столовой, не смотря по сторонам, не отвечая на робкие приветствия студентов, в наглухо застегнутом на все пуговицы костюме с неизменными телохранителями за спиной. Его глаза чуточку потеплели лишь тогда, когда они встретились с моими.

Я выжидательно уставилась наследнику в лицо, когда он с подносом уселся напротив меня.

– Нет, – ответил он на невысказанный вопрос, – я не смог увидаться с отцом. Даже мать не помогла. Он категорически не желает

видеться с сыном.

– Значит, нужно встретиться без его согласия, – пробормотала я.

– И как ты это представляешь? – Эдвард раздраженно забарабанил пальцами по столу. – Короля окружают телохранители, у него отдельные покои, в которые ходу нет, кроме самых приближенных. Даже мать приходит на аудиенцию по специальной договоренности. Я даже не знаю, доходили ли до него мои прошения, или мне отказывал секретарь.

– Поговорим в библиотеке вечером, – в итоге предложила я примирительно, – сначала поешь. Сегодня в меню особенно удачная запеканка с изюмом.

К концу дня принц стал почти как прежде. Так пугающая меня холодность исчезла. Словно он оттаял, сбросил тяжеленные доспехи, надетые во дворце. Он не рассказывал, что происходило там, в самом сердце Шалира, да я и не спрашивала, понимая, что не от хорошей жизни глаза Эдварда заledenели, а лицо превратилось в непроницаемую маску.

– У меня есть план, – таинственно прошептала я, когда мы уселись, а телохранители отошли дальше, за пару столиков. Принц иронично приподнял бровь, приготовившись слушать.

– В нем участвует еще один человек, но его согласием я заручусь, если первым согласишься ты. Это Дарий Зорг.

В глазах Эдварда мелькнуло удивление.

– Проблема лишь в том, чтобы найти точный план дворца.

– Кажется, я начинаю догадываться, – со смешком произнес принц. – План заставили меня заучить давно, это знание входит в специальную программу обучения. На случай переворота или покушения, я должен знать, куда бежать. Может быть всех потайных ходов я и не знаю, но в общих чертах...

– Этого достаточно, – потерла я руки, – мы с Дарием, если он согласится, конечно, пройдем любые стены и запоры, он раздвинет камень, я решетки или другие металлические преграды. Ты покажешь, где находятся личные покои короля, и мы проберемся туда вместе. Ночью.

Принц молча обдумывал услышанное.

– Есть подземный тайный ход во дворец со стороны моря, – в конце концов ответил он, – мне его показали, когда десять лет назад в

стране были волнения, на случай если бунтовщики нападут на дворец. Он ведет в королевское крыло. До спальни отца пройти совсем немного.

– Отлично, – прошептала я, – осталось уговорить Зорга.

На следующий день я написала ему письмо. Вкратце – нужно встретиться по важному делу. Слишком опасно писать. Только личная встреча. Когда вы будете в Шалире? И когда сможете подъехать к школе?

От него пришел ответ, что не раньше, чем через месяц, так как сейчас он на севере, в Гранаде. Как только приедет в столицу, сразу же встретимся.

Мы с принцем приготовились ждать.

Свадьба Хорна и Оттаны должна была состояться летом, после окончания ими школы. Чем ближе подходило это грандиозное событие, тем ярче расцветала ария Нурв. Оттана была очень красива, той яркой классической южной красотой, которая завораживала и восхищала.

В противоположность ей, Хорн становился все мрачнее. И пусть моя симпатия почему-то не исчезала, по-настоящему жаль его не было. Выбор есть всегда. Мы каждый день выбираем свою жизнь. Даже в мелочах. Взять на завтрак пирожное или запеканку. Вызваться первым на практике или подождать, пока тебя вызовет учитель. Проглотить оскорбление или ответить на него равнозначно. И так далее. Торус выбрал, теперь это его жизнь.

Я слышала, на него начали жаловаться учителя. Первый студент пятого курса скатился до незачетов и прогулов. Какой позор.

Когда мы встречались в коридорах школы, он впивался в меня злым голодным взглядом, от которого у меня бежали мурашки по коже. А так как я почти всегда была рядом с наследником, то ни подойти, ни высказаться он не мог. Наверное, это его еще больше раздражало.

Мы случайно столкнулись на раздаче в столовой. Или не случайно. Как назло, Эдвард задержался на практике, а Хорн, словно давно карауля, встал вплотную за спиной.

– В девять на заднем дворе, там, где мы расстались, – быстро прошептал он мне в затылок, потом обернулся к соседу сзади и, словно ничего не произошло, продолжил разговор о предстоящей практике.

Как мне не было любопытно, я не пошла на свидание. Зачем? Опять будет предлагать стать любовницей? Что он еще может предложить?

На следующий день, встретив Хорна в коридоре, увидела неприкрытую ярость в его глазах. Челюсти были сжаты так, что желваки ходили ходуном, гневные красные пятна цвели на скулах. Судя по всему, он сдерживается изо всех сил, чтобы не подойти и не прибить меня на месте. Я невольно поежилась – может ли страсть перерасти в ненависть? Казалось, Хорн сейчас способен на что угодно, на любую сумасшедшую глупость.

– Что это с ним? – поинтересовался Эдвард, тоже заметив убийственный взгляд в нашу сторону.

– Не знаю, – пожала плечами, – невеста разозлила?

– Она может, – согласился наследник, – Хорн в последнее время сам не свой. Срывается по любому поводу.

Я настойчиво потянула Эдварда за локоть и завела в аудиторию, подальше от неадекватного ария. Мы сели за первую парту.

– Интересно, – с улыбкой повернулась к парню, – на всех мужчин так влияет женитьба? Что же вы ее боитесь, как огня?

– Скажу, когда женюсь, – пожал плечами он.

После лекции наследник задержал меня в коридоре.

– На выходных мне нужно быть во дворце, – произнес он хмуро, – мать вызывает.

Я сокрушенно вздохнула – опять предоставлена себе. Ничего, напишу еще одно заклинание – давно хотела научиться вскрывать замки. Нужно всего-то сжать затворную пружину и освободить рычаг. Должно быть просто. Потренируюсь на своей двери. Я уже вытаскивала и разбирала замок, постигая как он устроен. На самом деле, я каждую металлическую вещь в комнате разобрала и собрала заново. Жаль, что их было мало. В перспективе я бы хотела написать заклинание истинного зрения. Я читала в одной из книг, что когда-то можно было дотронуться до любого изделия и перед глазами возникнет его трехмерное изображение, будут видны все металлические детали, из которых оно состоит.

Пока я даже приблизительно не знала с чего начать, чтобы его реализовать. Значит, пока вскрытие замков. Что тоже неплохо.

Поев, я сразу же пошла в библиотеку, обложила книгами и принялась составлять алгоритм заклинания.

– Я знал, что тебя здесь встречу, – напротив присел Хорн.

Я вздрогнула и испуганно взглянула на осунувшееся лицо красавчика, с облегчением замечая отсутствие злости в глазах. Успокоился? Или что-то задумал? Несколько минут за столом стояла тишина, я писала промежуточные формулы, он сидел напротив и молча меня разглядывал.

– Очень скоро у меня начнется практика, затем выпускные экзамены. Вторую часть весны меня не будет в школе, потом награждение, и я уйду из школы навсегда, – его голос был странным, слишком серьезным, звенящим, как натянутая струна. Отложив карандаш, я подняла голову, стараясь выглядеть равнодушной.

– Знаешь о вине Фабрия? – я кивнула, кто же не знает лучшее вино королевства. На свадьбе у Кассана стояла лишь одна бутылка рядом с молодоженами. Торус продолжал: – Оно производится на моем личном поместье, в пятидесяти милях от столицы на запад. Мне оставила его бабушка в наследство, – не дождавшись от меня реакции, продолжил он, – поместье чудесное, расположено в живописном уголке на берегу озера. Приносит огромный доход, более полутора тысяч годовых.

Я вздохнула и пожала плечами.

– При чем здесь я?

– Я отдам его тебе, – Хорн склонился над столом всем корпусом, я опасливо отодвинулась назад. – Ты бросаешь школу, переезжаешь в поместье, а я оформляю на тебя дарственную.

– Просто так?

– Не делай вид, что не поняла! – рявкнул он, лицо на миг исказилось от ярости. Он сразу же взял себя в руки и более спокойно добавил. – Я предлагаю тебе кров, защиту, достаток.

– Свою постель, – продолжила я его фразу, насмешливо скривившись.

Торус сжал зубы и откинулся на спинку стула, сдерживаясь от резкости. Некоторое время мы молчали, испытующе рассматривая друг друга. Его лицо было почти спокойным. Почти. Я бы и не заметила напряжения, если бы не побелевшие пальцы, вцепившиеся в столешницу.

– Иногда я тебя ненавижу, – сквозь зубы прошипел он, – за твое непробиваемое упрямство, болезненную гордыню. За то, что ты такая красивая и холодная, как ледышка. Ты не женщина, ты черствая бездушная статуя.

– Только лишь потому, что отказала вам?

Хорн выругался. В глазах явно обозначилось желание убивать. Довела.

«Какой же он разный, – думала отрешенно, разглядывая взбешенного молодого мужчину. – Иногда распутник, повеса, сердцеед, иногда серьезный студент, лучший на курсе. Иногда благородный рыцарь, спасающий пленниц, иногда – форменный мерзавец».

– Ты все равно кончишь подобным, – успокоившись, почти нормальным тоном произнес он, – твоя дорога в любовницы. А любовница ария – это твой максимум. Станешь моей – отец отстанет от тебя, он не подбирает объедки.

Жгучая горечь разлилась внутри после его слов. Вот какой чудесный способ нашел Хорн, чтобы меня защитить, почти такой же, как наследник, только с единственным отличием – Эдвард не настаивал на близости.

– Даже если ты закончишь школу, ты будешь одна и беззащитна. Тебе некуда идти. Как только ты переступишь порог школы на тебя устроят охоту, мой отец будет в первых рядах. Только вряд ли он подарит тебе поместье.

– Еще два года впереди, придумаю что-нибудь, – я опять взялась за карандаш, склонилась над тетрадью с единственным желанием сдержаться и не показать, что слова меня задели.

– Ты знаешь, что на днях вступает в должность новый директор? – не дождавшись от меня реакции, Торус продолжил. – И первым же указом он отменит запрет на свободное посещение школы. Далее разорвет контракт с охранной компанией и наберет охрану из королевской гвардии. А потом? Начнет отменять трехсотлетние правила?

– У меня есть покровитель, – выдавила из себя нехотя.

– Его высочество принц Эдвард? – фыркнул уничтожительное Торус и ехидно поинтересовался: – И что, станешь его фавориткой?

– Вы мне тоже не поход в храм предлагаете.

Хорн болезненно застонал, закрыл глаза и опустил голову на столешницу, уткнувшись лбом в лакированное дерево. Я задумчиво смотрела на светлую макушку и не понимала, что чувствую в этот момент. Злость, раздражение, разочарование? Или странное желание протянуть руку и зарыться пальцами в шелковистую копну?

Сколько мы так молчали? Не знаю. Долго. Краем глаза я замечала любопытные взгляды студентов, сидящих за соседними столами. Сплетникам будет чем поживиться. Две девушки за два прохода уже начали перешептываться, гаденько ухмыляясь. Меня давно перестали волновать пересуды, я не боялась Оттаны и ее верных подружек. А Эдвард однажды сказал, что он и так ни с кем не общается, кроме меня, и соответственно, сплетен не слушает.

– Я не могу, – вдруг сдавленно прошептал Хорн, поднимая голову. Так, словно мы прервали разговор мгновение назад, – даже, если бы и хотел, не могу. Отец, мать, сестра, мой род, будущая работа, статус. Столько преград. Я думаю о тебе постоянно. С первой секунды, когда мы столкнулись взглядами в столовой. Только тогда я не предполагал, сколько сил и времени потребуется на то, чтобы тебя уломать. Надеялся, управлюсь за неделю, – Хорн небрежно взмахнул рукой, – сначала мне было интересно. Экзотическая внешность, прошлое, покрытое мраком, непохожесть на других, магия, опять же... А потом я втянулся. Дальше – больше. За три года ты встрясла из меня душу, превратилась в наваждение, одержимость. Это уже не болезнь, это гораздо хуже.

– Вы любите меня? – фраза вылетела изо рта прежде, чем я успела хорошенько подумать. Хорн удивленно изогнул бровь.

– Я не верю в любовь, – его голос стал как прежде, насмешливым и ироничным, – любовь придумали менестрели, чтобы было о чем петь и потешать народ. Среди высшей знати любви нет и быть не может.

«Естественно, – подумала я, соглашаясь, – она там не выживает».

– Наверное, я смог бы предложить тебе поход в храм, – вдруг произнес Хорн задумчиво, – был бы у тебя подходящий род. Не запятнанный изменой и убийством. Более-менее богатый и знатный, можно даже без приставки ария. Все-таки ты маг.

Весь его самодовольный вид говорил о том, что он делает мне одолжение, озвучив возможность женитьбы. Он даже не понимал, что

этими словами оскорбляет и унижает меня. Не в силах сдержаться, я вызывающе вскинула голову и гневно процедила сквозь зубы:

– Я не стыжусь своего имени, я горжусь своим отцом и всегда буду гордиться.

– Хорошо, – пожал плечами Хорн равнодушно, а потом добавил мягко и проникновенно, бархатным чарующим голосом, словно укрощая непослушную кобылку, – но ты ведь понимаешь, что я не могу предложить тебе замужество? И так даю тебе больше, чем другим своим любовницам. Я потратил столько времени и сил на тебя, сколько не понадобилось для соблазнения Оттаны или любой другой арии. Гордись. Ты почти поставила меня на колени.

Странно, но почему-то ни гордости, ни счастья от этого я не испытывала.

– Тогда какая разница, – в голосе прибавилось агрессии, – вы или принц? Фаворитка короля звучит интереснее. И защита будет сильнее. И денег больше.

– Он не сделает тебя счастливой, – Торус протянул руку и попытался дотронуться до моей, но я быстро ее одернула, – он еще мальчишка, он не знает, как обращаться с женщинами. А я знаю. У меня большой опыт.

Эта хвастливая фраза поставила точку в нашем разговоре. Нет, то, что нам не по пути понятно было уже давно, но последние слова подвели заключительную черту. Он не понимает меня, я не понимаю его. И даже если бы согласилась на постыдный статус любовницы, я просто не смогу так жить, не смогу быть счастливой с любимым человеком, если буду делить его еще с кем-то.

Подумала «с любимым»? Нет, просто оговорила.

– Я не властен над своей судьбой, Дениза, – мягко продолжил Хорн, словно еще на что-то надеясь, – все наследники ариев без исключения не могут сами выбирать себе жену, это привилегия простолудинов. Мы женимся по договоренности, так было сотни лет до меня и будет еще сотни после. Для соединения титулов, родов, богатств, связей. Ты должна это понимать. Ты сама бы так вышла замуж, если бы Крея не казнили.

Мне было жаль Хорна, он даже не осознавал, в чем не прав. Я прекрасно помнила, что мой отец, тоже, кстати арий, один из самых богатых людей в королевстве, женился по любви. Они с мамой любили

друг друга – это правда. Мама была сиротой, из обедневшего рода, дальней ветви каких-то вельмож, ни приставки ария, ни денег, ни связей у нее не было. Это не отпугнуло папу. И пусть его родня была против, он не оставил жену. И, конечно же, не стал бы принуждать единственную дочь к династическому браку.

Я слушала Хорна и все яснее понимала, что он не моя судьба. Я хочу быть единственной. Хочу, чтобы на меня смотрели так, как смотрел мой папа на мою маму. Как на самую великую драгоценность на свете. Я хочу, чтобы ни связи, ни деньги, ни другие озвученные Хорном причины, не были решающими в выборе счастья. А у Хорна они, как оказалось, на первом месте. Не любовь. Увы.

Ах да! Он же в нее даже не верит!

Я встала и принялась собирать тетради. Все равно не смогу продолжать сегодня заниматься, слишком болезненно дался мне этот разговор. Хорн с недоверием наблюдал за моими действиями. Он что, действительно рассчитывал на мое согласие?

– Ты уходишь? – осторожно поинтересовался. Я молча кивнула.

– И ничего не ответишь?

– Мне вас жаль, арий. Вы так и не научились отличать благородную девушку от продажной, – тихо произнесла я и направилась на выход.

Хорн схватил меня за руку и удержал на месте, вцепившись в запястье горячими пальцами.

– Я не знаю как с этим справиться, помоги мне, – его глаза странно блестели, – скажи, что делать? Как поступить? Это... больно. Я не привык к боли...

Пропустив его бессвязный бред мимо ушей, я выдернула руку.

– Я не смогу вам помочь, арий Хорн, это ваша жизнь и вам решать, как ее прожить.

Быстро подойдя к стойке герры Виолетты, я положила книги, невозмутимо расписалась в тетради и двинулась уже было к двери, стараясь не смотреть по сторонам. Но тут Хорн с грохотом вскочил на ноги и все, кто находились в зале, невольно обернулись в его сторону.

– Дениза, вернись! – крикнул он громко, невзирая на то, что слышат студенты. Словно ему плевать на репутацию и на слухи. Даже герра Виолетта не стала призывать Хорна к тишине, понимая, что сейчас происходит что-то неизмеримо важное.

Я невозмутимо продолжала путь.

– Дениза! – звенящий от напряжения голос дернул мое сердце, словно за веревку. Когда же я успела так привязаться к нему?

– Дени!!!

Я не обернулась.

Задуманная нами афера была грандиозной. Я не представляла, что нас ждет, если она не удастся. Даже удивительно, как такой разумный и честный человек, как Дарий поддался на мои уговоры. То ли я была слишком убедительна, то ли у него тоже были подозрения, и он решил разобраться во всем.

– Мой отец всегда знал, что Крей невиновен, – сказал он на нашей первой встрече после того, как я объяснила план. – А если ты права, и на троне действительно сидит марионетка, то мой долг избавить страну от лживого короля.

Идти во дворец мы собрались в первый день весны, ночью. Я впервые видела, как работает Зорг с землей. И это завораживало.

Так как спальню принца охраняли, то вызволять его пришлось через внешнюю стену. Дарий попросил меня отойти, а сам вдруг начал медленно подниматься, словно на платформе. Почва под его ногами вспучилась черным цилиндром, забирая часть земли двора. Я заметила, как сама опустилась на пару дюймов, тогда как Дарий, стоя на небольшом пяточке, поднялся и оказался на уровне второго этажа, напротив окна наследника.

Дотронулся рукой до каменной кладки, и та немного разошлась в стороны. В узкую щель протиснулся Эдвард. Стена сразу же заросла, словно ничего не было. Вместе они опустились на землю. Двор выровнялся. Я ошеломленно покачала головой.

– Пойдем, – прошептал принц, хватая меня за руку, – нужно успеть вернуться к утру.

Я раздвинула металлические прутья забора, и мы направились в сторону ожидающей нас кареты, на которой приехал Дарий. Принц объяснил куда ехать, мы с ним забрались внутрь, Зорг же сел на место кучера.

Ехали недолго. Подземный ход был замаскирован в одной из скал, выходящих на морской берег. Если бы мне показали эту скалу, я бы никогда не нашла входа, так как она была абсолютно монолитной.

– Открывается только на выход, – пояснил принц, – со стороны моря войти нельзя, поэтому и охраны нет.

Дарий подошел и прислонил руку к скале. Что-то прошептал, и незаметный кусок гранита отошел в сторону. Вот и дверь. Впереди чернел длинный жутковатый коридор. Я зажгла предусмотрительно прихваченную лампу, и мы двинулись. Несколько раз нам попадались чугунные решетки, перегораживающие коридор, опять же открывающиеся только на выход. Я просто раздвигала прутья, не собираясь ломать замки. Лишь однажды мы столкнулись с охранниками. Впереди было небольшое расширение коридора, выглянув, мы увидели двух гвардейцев, играющих в карты. Они сидели на стульях, рядом стоял столик с горящей лампой и кое-какой снедью. Была даже узкая походная кровать. Не успела я испугаться, как Дарий потянул нас назад, в темноту. Мы обошли этот участок по дуге, Зорг шел впереди, перед ним земля расходилась в стороны, я следом за ним, почти вплотную. За спиной принца разрыв смыкался. И пусть наш поход вокруг охранников длился всего пять минут, я успела несколько раз попрощаться с жизнью. Никогда не думала, что будет так страшно. Слышать жуткое утробное чавканье сжимающейся земли, вдыхать сырой гнилостный запах, знать, что над нашими головами толща рыхлого грунта, а главное понимать, что от возможности быть похороненным здесь навечно отделяет лишь родовая сила Зорга. А вдруг она исчезнет?

– Хорошо, что мы уже выбрались из скалы, – негромко сказал он, – почву раздвигать проще, чем гранит.

Я облегченно выдохнула только тогда, когда мы опять вернулись в коридор. Еще несколько металлических решеток, и впереди показалась каменная лестница вверх. Я потушила лампу и оставила на нижней ступеньке. При возвращении она нам понадобится.

– Почти на месте, – произнес принц бесцветно. Наверное, ему тоже было страшно, как и мне, но он, как истинный Рем не показывал своих слабостей. – Справа будут несколько пустующих комнат. Пройдем через них.

Я шла вслед за Дарием по темным богато убранным покоем и понимала, что наше посещение не скрыть. Все равно после нас оставался след. Где разорванная по шву ткань обивки стен, где

испорченные деревянные панели. «Нам бы еще Турга сюда, – мысленно улыбнулась, – чтобы уже все было идеально».

– Впереди спальня отца, – прошептал Эдвард.

Мы замерли. Дарий подошел к окну и сделал проход у внешней стены. Узкий, в него мог протиснуться только один человек. Мы гуськом пролезли в королевскую опочивальню и оказались за широкой плотной портьерой.

– Отлично, – одними губами произнес Зорг. – останемся здесь, а вы, ваше высочество, идите и разбудите отца.

Увы, король не спал. Я выглянула и увидела горящую лампу, сидящего за столом мужчину полуоборотом к нам. Он что-то читал и его профиль был точно королевским.

– Кто здесь? – воскликнул мужчина, поднимая голову.

Принц решительно направился к столу.

– Это я, Эдвард.

– Какой еще Эдвард? – голос короля зазвенел раздражением, – стража!

– Отец, это я. Твой сын, Эдвард, – громко произнес наследник, и я вдруг подумала, что не так и была права в своих предположениях на счет поддельного короля. Если он не узнал своего сына, то...

– У меня нет сына! – вдруг закричал король пронзительно.

Меня прошиб холодный пот – только сейчас я вдруг осознала, что нас ждет, если ворвется стража и найдет нас за портьерой. Как минимум тюрьма, а как максимум...

Король вдруг по-детски захныкал и начал раскачиваться в кресле, трясая головой, как безумец.

– У меня нет сына! – запричитал он. – Я сам убил его! Вот кровь, – он протянул Эдварду руки. – Ты видишь? Это кровь моего любимого сыночка.

Я в шоке смотрела в щелочку между стеной и портьерой на дергающегося в припадке мужчину в красно-синем бархатном халате. Лицо Эдварда увидеть не могла, он стоял спиной, но, думаю, он тоже был озадачен.

– Ваше величество, с вами все в порядке? – раздался мужской голос одновременно со стуком.

Скрипнула дверь. Мы с Дарием инстинктивно шарахнулись назад, вжимаясь поясницей в широкий подоконник. Плотная ткань даже не

шелохнулась. Я осмотрелась. Здесь было место еще для человек десяти. Я перестала видеть, но слышала все прекрасно. И безумный бессвязный шепот короля «Я убил сына, моего мальчика», и вопросы телохранителей.

Через минуту в комнате появилось еще одно действующее лицо.

– Что здесь происходит? – голос Велира Хорна я узнаю где угодно. Он что, живет рядом с покоем короля? – Как вы оказались в спальне его величества?

– Я пришел к своему отцу, – произнес надменно Эдвард. Но даже я услышала в его голосе смятение и шок.

– Как вы прошли мимо охраны?

– У меня есть свои методы, – отрезал принц и тут же поинтересовался холодно: – Это вы не разрешали мне увидеться с отцом? Семь лет! Почему?

– Вы не глупый мальчик, ваше высочество, – ответил судья, – думаю, вы уже поняли, почему. – И добавил, повысив голос, – все за дверь!

Послышался топот сапог, щелкнувший замок. Охрана вышла. В спальне остались лишь принц, не прекращающий горестно стенать король, Велир и мы с Дарием за портьерой. Хорн не стал настаивать на том, чтобы Эдвард раскрыл способ проникновения в личные покои короля, наверное, подумал, что тот знает потайной ход.

– Что с ним происходит? – взволнованно произнес принц. – Что за странный бред о том, что отец убил Ромула?

– Это не бред, ваше высочество, – в голосе судьи промелькнула насмешка. Я представила его ехидное лицо, и меня передернуло от отвращения, – король действительно убил старшего сына на охоте. Крей подарил новую парадную саблю. Король, дурачившись, размахивал ею и случайно ткнул Ромулу в живот. Фред стоял рядом, его тоже зацепило.

– И зачем было тогда выдумывать измену, убивать столько народу? – голос принца приблизился, словно он шагнул к окну. – Почему нельзя было рассказать всем правду?

Судья добродушно рассмеялся.

– Вы такой наивный, ваше высочество, – произнес весело. – Правду рассказать? Что было бы со страной, узнай она правду? Безумный король на троне, убивший своего сына?

– Неужели нельзя было придумать что-то другое? – не унимался принц.

И я была ему благодарна за эти вопросы. Они повторяли мои мысли.

– Нельзя, – отрезал Хорн, – король свихнулся, он был весь в крови, плакал и кричал такое, что, если бы кто-нибудь услышал... Счет шел на минуты. Нурв согласился молчать, королева тоже. Один Крей был принципиальным до зубовного скрежета. Сказал, что правда все равно всплывет рано или поздно, – судья хмыкнул. – Семь лет прошло, и ничего не всплыло. Так что, Крей сам подписал себе приговор.

– Мама знала?... – голос принца дрогнул. Он сразу же взял себя в руки и холодно произнес. – Значит, вы не диктатор, вы спаситель?

– Естественно, – самодовольство так и лезло из Хорна. – Представьте, что было бы с королевством, если бы журналисты узнали, кто убил наследника, и что на троне сидит безумец? Помните, что было с вашим предком? Тогда дело чуть не кончилось переворотом. Сейчас все намного хуже. Внешняя политика трещит по швам, на северо-востоке то и дело вспыхивают волнения, они вполне могут перерасти в революцию и еще много всего, о чем вы, ваше высочество, не знаете в силу своего возраста, – слышался звук, словно судья хлопнул в ладоши.

– Кто еще в курсе?

На мгновение в спальне воцарилась тишина. Хорн обдумывал, как много можно сказать принцу?

– Королевский лекарь, канцлер, секретарь, личная охрана, личные слуги, – в конце концов, ответил судья, – и на всех их у меня есть рычаги воздействия.

– Не сомневаюсь, – процедил сквозь зубы Эдвард.

Я за портьерой всей кожей ощущала его гнев, злость, растерянность, словно я сама стояла там, посреди спальни, и разговаривала с этим жутким омерзительным человеком.

– Вы ненавидели Крея? Поэтому выбрали его в жертву?

– Не скажу, что сильно любил этого выскочку, – подтвердил самодовольно Хорн, – но лично для меня все очень удачно сложилось. Крей был серьезно ранен. Он мог и не выкарабкаться. Его роль была

определена, а огромные богатства стали прекрасным дополнением к моему состоянию.

Я изо всех сил вцепилась в подоконник. Какой же негодяй! Думаю, можно было придумать что-нибудь другое, кроме измены. И неизвестно, может быть, мой отец и выздоровел. Я уверена, они даже лекаря не вызывали! Хорн не захотел, увидев в этом прекрасный повод избавиться от папы и заодно получить в любовницы мою маму.

– И что теперь? – голос принца опять отдалился, словно он принялся ходить взад-вперед по комнате.

– Теперь вы будете молчать, – ответил Хорн, – закончите школу, переселитесь во дворец, изучите науку управления государством, женитесь, родите наследника. А когда ваш отец отречется от престола, вы встанете во главе. А может, и нет, – добавил с насмешкой. – Если вы будете не послушным, тогда я стану регентом при вашем ребенке. Кто знает...

Конечно, Велир не мог не дать понять, что именно от его решения все зависит, что он здесь главный. Паяц.

– Мой отец бывает нормальным?

– Да, если при нем не произносить слово сын. Иногда с ним можно поговорить и заставить подписать бумаги.

– Ясно, – прервал Хорна принц.

Находясь в странном оцепенении, я ничего не чувствовала, ни боли, ни холода, ни усталости. Только когда Дарий дотронулся до моей руки, успокаивающе погладив скрюченные пальцы, я едва не зашипела. Сразу все навалилось – дико заныла спина, намертво прижатая к подоконнику, заледенели руки и ноги, кожа покрылась холодным потом, и ее пронзало тысячами острых иголок. Я чуть поменяла позу, отлепившись от стылого камня.

– Даже если моего отца признают безумным и недееспособным, я в любом случае стану королем, – произнес хмуро Эдвард, – а вот вы лишитесь поста.

Слова наследника ничуть не испугали судью, в его голосе по-прежнему звучали властные насмешливые нотки, словно он твердо знал, что принц никогда не выполнит угрозу.

– Вам первому это не выгодно, ваше высочество, – продолжал он дразнить принца, – репутация королевской семьи, итак, шаткая. Скандала ей не пережить. И еще... Сейчас во всем дворце вы не

найдете ни одного гвардейца, который бы не выполнил мой приказ. Подумайте об этом, ваше высочество, и будьте осторожны.

– Вы тоже, – отрезал принц, – если умру я, не оставив наследника, вам тоже недолго осталось править. Прощайте, арий Хорн.

На этой патовой ситуации принц решил закончить. Он вышел из комнаты, следом вышел судья. К стенающему королю подошел лекарь, он что-то бормотал, зазвенело стекло, запахло лекарствами, вскоре и они покинули кабинет. Мы еще немного постояли с Дарием у окна, слушая глухую тишину и тихие невнятные разговоры охранников за дверью.

– Ну что, назад? – прошептала я. Дарий кивнул.

Обратно мы шли тем же путем. Я была раздавлена услышанным, думаю, Зорг тоже был не в себе. Он подвез меня до забора школы, сумбурно попрощался и уехал в глубокой задумчивости. Я добралась до своей комнаты и остаток ночи смотрела на горящие огни Шалира.

С одной стороны, я узнала точно, что мой отец не виновен. Но с другой... Знание об этом не давало никаких преимуществ, оно умрет вместе со мной. Я никому не смогу рассказать, не смогу обелить имя Креев. Хорошо было бы во всем обвинить судью, но увы. Он не причем, он просто воспользовался ситуацией и казнил человека, которого всегда ненавидел.

Следующим утром принц не пришел завтракать. Практики у нас были раздельно, но, когда его не оказалось в столовой и в обед, я заволновалась. Конечно, он мог остаться во дворце, хоть Эдвард и старался не пропускать занятия, но иногда это все же случалось. Следующей шла лекция по естествознанию, и когда я зашла в аудиторию, то увидела наследника сидящим за партой.

– Ты избегаешь меня? – удивленно спросила, усаживаясь рядом и доставая тетрадь. Эдвард поднял голову, и я увидела красные больные глаза.

Не ответив, он порывисто ухватил мою руку и прижался к ней щекой. Его кожа горела.

Я замерла – ни разу на людях принц не показывал своих чувств, должно быть ему действительно худо. Мне до слез стало жаль своего друга – столько на него навалилось. Я собиралась попенять ему на то,

что именно его отец виновен в смерти моего, но сейчас, видя его боль, не смогла. Никто не виноват, а уж тем более Эдвард.

– Зачем пришел на лекцию? – прошептала я. – Пропустил бы, никто бы и не заметил, тем более что нового могут сказать на естествознании?

– Одному в комнате еще хуже.

– Тогда сейчас посидим, – я обернулась на звук открывающейся двери – в класс зашел профессор Гаарон, – а остальное прогуляем?

Эдвард кивнул, нехотя отпуская мою руку. Я незаметно спрятала ее под парту, сжимая и разжимая пальцы, восстанавливая кровообращение.

Мы не пошли в библиотеку, у меня она ассоциировалась с учебой, зубрежкой и немного с Хорном. Я повела Эдварда в сторону моря. Вытащила из забора два прута и согнула что-то наподобие лавочки. Мы сели с внутренней стороны ограждения и уставились на бескрайние просторы. Эдвард взял мою руку и обхватил двумя ладонями, крепко сжимая. Я не стала ее отнимать.

Весна в этот раз была ранняя и очень теплая. Таким бывало лето у Синих гор, и то, если повезет. Ярко светило солнце, разбрасывая на воде радужные блики. Волны как-то лениво, нехотя наплывали на скалу и также неспешно отступали. Был полный штиль и абсолютная незамутненная благодать. Я смотрела вдаль на безбрежную синеву и чувствовала, как уходят все проблемы, обиды, боль. Как душа распрямляет крылья и наполняется живительной энергией.

– Спасибо, – произнес Эдвард тихо, – как раз этого мне и не хватало.

Я улыбнулась, сжав в ответ его пальцы. Говорить не хотелось. Было спокойно и тепло. Никто не тревожил нас, телохранители стояли в отдалении и тоже разглядывали море.

– Мы с матерью не слишком близки, – принц смотрел вдаль, лицо было расслаблено, но ладонь по-прежнему цепко держала мою, – после моего рождения, она решила, что долг королевы выполнен и удалилась в женское крыло дворца. А потом и вовсе уехала в королевскую резиденцию в Толебе.

Я поняла, что принцу нужно выговориться. То, что случилось вчера, зудит, как невскрытый нарыв.

– Отец всегда любил Ромула больше меня, – продолжал он, – я был лишь заменой, не слишком нужной, так, на всякий случай. Ромул был первым во всем. Самый умный, талантливый, справедливый и добрый. Он с детства был рядом с отцом, тот брал его чуть ли не с пяти лет на заседания, встречи с делегациями. В тронном зале для него было предусмотрено маленькое кресло рядом с тронном. Я ни разу на нем не сидел. Когда Ромул вырос, кресло просто убрали за ненадобностью.

Мой бедный друг, заброшенный и никому не нужный. Я помню, каким счастливым и безоблачным было мое детство. Я купалась в любви и обожании, меня баловали всеми возможными способами, а я в ответ бессовестно изводила своими капризами.

– Нет, ты не думай, что я был совсем забыт, – хмыкнул принц, интуитивно уловив мои мысли, – у меня были няньки, гувернеры. Меня хорошо учили, заботились обо мне. Я не голодал.

Я насмешливо приподняла бровь, давая понять, что шутку оценила. Принц зеркально улыбнулся.

– Прости... Я просто хочу объяснить, что потеря Ромула для отца была не просто ударом. Это была катастрофа. Он действительно его любил больше всех на свете. Не знаю, смерть старшего сына стала причиной, или безумие всегда было в нашей крови, а произошедшее на охоте лишь подтолкнуло к нему...

Он немного помолчал и взволнованно произнес так, что я сразу поняла – все, что было до этого, это предисловие:

– Ты же понимаешь, что я не смогу обнародовать то, что мы узнали. Просто не смогу.

Молча кивнула, не в состоянии выдать ни слова. Наверное, повзрослела. Раньше я бы ни за что не позволила оставить виновника безнаказанным, даже если этот виновник сам король.

– Я прошу прощения за своего отца, – принц неотрывно смотрел на меня, а я не в силах встречаться с ним глазами, опустила голову, – и за себя тоже.

– Нет, не нужно, – прервала его, – ты ни в чем не виноват, – и добавила беззвучно, – никто не виноват.

Мы замолчали, Эдвард перевел взгляд на море, я пыталась сдержать слезы. И пусть я думала так же, все-таки было грустно осознавать, что для его высочества благополучие и репутация

королевской семьи важнее правды. Но я ведь не Рем, на моих плечах не лежит обязанность заботиться о процветании страны.

– А ведь у Ромула была жена, – вдруг вспомнила я, – незадолго до смерти наследник женился. Помню, родители что-то обсуждали за столом.

– Да, – кивнул головой Эдвард, – принцесса Лидия из Оккамы. После смерти Ромула она пробыла во дворце ровно столько, сколько было нужно королевскому врачу для определения, ждет она наследника или нет. После она уехала домой, сказав, что здешний климат ей вреден для здоровья.

Разговор опять заглох. Что-то выдумывать было лень, я подняла лицо к солнышку и закрыла глаза. Мы пропустили все сегодняшние лекции. На выходных придется наверстывать прогулы. Но я не жалела. Иногда хотелось забыть о вечной зубрежке и просто наслаждаться бездельем.

– Я думал, что после исчезновения родовой магии все наладилось, но, как оказалось, нет, – сдавалось, наследник разговаривает сам с собой, – я ведь ни разу не видел ни дедушек, ни прадедушек. Род безумных королей до сих пор на троне? Может, давно пора сменить власть?

– Не говори ерунды, – зашипела я рассерженно, поворачиваясь к нему, – никого не знаю достойнее тебя.

– Спасибо, – он сжал мою несчастную плененную руку, – обещаю, что, когда стану королем, верну тебе титул и отнятые земли.

– А вот это было бы очень кстати, – игриво произнесла я, – очень хочется перестать, наконец, считать каждый медяк.

Эдвард тепло улыбнулся. Его глаза заблестели чем-то подозрительным.

– Ты необыкновенная, – хриловатый голос выдавал искреннее волнение, я напряглась, страшась услышать признание, – таких, как ты – единицы. Проходя через сильную боль, ту, которая убивает, человек становится гранитом. Его больше никогда не сломать.

– Значит, я гранит? – кокетливо приподняла бровь. Как же хотелось вернуть наше обычное шутливое, ни к чему не обязывающее общение.

– Ты алмаз, – ответил Эдвард серьезно. – Твердая, негибкая, сильная и прекрасная. Ты сверкаешь так ярко, что ослепляешь.

Сердце тревожно екнуло.

– И я люблю тебя. Люблю уже давно. Люблю так, что болит сердце и рушится мир, когда плохо тебе. Люблю как свою половину, лучшую ее часть... И понимаю, что ничего не могу тебе предложить кроме недостойного места фаворитки.

Не справившись с собой, я опустила голову. Слезы застлали глаза.

– Не плачь, – он поднял мою руку и на секунду прижался к ней губами, – я просто хотел это сказать. Мои слова ни к чему тебя не обязывают. Мы по-прежнему друзья.

Стало чуть легче. В груди отпустило, и я смогла глубоко вздохнуть. Перевела взгляд на море и подставила лицо свежему ветерку. Признание не стало для меня неожиданностью, оно давно вертелось у принца на языке. Я просто боялась, что он потребует ответных чувств, а мне нечего ему сказать. Любовь не подчиняется рассудку и правилам. Я никого не знала достойнее любви, чем Эдвард, но мое сердце молчало. Все-таки странно, один тащит в постель, предлагая стать содержанкой, а я ему даже не нравлюсь. Другой искренне любит, но не хочет видеть меня в любовницах. Какие все-таки разные мужчины.

– Велир прав – мне рано становиться королем, – принц вдруг заговорил сухим бесцветным голосом, я с удивлением на него посмотрела, – я ничего не понимаю в управлении, пусть пока идет, как идет.

– Но это же неправильно! Твой отец недееспособен, Хорн управляет всем! – Возмущение забурлило во мне. Хотелось стукнуть Эдварда чем-нибудь по голове, вдалбливая немного ума.

– Не злись, – он шутливо нахмурил брови, и я поняла, что наследник просто так коряво перевел тему разговора. – Для начала нужно зарекомендовать себя, найти единомышленников, окружить верными союзниками, – принц принялся загибать пальцы.

– Как минимум два магических рода на твоей стороне, – ответила я, подразумевая себя и Зорга, – а это немалая сила.

– Ты права, – кивнул он, – но все равно недостаточно. Зато я понял, в каком направлении действовать дальше.

Принц решительно встал и расправил плечи. Пусть они не были такими широкими, как у Хорна, но все равно выглядело впечатляюще.

Еще несколько часов назад он был раздавлен и унижен, а сейчас я видела перед собой будущего короля.

– Сначала, нужно поговорить с матерью, она все же дочь короля южной Верганы, а я единственный оставшийся ее сын, – он протянул мне руку, терпеливо ожидая, пока я разогну импровизированные скамейки и прикреплю прутья обратно к забору.

– Я еще не так изящно это делаю, – призналась сокрушенно, пытаюсь оправдать кривые скамейки и долгую возню с оградой, – вот мой отец...

– Ты все делаешь замечательно, – отозвался Эдвард, – я всегда восхищался и буду восхищаться твоими умениями. Уверен, через несколько лет ты станешь непревзойденным магом.

– Спасибо, – я ухватила за его локоть, и мы медленно пошли в сторону школы.

Поздно вечером горничная принесла запечатанный конверт от Дария Зорга. В нем была коротенькая записочка: «Что бы не случилось, я на вашей стороне». Я сложила конверт и спрятала в шкатулку с сокровищами. Там уже находились последнее письмо Марты и старая потрепанная шелковая лента от моего детского платья, в котором я была, когда нас выгнали на улицу.

А теперь в сокровищнице лежало еще заверение в дружбе от очень хорошего человека, самого умного, благородного и сильного. А это дорогого стоит.

Весна была в самом разгаре. Оглушительно щебетали птицы, так сильно, что вечером невозможно было уснуть. Жаркое, по-настоящему летнее солнце всю плавало землю. В школьном саду зацвели тюльпаны и нарциссы, и истинным наслаждением было кататься на лошадях по извилистым благоухающим аллеям. Меня давно перестали задирать, а в последнее время я и вовсе заметила, что все разом начали проявлять странное повышенное дружелюбие – посыпались отовсюду почти искренние улыбки, приветствия, радужные комплименты моим успехам в учебе, приглашения попить чаю или поболтать по-соседски.

Конечно, я догадывалась, что дело не во мне, а в постоянном и не проходящем внимании ко мне наследника престола. Я улыбалась в ответ, благодарила и никуда не шла.

Новый директор представился перед студентами, собрав их в общем зале. Арий Натаниэль Бридор мне показался высокомерным и не слишком умным. Его банальные никому не интересные рассуждения об учебе, процветании королевства, о вкладе студентов в технический прогресс и тому подобное вызывали лишь кислую оскомину. Я стояла у стены, одним ухом слушая скучную проповедь, другим – двух высокородных сплетниц-первокурсниц.

– Слышала? Младший Хорн завалил практику. Он не появляется в суде несколько недель.

– Ничего ему не будет, Велир поставит зачет. Это же верховный суд. Хорн там главный.

– Как сказать. Говорят, Торус сильно поссорился с отцом. Из-за многочисленных вечеринок. Даже арий Нурв выразил недовольство будущим зятем. Его разгульным поведением.

– Откуда ты знаешь?

– Моя мать двоюродная сестра арии Аники Нурв. Да и во всех газетах на первых полосах.

– Бедная Оттана, как она терпит?

– Никакая она не бедная, отхватила лучшего в королевстве жениха. Ну и что, что гуляет. Все гуляют.

Ко мне подошел Эдвард, и я отвлеклась от занимательных сплетен.

В фойе при входе всегда лежали свежие газеты, я решила взять и почитать, так сказать, первоисточники. Надеюсь, это обычное любопытство, а не что-то другое.

Статья действительно была грандиозная. Я прочитала от корки до корки описание недавней вечеринки Хорна в столичном особняке, удивляясь, откуда журналисты узнают самые интимные подробности. Такое ощущение, что Торус особо и не прятался, словно выставляясь на показ. Дорогой алкоголь, изысканная кухня и музыка, элитные куртизанки, бурные пьяные драки и сногшибательные аттракционы, фейерверки и бассейн из шампанского. Некоторые моменты заставили меня покраснеть, некоторые недоумевать. Некоторые я и вовсе не поняла.

Удивляло то, что раньше Хорн никогда не позволял себе столь открыто развлекаться. Кто говорил, что это из-за ссоры с отцом, кто – с невестой. Третьи оправдывали Торуса затяжным мальчишником перед

свадьбой. Но абсолютно все поражались, почему лучший студент королевской школы бросил практику и планомерно заваливает зачеты.

В конце статьи была приписка мелким шрифтом о том, что семейство Нурв выражало крайнюю озабоченность происходящим, состоялась встреча главы семьи с верховным судьей, на которой тот просил приструнить сыночка.

Разговаривал старший Хорн с младшим или нет, но вечеринки продолжались с завидной регулярностью. Оттана тоже была на практике во дворце, поэтому в школе не появлялась. Зато ее бывшие верные подружки не ленились злословить в ее адрес. Вспомнили все – и заносчивость, наглость, непомерную гордыню, даже вычурность и показную излишнюю роскошь ее нарядов и драгоценностей. Я еще раз убедилась, что эти двое стоят друг друга, и они будут отличной парой.

После вступления в должность нового директора прошло две недели, я начала замечать изменения. Прибавилось много новых лиц. Охрана сменилась, горничные, кухня и подсобные рабочие – всех наняли новых. В коридорах я встречала студентов в компании с родителями. Однажды мне даже показалось, что я заметила Гехарда в толпе. Неужели, он восстановится в школе и продолжит учебу? Время шло, но в нашей группе никого не прибавилось. Значит, показалось.

Я мысленно радовалась, что судья притих и не пытается со мной встретиться. После похищения прошло более полугода, и Велир не предпринял ни одной новой попытки.

Сглазила.

Вечером того же дня в мою дверь постучал охранник и передал личный приказ ария Велира Хорна незамедлительно явиться в кабинет директора.

От страха помутилось в голове. Первым порывом было забаррикадироваться в комнате и сидеть столько, сколько смогу выдержать. Металла я насобирала достаточно, могу вплавить решетку в дверь и в окно. Но вряд ли меня будут брать штурмом. Велиру достаточно будет подождать несколько дней, и я сама выйду из-за голода. Походив по комнате и немного придя в себя, решила, что лучше поговорить сразу. Мне тоже есть, что ему сказать и чем пригрозить.

– Добрый вечер, вызывали? – герра Милена оставила свой пост вместе с арием Китепом, и за секретарским столом сейчас сидела

другая женщина.

– Проходите в кабинет, вас ждут, – бесстрастно произнесла она, кивнув на закрытую дверь. Я решительно двинулась навстречу неприятностям.

Велир Хорн стоял у окна, опираясь бедром на стол, сложив руки на груди. На его полных губах застыла торжествующая улыбка. Как же мне хотелось стереть ее с его лица.

– Закрой за собой дверь, Дениза, – мягко произнес он, не двинувшись с места. Я выполнила его требование, прошла немного вперед и остановилась напротив, ожидая дальнейших распоряжений.

– Ты сегодня же покинешь школу и поедешь со мной, – неспешно начал говорить он, растягивая слова, – вещи привезут после, если, конечно, у тебя есть что-то ценное.

Я молчала, стараясь обуздать страх и ярость, заморозить все чувства и превратиться в ту самую ледяную статую, о которой говорил младший Хорн.

– Будешь пока жить в моем особняке на окраине Шалира, – продолжал он как ни в чем не бывало, – ты там уже была. Если захочешь, то даже можешь сдать экзамены экстерном, – и добавил со смешком, – видишь, какой я добрый – даю тебе шанс закончить школу. Если будешь послушной, я могу сделать твою жизнь достаточно комфортной и удобной.

Шантаж не заставил себя долго ждать. Что дальше – запугивания?

– Зачем я вам нужна? – поинтересовалась равнодушно. – Не думаю, что у вас есть недостаток в любовниках.

Велир обворожительно улыбнулся. Он чувствовал свою власть надо мной и решил немного поболтать, то ли у него было свободное время, то ли нравились вот такие словесные баталии.

– Ты права, мне не особо нужна неопытная запуганная девица в постели. Даже с твоей красотой и невинностью. Предпочитаю искушенных в этом деле, а тебя еще учить и учить.

– Тогда зачем же? – повторила настойчиво.

– Мне нужен ребенок с магией, – мягко ответил Хорн. Я непонимающе уставилась ему в лицо. – Да, ты не ослышалась. Ты родишь мне магически одаренного сына. Или дочь. Я хочу возродить магический род Хорнов.

Вот я и нашла его слабое место. Недостижимую цель. Мечту. Только вот если у меня родиться маг, то он автоматически станет Креем, магия-то будет моя. Поэтому и не женятся маги на магах, этот закон был принят еще в глубокой древности, из-за того, чтобы магия не пересекалась.

– Вы же знаете закон Рема второго? – скептически поинтересовалась я, – чья магия проявится в ребенке, тот род он и будет носить. Значит, наши дети, если таковые будут, станут Креями.

– Я изменю закон, – Велир самодовольно на меня посмотрел, – король слушается меня во всем, он не откажет в такой малости. А через пару поколений никто уже и не вспомнит о нем. Если наш ребенок будет магом, я сделаю его своим наследником. Найду способ.

– А Торус?

– Он разочаровал меня.

«Конечно, посмел родиться без магии». Разводы не приветствовались в королевстве. Особенно среди богачей. А арии вообще никогда не разводились. Считали ниже своего достоинства повторно идти в храм, предпочитали страдать, живя с опостылевшими супругами. Значит, Хорн допускает возможность поступить попростолудински? Развестись?

– Я женился на Кассандре Фарх с той же целью, – сегодня Велир был какой-то расслабленный, даже приветливый. Он не угрожал, не издевался. То ли решил, что я уже полностью в его власти, то ли голова была занята другими проблемами, но мне почему-то страшно не было. – Тридцать лет назад из всех действующих магических родов подходящего возраста была только она.

Я вспомнила, Фархи повелевают животными. Раньше они поставляли во дворец прекрасных обученных лошадей, до того, как модно стало ездить на паромобилях. Так же в их ведении был королевский зоопарк и цирк, слава о котором гремела на весь мир. Как бы я хотела побывать там хоть разочек. Столько всего о нем писали расчудесного.

– Кассандра оказалась пустышкой, – продолжал Велир, – ни в Торусе, ни в Агате магия не проявилась. А вот ее старшая сестра родила сына с магией.

«Может быть, не Кассандра виновата, а вы? – хотелось спросить мне. – Может, магия не хотела рождаться в той семье, где

главенствовал такой мерзкий и подлый человек? Она не хотела рождаться без любви?»

– И где сейчас ваша жена? – поинтересовалась мрачно.

– В одном из загородных поместий, возится там со своей фермой, в навозе и грязи, – презрительно ответил Велир.

– Хорошо, – ровно произнесла я, – что будет, если и в нашем ребенке магии не обнаружится?

Хорн сжал губы, в глазах мелькнуло что-то странное. Неужели, он даже не рассматривал такой возможности?

– Тогда ты станешь не нужна, – ответил враждебно, – будешь согреть мою постель, пока не надоешь. Ну и работать, конечно, с металлом. Зачем пропадать добру?

– Значит, стану рабыней?

Велир рассмеялся.

– А ты думаешь, если бы ты осталась арией Денизей Крей, богатой, титулованной, знатной, все было бы по-другому?

Я непонимающе смотрела на веселящегося судью.

– Все маги в королевстве рабы, так или иначе. Все трудятся с утра до ночи на благо короля. Твой отец тоже не был исключением. Он работал как проклятый в королевской кузне. Зорг постоянно в разъездах, Фарх не покидает животноводческих ферм, – Велир развел руками, – а ты сама как часто видела отца? По праздникам?

Я задумчиво опустила голову. Он прав. Отец редко появлялся дома, особенно в последнее время. Иногда мама уезжала с ним в столицу, иногда тосковала одна, ожидая его с дальних поездок по горам, где обнаруживали залежи руды. Неужели и моя жизнь пройдет вот так? Стало страшно.

– Ладно, – Велир отлепился от стола и шагнул ко мне, – хватит разговоров, я и так потратил на тебя много времени. Пойдем.

Вот и все – остался последний козырь. С трудом заставив себя оставаться на месте и выглядеть уверенно, произнесла:

– Вы не сможете меня заставить покинуть школу.

Хорн скептически изогнул бровь.

– Я знаю, что король недееспособен, что он убил Ромула, и что именно вы скрыли его преступления, обвинив во всем моего отца.

На лице судьи проступило изумление. Нет, он не испугался, как бы я того не хотела. Он просто удивился.

– У вас такие близкие отношения с наследником? – я не стала опровергать его догадку. Не буду же я рассказывать, как мы втроем пробрались в спальню короля?

– Это ничего не значит, – не дождавшись ответа, продолжил он, – ты же не разрушишь репутацию королевского рода? Рода твоего друга или уже любовника? Эдварду тоже не выгодно раскрывать правду. Он никогда не пойдет на это.

Я молчала, осознавая его правоту.

– А мне лично ничего не угрожает, – фыркнул Хорн весело, – я действовал по приказу короля.

– Сумасшедшего короля!

– А вот это еще стоит доказать, сошел он с ума до убийства или после.

– Вы осудили невиновного!

– Я выполнял прямой приказ короля, – по слогам произнес Хорн, сузив глаза. – Все в королевстве обязаны их выполнять. Ты, кстати, тоже.

Сердце выпрыгивало из груди. Я сжимала и разжимала кулаки, стараясь обуздать гнев. Хорн тоже вышел из его обычного расслабленного состояния. Сейчас он напряженно стоял посреди комнаты и буравил меня настороженным взглядом. В голову пришла нелепая мысль – если он так нервничает, значит, чего-то опасается. Значит, я что-то могу.

– Вы ненавидели моего отца! Вы специально его засудили! Если короля признают недееспособным, все его предыдущие указы отменят, как неправомочные.

Глаза Хорна вспыхнули бешенством. Главное сейчас не перегнуть палку в обвинениях. А то вместо загородного дома окажусь в тюремных стенах. Но, наверное, Хорн вообще не воспринимал меня как равного противника, а как миленькую красивую пустышку. Или он в силу своей должности умел держать себя в руках? Потому что его ярость, мгновенно вспыхнувшая, так же быстро и потухла. Секунда – и его лицо безмятежно и спокойно.

– Ты права, – улыбнулся он, сложив руки на груди, – я ненавидел твоего отца. А знаешь почему? – я отрицательно мотнула головой, все еще не в состоянии прийти в себя от такого быстрого перехода, – не из-

за Эльзы, нет. Твоя мать была приятным бонусом. Из-за того, что он маг, а я нет.

– Да, это зависть, – видя мое непонимание и растерянность, пояснил он, – обычная банальная зависть.

– Зависть? – переспросила недоверчиво.

– Мы с Креем учились в одной школе, – начал рассказывать Велир, – он поступил на первый курс, я уже был на четвертом. И как только он появился в школе, все внимание сразу же перешло на него. До этого момента я был королем школы. Самым красивым, богатым, умным и успешным. Но все переменялось в одно мгновение. Даже моя привлекательность померкла против его волшебного умения обращаться с металлом. Он легко дарил девушкам украшения, сделанные за секунду перед их глазами из обычной серебряной вилки или медной проволоки. Учителя нахваливали способного ученика, мои друзья переметнулись на его сторону, самые красивые и знатные студентки бегали за ним по пятам, привлекая внимание, предлагая себя. Я был забыт.

По мере рассказа, голос Хорна наливался силой. Последняя фраза была и вовсе произнесена ненавидящим злым тоном.

– Закончив школу, я сначала работал помощником своего отца, а через несколько лет стал верховным судьей. Твой отец еще учился в школе, а я уже принимал судьбоносные решения в королевстве, – продолжал он говорить звенящим от ревности голосом, – потом женился на самой выгодной невесте в королевстве – арии Кассандре Фарх, действующей магине. Я был на вершине. Выше меня только король.

Судья замолчал. Его идеально красивое лицо, так похожее на лицо Торуса, застыло в странной гримасе. Почему-то я совершенно перестала его бояться. Раньше он казался мне жутким монстром, всемогущим тираном и палачом. А сейчас я видела перед собой просто слабого человека, который не смог справиться со своей ревностью и завистью. Не сильного талантливого противника, а посредственность, в чьих руках случайно оказалась верховная власть в королевстве.

– И что дальше? – когда молчание грозило перейти все мыслимые пределы, поинтересовалась я.

Хорн очнулся от задумчивости.

– Дальше? – улыбнулся он. – Дальше твой отец опять появился на горизонте. Он закончил школу и сделал то, что от него никто не ожидал.

Я заинтересованно уставилась на судью.

– Женился по любви! – отрывисто бросил Хорн. – Вопреки воле семьи и света взял в жены девушку по своему выбору. Сделал то, чего не могли позволить себе никто из других ариев! И у него родилась ты – наследница с магией!

Судья резко развернулся и принялся раздраженно ходить взад-вперед по комнате.

– Я первым ее заметил. Первым разглядел алмаз среди сотен стекляшек. Первым пригласил ее на танец и первым ей понравился, – Велир лукавил, говоря ранее о том, что моя мама его не слишком интересовала. Сейчас я видела перед собой человека, которого трясло от ревности и злости, и время не излечило его, – она бы полюбила меня! Непременно полюбила бы, я же был самым красивым мужчиной в королевстве. Но после того, как она узнала, что я женат, вмиг охладела.

Может такое быть, что он любил мою маму? Если даже спустя двадцать лет он не может ее забыть?

– Для такой безродной нищенки, какой была Элиза, даже любовница ария была бы ступенькой подняться наверх, – закончил он запальчиво.

– Но в итоге мама стала не любовницей, а женой ария, – не смогла отказать себе в ехидстве я, – а это более почетно, не так-ли?

Велир посмотрел на меня так, что мне захотелось спрятаться. Казалось, что сейчас он меня ударит. Глаза налились кровью, руки сжались в кулаки. Хорн несколько раз вздохнул, беря эмоции под контроль, и насмешливо ответил.

– Ты права. Только вот где сейчас она и ее муж, на которого она меня променяла? Элиза сделала неправильный выбор и умерла.

Мужчина обаятельно улыбнулся.

– Поэтому, делай правильные выводы, девочка. Подобное может произойти и с тобой.

«Непременно сделаю», – подумала грустно. Сердце болезненно ныло. Почему слабый мелочный завистливый человечек смог погубить такую благородную и великую личность, как мой отец? Или ненависть

сильнее доброты? Ложь сильнее правды? А может, бороться со злом можно только теми же методами? На душе стало тоскливо и мутно.

Хорн подхватил меня руку и потащил на выход.

– Хватит разговоров. Надоело.

Мы вышли из кабинета и наткнулись на стоящего посреди приемной Эдварда с телохранителями.

– Какими судьбами, ваше высочество? – раздраженно бросил Хорн, останавливаясь. Я выдернула руку.

– Куда вы ведете мою фаворитку? – холодно поинтересовался наследник, мазнув по моему лицу напряженным взглядом. – Вы не имеете права забирать ее из школы.

– Фаворитку? – удивление судьи было непередаваемым. – Что-то не припомню, чтобы ее представляли ко двору. И договора не видел на своем столе.

– Договор был подписан сегодня утром, завтра он будет передан секретарю на согласование, – голос Эдварда соперничал с ледяной вьюгой, царствующей зимой у нас на севере, – а представить Денизу ко двору я собирался на следующей неделе, на балу в честь шестисотпятидесятилетия правления Ремов.

В приемной воцарилось молчание. Вот и все. Моей репутации конец. Я любовница наследника. Глупо мечтать о том, что я выйду замуж за достойного избранника. С другой стороны – альтернатива жизни с судьей тоже никак не предусматривала замужества. Рядом с Эдвардом я хотя бы защищена от постельных притязаний судьи.

– Отлично, – отмер Хорн, взяв себя в руки, – но вы же помните, ваше высочество, что вам нельзя иметь бастардов. Это один из негласных законов королевской семьи, – он обернулся ко мне и произнес с улыбкой, – так что если ты останешься фавориткой, у тебя никогда не будет детей. Ты согласна загубить свой дар? Свою прекрасную магию?

Я угрюмо молчала, опустив голову. Эдвард подошел и встал рядом, беря меня за руку и переплетая пальцы.

– Пойдем, Дениза, – мягко произнес он, – судье пора во дворец, его ждут дела.

Я покорно позволила увести себя из комнаты. Почему-то хотелось плакать. Каждый разговор с Хорном опустошал душу и мысли,

выматывал до донышка. В ушах стояли последние слова взбешенного мужчины, упустившего свою добычу: «Ничего, Дениза. Я подожду».

Мы шли по коридору жилого крыла в сторону моей комнаты.

– Тебе нужно подписать договор, – тихо произнес Эдвард, склоняясь, – он стандартный, ничего страшного там нет. Я взял его с собой, когда шел в кабинет директора. Как только мне сообщили, что в школу приехал судья, я сразу же все понял.

Взмахом руки открыв замок, я кивком пригласила наследника внутрь. Он вошел и начал с любопытством оглядываться, осматривая металлические поделки на столе и подоконнике, картины на стенах. Телохранители остались за дверью.

– Где нужно подписать? – протянув руку, произнесла я.

Бал по случаю годовщины правления Ремов был одним из главных праздников в году. В середине весны столицу украшали разноцветными фонариками и цветочными гирляндами. Город утопал в зелени. На балкончиках, подоконниках, заборах и столбах вешали яркие подвесные кашпо. Всю эту красоту мне удалось увидеть, когда я решила отправиться в лучший салон за платьем.

Эдвард ничего не хотел слышать о том, что я сама заплачу или куплю у контрабандистов в порту.

– Ты должна быть самой красивой на балу. На тебя будут смотреть все и, увы, оценивать не по твоему уму или достижениям, а по платью и украшениям. Это престиж королевской семьи, и твоя гордость здесь не уместна.

Он был, как всегда, прав. Я немного попрепиралась, но в итоге дала слово посетить указанный салон и записать расходы на счет королевского дворца. Один из телохранителей поехал со мной. Хорошо, что в нем работали профессионалы, и они избавили меня от принятия каких-либо решений, взяв все на себя. Платье, туфли, украшения, будущую прическу, макияж, духи. Мне оставалось только стоять куклой и думать о своем.

Договор я подписала, не глядя. Выхода не было. Один экземпляр остался у меня, другой забрал Эдвард тем же днем переправив его в королевский дворец. Через несколько дней, выкроив свободную минутку, я решила ознакомиться с тем, во что ввязалась, и ужаснулась.

Это стандартный договор? Да это рабский контракт по найму на работу! Где они находят таких девушек, которые умеют все то, что в нем прописано? Хорошо хоть в контракте не упоминается, сколько раз и когда нужно посещать спальню особы королевской крови, иначе у меня бы случилась истерика.

Пройдемся по пунктам. Роскошно выглядеть всегда – с раннего утра и до позднего вечера. Прическа, платье, макияж... Это понятно. Далее – воспитание, этикет, знание и соблюдение всех церемоний, протоколов, религиозных обрядов и прочее. Тоже понятно. Обязанности по организации балов, встреч иностранных делегаций, послов, просителей и так далее. На этом пункте я споткнулась. Одной организовать бал на пятьсот-семьсот персон, а именно столько народу в среднем собирается на обычный ежемесячный королевский бал, не под силу одному человеку, надеюсь, у меня будут помощники.

Ведение денежного учета и проверка бесплатных школ, библиотек, больниц, приютов, находящихся на королевском обеспечении. Я мысленно застонала – только в столице было две общественные библиотеки и пять больниц. Спать когда я буду?

Я еще немного почитала о том, что на время действия договора не должна худеть, толстеть, болеть, заводить детей, порочить свою репутацию недостойными связями, сплетнями, поведением и еще десятком «не должна» в этом ключе.

Отложив договор, я обессиленно упала на кровать и закрыла глаза.

На мои жалобные стенания по поводу своих обязанностей Эдвард добродушно рассмеялся.

– У тебя будет куча помощников, – успокоил он меня, – ты не должна всем заниматься самостоятельно, только руководить.

Он накрыл мою ладонь своей.

– И все это ты будешь делать только тогда, когда я стану во главе престола, не раньше. И до того, как женюсь. Успокойся. Сейчас из этих обязанностей у тебя только хорошо выглядеть и присутствовать со мной на балах. И так, по мелочи. Ты разве не читала сноски?

– До них еще не дошла, – буркнула мрачно, – сознание потеряла еще на третьей странице.

Наследник искренне рассмеялся. Я вообще заметила, что в последнее время у него отличное настроение.

– Все лучше, чем у судьи в рабынях, – проворчала сварливо.

Эдвард сразу же помрачнел.

– Я обязательно что-нибудь придумаю, Хорн не будет править вечно, – произнес он, – я уже начал потихоньку собирать вокруг себя единомышленников. Серьезно поговорил с матерью, она поддержала меня и пообещала со своей стороны поддержку. А она все-таки принцесса иностранного государства. Резкая смена власти действительно сейчас не выгодна королевству. Тут Хорн прав. Но если представится возможность, я буду готов. И ты первая об этом узнаешь.

Да, я знала, что Эдвард предпринимает какие-то шаги. Дарий в письме дал понять, что его отец, старший Зорг, встречался с королевой, и они долго разговаривали. Думаю, и семейство Фарх пойдет за ним, старший был другом моего отца, он даже оплатил лучшего адвоката папе, но это не помогло. Горн – неизвестно. Что-то о них давно не было слышно. Надеюсь, присоединится и род Тургов, умение воздействовать на растения нам бы очень пригодилось. Это магические семьи. А вот другие арии... Тут все не так однозначно. Большинству наплевать на истину. Главное – чтобы им было комфортно. Они пойдут за сильнейшим.

Как бы внутренне ни бахвалилась, не считала себя сильной и смелой, я безумно трусила появиться на балу под руку с принцем как официальная фаворитка. Хотя, как мы не держали все в тайне, новость уже разнеслась по школе. Мне стали открыто кланяться. Почему-то поздравлять.

Не арии, нет. Отпрыски простых семейств бегали за мной, стараясь выделить себя. Поздороваться, первыми открыть дверь в аудиторию или подобрать упавший карандаш.

– Привыкай, – вздохнул наследник, когда особо усердный юноша первокурсник почти что насильно вырвал у меня поднос, чтобы отнести его на раздачу. Я только недоуменно проводила его взглядом.

– Неужели, они думают, что я имею на тебя какое-то влияние?

Эдвард пожал плечами.

– Любимая женщина всегда имеет влияние на мужчину, – произнес беспечно.

– Но я ведь не... – наследник приобнял меня за талию, и я поперхнулась возмущением.

– Давай не будем давать повод для сплетен, – он склонился ко мне ближе и прошептал, – ты моя фаворитка и должна смотреть на меня с обожанием.

Я внимательно посмотрела парню в глаза, отыскивая в них искорку иронии. Ее не было. Тогда я сама шутливо толкнула друга в бок.

– Я и так тебя безмерно обожаю, ваше наглое высочество. Вот посмотришь, не пройдет и года, как я из тебя буду веревки вить.

Эдвард, наконец, рассмеялся. Только смех был не веселым.

– Хотелось бы... – пробормотал он в сторону и подтолкнул меня к выходу из столовой.

Неумолимо приближался бал. О нем говорили все – студенты, преподаватели. Он не был похож на общественные «свадебные» балы, проводимые во дворце каждый месяц. Попасть на него было великой честью, и ее удостаивались немногие. Арии, само собой, априори получали приглашения, а вот простые смертные... – только за выдающиеся заслуги перед страной или королевской семьей.

Эдвард рано утром уехал во дворец, оставив мне одного телохранителя и карету. Я же пообещала провести полдня в салоне, там меня должны были привести в товарный вид. То есть – помыть, одеть, обуть, сделать прическу, накрасить и прочее, прочее. Мне было странно и неприятно чувствовать себя безвольной игрушкой, и почти четыре часа я развлекала себя тем, что сначала лежала в медной ванной с маслами, раздвигала ее, делая больше, меняла форму, глубину, с улыбкой наблюдая за перепуганными девушками. Потом, отдыхая на кушетке с маской на лице, заставила выстроиться в ряд серебряные приборы на кофейном столике и промаршировать вокруг блюда с пирожными. Ну и так, по мелочи.

Невозмутимая, как статуя, герра Бенедикта, хозяйка салона, обслуживающего королевский род, только немного приподнимала бровь, наблюдая за моими шалостями.

– Вы идеальная клиентка, герра Крей, – сказала она чопорно, провожая к карете, – я повидала многое и многих. Эдварду очень повезло.

«А она непроста, – подумала я, – если имеет право называть наследника по имени».

Когда меня одевали в платье, я почти не смотрела на себя в зеркало, зеркалами были десятки помощниц и сама хозяйка. Прическу и макияж делали, когда я сидела, укутанная в банный халат, и дремала. Сейчас же, направляясь в карете во дворец, я принялась внимательно осматривать творение лучших модельеров столицы, так как заняться более было нечем.

Платье было шелковым, нежного персикового цвета, простого ровного кроя, с неглубоким скромным вырезом. На первый взгляд ничего особенного. Но если приглядеться. Дорогая ткань мерцала и переливалась даже в полутемной карете. Лунными бликами с ней перемигивались мелкие бриллианты на шее и запястьях.

Мои не слишком ухоженные руки с коротко обрезанными ногтями, не мудрствуя затянули в высокие, по предплечье, перчатки. Колец не было. Только, по-моему, что-то воткнули в прическу, так как голове было неудобно. Надеюсь, не слишком вычурное, весь мой вид выражал – скромность, легкость, невинность и чистоту. Думаю, это и было задумкой герры Бенедикты.

У одного из задних входов дворца карету встретила делегация из трех дам.

– Мы проводим вас в ваши покои, герра Крей, – поклонившись, произнесла старшая из них, – до бала еще час. Позвольте представиться. Я – герра Моника Вилара, это – герра Узурпина и герра Динара. Мы ваши компаньонки.

Я коротко поклонилась, стараясь ничему не удивляться и ничего не спрашивать. Зачем мне столько помощниц? Чем они будут заниматься, если я планирую жить в школе? Какие еще покои?

Эдвард ничего о них не говорил.

Апартаменты располагались в гостевом крыле, на втором этаже и занимали пять комнат. Гостиная, кабинет, спальня, ванная комната и гардеробная, которая по размерам была даже больше спальни.

– Его высочество принц Эдвард зайдет за вами за пять минут до начала бала, – произнесла герра Вилара, направляясь к выходу.

Я аккуратно присела на кушетку, стараясь не помять платье. Хотелось вытянуть ноги, откинуться на спину, закрыть глаза и заснуть, желательно на сутки. Последние дни вымотали до предела.

«Нет, не дни, – усмехнулась мысленно, – года». Где та беззаботная легкость, которая меня окружала в детстве и юности? Я шла куда

хотела и делала, что хотела. Мы были бедны с Мартой, но, по крайней мере, сами строили свою жизнь. Или свобода привилегия простоллюдинов? Переступив порог школы, я боролась. Три года вечной непрекращающейся зубрежки, муштры, манер, этикета, бесконечные войны за место под солнцем. Я контролировала каждый свой шаг, каждое слово, взгляд и поступок, редко позволяя себе плакать или проявлять слабость.

И сейчас слабости нет места.

Впереди тяжелый выматывающий прием. Я должна быть рядом с наследником, оттенять его своей красотой, показать всему свету, что он лучший будущий правитель, раз рядом с ним самая красивая, умная и воспитанная женщина. Что-то подобное нам говорили на лекциях по домоводству. Женщин в высшем свете оценивают по красоте, платью, украшениям, изысканным манерам. Мужчин – по богатству, родовитости и... женщине рядом с ним. Смешно. Как по мне, то всех нужно оценивать прежде всего по уму, но ум не упоминался в лекциях профессора Нараны.

Я встала и подошла к огромному зеркалу в гостиной. Сердце болезненно дернулось. В зеркале отразилась мама. Такая, какой я ее помнила в самые счастливые периоды ее жизни. Она была похожа на молодую богиню, сошедшую с небес.

Чистая гладкая кожа в тусклом свете ночника на мой вкус была бледновата. Не удивительно – солнца я не видела давно. Непонятного оттенка волосы сейчас отливали медью и золотом, их убрали наверх в сложную прическу и закрепили заколками с крошечными алмазами. Мнимое скромное платье красиво переливалось, облекая тоненькую, почти воздушную фигуру, приоткрывая лишь небольшой кусочек груди.

– Вот, что видят все вокруг, – прошептала я заворуженно, отмечая, что так нелюбимые мной брови, крупный рот, острые скулы куда-то делись, преобразившись в гармоничное, идеально прекрасное лицо. Даже я не смогла бы сейчас найти в нем изъяна, как я не могла найти изъян в лице мамы.

– Дени! Ты где? – в гостиной раздался голос Эдварда. Я поспешила ему навстречу.

Наследник был затянут в темно-синий, почти черный костюм, что делало его еще более худым, чем он был на самом деле. Губы крепко

сжаты, брови нахмурены так сильно, что в межбровье обозначилась вертикальная морщинка. Он стоял истуканом, пока я не подошла ближе и не провела указательным пальцем по лбу, разглаживая ее. Лишь тогда он отмер.

– Как же ты прекрасна... – прошептал благоговейно мой друг.

Я с улыбкой подхватила его под локоть, прерывая возможные признания.

– Идем, покажем им всем, кто здесь лучший король, – и потащила за собой в коридор. Куда дальше идти, не представляла, но в коридоре нас уже ждали двое телохранителей и немолодой мужчина в парадном камзоле.

С почетным эскортом мы немного поплутали по коридорам дворца, пока не выбрались на широкую мраморную лестницу, укрытую сине-красным ковром.

– Мы должны войти в зал со стороны королевских покоев, – словно извиняясь произнес Эдвард.

– Здесь легко заблудиться.

– Не переживай, – ответил он шепотом, – одна ты ходить не будешь.

Я тяжело вздохнула, представив длинную вереницу свиты за своими плечами, и ступила на первую ступеньку. Бальный зал был огромен. Увы, это слово не могло передать все величие и грандиозность сооружения. Очевидно, что при строительстве приложили свои таланты не только Зорг и Горн, возможно, и другие маги, чьи умения давно пропали. Потому что обычным людям построить такое было не под силу. «Не только зал, – мысленно вздохнула я, – но и весь дворец». На лекциях нам рассказывали, когда и как он был основан. Тогда шестьсот лет назад, когда началось строительство, не было ни Шалира, ни Альтеи в их теперешнем виде. Был один дворец. После он оброс различными зданиями, усадьбами богатеев, соборами, площадями, садами и аллеями. Столица разрасталась и вскоре стала крупнейшим городом в стране, но даже сейчас, когда в ней живет огромное количество народа, дворец является самым большим сооружением, и занимает почти пятую часть всей территории Шалира.

«Город в городе», – подумала я, пытаюсь рассмотреть необычные рисунки на теряющемся в вышине куполе. Изящные тонкие колонны

поддерживали свод. Гости поражались, как хрупкий розовый мрамор может выдержать такой вес. Но я-то знала, что внутри колон находятся чугунные стержни, вставленные туда моими предками.

Визуально зал был разделен на три зоны. Первая, приближенная к королевскому крылу, предназначалась для семьи Ремов и привилегированной аристократии. Вторая, расположенная в центре, для высших чиновников, военных, самых богатых и влиятельных промышленников, землевладельцев. Третья – для всех остальных. Я была удивлена, заметив в каждой зоне отдельные залы для танцев с сидящими на балконах музыкантами.

– Разве музыка не смешивается? – поинтересовалась я у принца тихонько.

– Нет, – ответил он, – зал сооружен таким образом, что звуки гасятся.

Король сидел на троне со стороны «королевской лестницы». Одетый в синий с красным бархат цвета королевского рода, он был болезненно бледен и худ. Особенно это было заметно сейчас, под ярким светом сотен светильников.

Его окружали гвардейцы, не давая никому приблизиться. Иногда он кивал, но в основном сидел с застывшей маской на породистом худощавом лице, так похожем на лицо Эдварда. Рядом с ним в кресле сидела королева в пурпурном платье, невысокая, немного полноватая. Немного поодаль стоял величественный и прекрасный Велир Хорн и приветствовал прибывающих вместо короля, когда тот их игнорировал.

– Его высочество принц арий Эдуард Харви Рем и герра Дениза Крей, – громко объявил церемониймейстер.

Мы подошли и поклонились королю. Узнал он сына или нет – Рем пятнадцатый важно кивнул. А может, повлиял толчок в бок от жены. Мы двинулись дальше и встали слева от королевы. Она мельком оглядела меня с ног до головы. На лице ничего не отразилось.

В ушах шумело, сердце грохотало так, что было тяжело вздохнуть. Я смотрела прямо перед собой, не отвлекаясь на сотни впившихся в меня взглядов, повторяя мысленно: «Манеры, этикет, воспитание. Три кита, на которых держится свет».

Эдвард сжал мою дрожащую руку.

– Вот и все, – шепнул он, – самое страшное позади.

– Не верю, – позволила себе усомниться, – я читала протокол. А память у меня хорошая.

– Иногда это вредит, – хмыкнул он и, словно извиняясь, добавил, – ну может еще несколько танцев, пару важных знакомств и точно все.

Я скептически улыбнулась. Ну да, ну да. Не сложно было понять, что, подписав договор, я превратилась, если не в фаворитку в прямом понимании этого слова, то в безвольную марионетку дворца. Все мы были заложниками условностей. И Эдвард, и мой отец, и даже великий ужасный Велир Хорн.

Пусть он бахвалился своей властью и жестокостью, он, как и все, преклонялся перед королевским родом. И никогда не смог бы пойти на прямой конфликт с Эдвардом. Даже я замечала за собой странность – всегда во всех действиях я находила наследнику оправдания и старалась принимать его сторону. Или это было остаточное наследие королевской магии или что-то другое, не знаю.

Я смотрела на вереницу благородных ариев, иностранных дипломатов, знаменитых военачальников и ни на ком не задерживала взгляд. У меня хорошо получается смотреть сквозь всех, в школе научилась. Тепло улыбнулась лишь чете старших Зоргов, Дария с Сорти с ними не было, и сгорбленной старушке представленной церемониймейстером арией Динарой Китеп.

– Арий Торус Юлий Хорн и ария Оттана Гариетта Нурв! – я присмотрелась.

К трону подошли будущие молодожены. До их свадьбы оставалось совсем немного. Меньше месяца. Оттана сияла, Торус на ее фоне проигрывал землистым цветом лица и мешками под глазами. Но все равно оставался самым красивым мужчиной в этом зале. Его глаза вспыхнули, встретившись с моими. Я сразу же их отвела, склоняя голову к Эдварду.

– Я не дам ему к тебе приблизиться, – произнес тихонько он.

Я благодарно сжала локоть принца. Наверное, он о чем-то догадывался. У него были рычаги, власть и способы разузнать все, что угодно. И я была благодарна другу, что он никогда ни о чем не спрашивал, потому что у меня не было ответов.

Через достаточно долгое время очередь из желающих засвидетельствовать почтение королю иссякла. Остальные – богатые

торговцы и чиновники не были удостоены этой чести. И слава богам, так как представление могло затянуться до ночи.

– Мы с тобой открываем бал, – протянув руку в приглашении, произнес Эдвард, – мама не будет танцевать, как и отец...

– Я поняла, – присела в коротком реверансе, склоняя голову под идеальным углом. Так, как нас учила герра Лидира.

То, с каким лицом король сидел на троне, наводило на мысль, что он или смертельно болен, или накачан успокоительным. Зная его тайну, я бы предположила второе.

Мы танцевали. И все было идеально. Убранство, музыка, наши слаженные движения, более чем неброские, по сравнению с другими, наряды и украшения. Мы демонстрировали с принцем безупречный вкус, сдержанность и благопристойность. Те, в чьих руках сосредоточена огромная власть и богатство, должны давать пример скромности. Хотя... Не знаю, как у принца, но мое платье стоило больше, чем любое другое в зале. И знающие люди это заметили.

– Ты сама красивая девушка на балу, – Эдвард не отрывал от меня взгляд весь танец. Его глаза блестели от восхищения и еще чего-то, что я отказывалась называть.

– И как же вы успели, ваше глазастое высочество, разглядеть всех девушек? Приглашенных более тысячи!

– Я и не разглядывал, – улыбнулся он, – мне это не нужно.

Принц отпустил мою руку, я грациозно изогнулась в заключительном па, прозвучал последний аккорд. Эдвард глубоко поклонился и поднял меня из книксена. Мы направились на свое место рядом с тронном. Поклонились королеве. Та махнула рукой, открывая танцевальный вечер всем желающим. Заиграла музыка, и несколько пар направились в центр.

– Сейчас мы должны обойти иностранных дипломатов, это недолго, их всего пятеро. Потом к нам будут подходить те арии, которые хотят засвидетельствовать почтение тебе и мне.

– Думаю, их будет немного, – ответила небрежно.

Протокол я прочитала еще неделю назад. По плану бал продолжался до глубокой ночи, но после того, как уйдет королевская чета, а уходила она не позже, чем в полночь, а иногда и раньше, приглашенные могут расходиться. Очень надеюсь, что мы с Эдвардом будем в первых рядах.

– Добрый вечер, рады приветствовать вас в Альтее, – мы подошли к послу южной Варганы, родины королевы. Рядом с ним находились его жена и дочь.

– Герра Анна, герра Оли, – мы одновременно присели в реверансах.

Мужчина пожали друг другу руки. Я знала имена всех значимых личностей на балу, мне пришлось их заучить вместе с протоколом.

– Герра Оли, я поздравляю вас с совершеннолетием, кажется, вы отметили его на прошлой неделе, – в Вергане совершеннолетие отмечали в пятнадцать, девушка зарделась от смущения.

– Благодарю, герра Крей, – пролепетала она и присела в реверансе.

Радовало то, что кроме этой незначительной детали традиции в наших государствах почти не различались. Мы же были соседями.

Эдвард с дипломатом разговаривали о пиратах, заполонивших моря, о сопровождении, которое должны выделять наши страны для охраны торговых судов, что плохо сказывается на цене товара.

– Нужно раз и навсегда разобраться с этим бедствием, я разговаривал с королем, он согласен выделить десяток военных кораблей из королевского флота, – закончил герр Лион. – Мы со своей стороны обязуемся предоставить пять.

Разговор заглох.

– Я слышала, у вас ожидается богатый урожай пряностей, – произнесла я мягким тоном, припоминая, что южная Варгана была самым большим поставщиком экзотики в нашу страну. – Благоприятная погода, много солнца, отсутствие нашествий саранчи в этом году.

Посол важно кивнул, внимательно посмотрев на меня.

– Конечно, мы уже перезаключаем контракты и собираемся снизить цену на большинство позиций.

– Надеюсь, что так любимые мной ванильные корзинки с кремом из кондитерской на площади Шалира будут доступны не только узкому кругу лиц.

– Вам тоже они нравятся?! – воскликнула девушка и тут же смущенно потупилась после того, как на нее шикнула мать. Я с улыбкой кивнула Оли.

– Они восхитительны, – и добавила со смешком, – мне по секрету сказали, что в них используют самую дорогую натуральную ваниль, привезенную из Бакары.

Бакара была небольшой областью высокогорного плато южной Верганы. Конечно, никто мне ничего не говорил, обо всем я узнала из рекламного буклета, напечатанного в столичной газете. Что было, кстати, так как девушка сейчас на меня смотрела с искренней симпатией, словно они и те же кулинарные предпочтения сделали нас лучшими подругами.

По протоколу мы обязаны были разговаривать с каждым не менее двадцати минут. Они прошли. Эдвард по-военному поклонился, а посол, поцеловав мою руку, заверил, что лично привезет мне мешочек натуральной ванили из Бакары.

Так мы и ходили от одного посла к другому. Знания, вбитые в нас за три года обучения в школе, здорово пригодились.

– Ваше высочество, рядом с вами великолепная спутница, красивейшая женщина из всех, кого я видел, – в Грандии не принято обращаться напрямую к девушке, даже если кто-то хочет сделать ей комплимент, обращаются к спутнику. Их жены и дочери всегда стоят за мужчинами, и я сделала незаметный шаг назад, вставая за плечом принца. И да, рта они первыми не раскрывают, пока спутник не позволит.

– В Шалире в середине лета пройдет выставка породистых лошадей, – произнес невозмутимо Эдвард, – говорят, у вас великолепная конюшня и есть истинно уникальные экземпляры, привезенные из дальних стран.

Еще мы знали, что в Грандии не положено благодарить за очевидные вещи, и сменой темы принц дал понять, что одобряет комплимент мне.

Как хорошо, что мы прилежно учились!

– Не знаю, как долго король позволит находиться в вашей чудесной стране, – посол так же не обратил внимания на похвалу принца, тем самым давая понять, что лошади у него действительно редкие.

– Герра Дениза отличная наездница, – Эдвард развернулся в мою сторону, намереваясь включить меня в разговор, – твоя же каурая из Грандии?

Конечно, принц знал, что у меня нет и не было своего выезда, но я поняла его с полуслова и включилась в игру, демонстрируя прекрасные знания о лошадях, их разведении, тренировках. Посол был знатным лошадиником, и мы с ним проговорили почти полчаса.

– Я могу пригласить вашу спутницу на третий вальс? – обратился он к Эдварду.

– Конечно. Герра Дениза с удовольствием примет ваше приглашение, – ответил за меня принц, а я в очередной раз подивилась бесправному положению женщин в Грандии.

Его высочество проводил меня назад, к трону. Королева, наконец, встала с кресла и прохаживалась среди знакомых. Король по-прежнему сидел истуканом. Только в его руке я заметила бокал с напитком. Наверняка, опять успокоительное.

– Ты хоть намекни, когда будет этот третий вальс, в протоколе было написано лишь о том, что их семь, – устало произнесла я, пренебрегая этикетом вцепившись за руку Эдварда, повиснув на ней.

Разговор с пятью послами вымотал. У каждого были свои обычаи, традиции. Нужно было запомнить не только их имена и имена их близких, но и хобби, увлечения, культуру, условности каждого государства. Больше всего я боялась что-то перепутать. Ноги, обутые в новые туфли, пусть и на низком каблуке, нещадно болели. А присесть мне никто не предлагал, да и негде было.

А еще спину постоянно жег упорный сердитый взгляд. Всего один раз я обернулась и сразу же дала себе слово больше никогда так не делать. Смотреть на накачивающего себя спиртным Торуса Хорна не было никакого желания.

Я пила лишь сок, Эдвард вообще отказался от всего, что приносили слуги.

Незнакомые и знакомые лица сменяли друг друга. К нам подходили арии со своими отпрысками, в некоторых из них я узнавала студентов школы. Еще вчерашние недоброжелатели улыбались и заверяли в вечной дружбе. Старшее поколение уверяло, что я очень похожа на свою мать, первую красавицу королевства. Вспоминали, что учились с моим отцом на одном курсе.

«Где же вы были?! – хотелось крикнуть мне. – Где вы были, когда отца вели на казнь, когда умирала от горя моя мама? Когда я бегала по

холодным улицам, ища пристанища? Где вы были, когда нам с Мартой приходилось голодать и считать каждый медяк?»

Но я просто мило улыбалась и принимала комплименты.

– Эта наука называется лицемерием, – склонившись к моему уху, прошептал Эдвард, и я в очередной раз поразилась, как хорошо он меня понимает, – ее тоже нужно выучить назубок.

Бал запомнился бесконечной чередой знакомств, лицемерных улыбок, напряжения и нервозности. Я даже не смогла насладиться теми несколькими танцами, которые успела потанцевать. С послем Грандии мы не разговаривали, он не мог по этикету ко мне обращаться, я тоже. Удивительно было то, что он вообще меня пригласил. Я читала, что танцы в его стране не считались приятным времяпровождением.

С Велиром Хорном, которому я не могла отказать, был не танец, а мука. Меня передергивало от омерзения каждый раз, когда он дотрагивался до меня.

– Ты зря отказалась от моего предложения Дениза, – прошептал он мне на ухо при первом сближении, – ты еще пожалеешь о своем выборе.

Я вопросительно изогнула бровь, стараясь держаться невозмутимо.

– Если со мной ты еще имела хоть какую-то возможность стать свободной и самостоятельной, то с Ремами такой возможности не будет вовсе. Они не отпустят тебя никогда.

– Я не верю вам, – успела произнести перед расхождением. Некоторое время мы танцевали отдельно, с другими партнерами. И вот снова я перед судьей.

– Поверь, – шепнул Велир, беря за руку и на мгновение пылко прижимая меня к своей груди. Я инстинктивно отшатнулась, сбившись с такта, – я во дворце всю жизнь и знаю, что говорю. Ремы самые жадные существа на свете. Они не дадут тебе свободы.

Танец закончился. Выбросив слова Хорна из головы, я поспешила к Эдварду.

– Мне нужно ненадолго уйти, – принц взял мою руку и поцеловал тыльную сторону, – провожу отца в его покои, заодно поговорю с мамой.

– Конечно, ваше высочество, – кивнула я, – буду ждать с нетерпением.

На людях было не принято называть друг друга на ты или по именам, а рядом с нами стояла Динария Китеп. Старушка подошла очень вовремя, меня уже корбило от фальшивого дружелюбия, излучаемого всеми вокруг. Хотелось чего-то настоящего, доброго, искреннего.

– Мне о вас столько хорошего рассказывал покойный муж, – произнесла она мягким тоном. Я удивленно распахнула глаза – с бывшим директором школы я почти не общались. Она скрипуче негромко рассмеялась и похлопала меня по руке.

– Он хорошо знал всех своих студентов. Кто как учится, кто чем занимается. У нас нет своих детей, ученики были его детьми. О вас всегда отзывался как о добросовестной, порядочной и упорной ученице. А еще умной и красивой девушке. Вижу, он не обманул меня.

– Вы не осуждаете? – я запнулась, не зная, что сказать дальше.

– То, что вы стали фавориткой? – быстро сообразила ария. – Конечно, нет.

Я с облегчением выдохнула. В глазах старушки сверкала истинная симпатия. Она была как бальзам на мою израненную душу.

– Я же вижу, как смотрит на вас Эдвард, – продолжила она, – и все видят. Мальчику нужна такая, как вы. На самом деле он очень одинок.

– Спасибо, – в горле запершило. Нужно взять себя в руки, а то могу расплакаться от одного доброго слова. Или усталость дает о себе знать? В голове мутилось, пальцы дрожали, словно я заболела. Я и не предполагала, как тяжело мне дался этот бал.

На огромных часах было без четверти полночь. Еще час два или два...

– Могу я вас пригласить на следующий танец, герра Крей? – сердце ударилось о ребра, плечи напряглись, я медленно нехотя обернулась, нацепив маску безразличия.

– Извините, я не танцую, – холодно ответила, присев в коротком поклоне.

– Отказы не принимаются, – фыркнул Торус, крепко схватил меня за руку и потащил в зал. Я беспомощно встретила глазами с арией Китеп. Та озадаченно нахмурилась.

Хорн был пьян. Он путал па, путался в разворотах и пируэтах. Однажды мы чуть не упали, я едва смогла выпрямиться. Я хорошо

чувствую музыку, наверное, из-за этого вовремя реагировала, когда нужно отклоняться от кавалера, чтобы он не наступил мне на ногу.

Подобного позора я давно не переживала. Как могла нивелировала его пьяные замашки, мысленно уговаривая музыкантов скорее закончить танец. Но и после его окончания Хорн не отпустил. Он крепко держал мою руку, уводя на балкон. Я с ужасом оглянулась, ища глазами Эдварда. Его не заметила, зато заметила десятки горящих, жадных до сенсации взглядов. Вырываться и кричать было бессмысленно, только еще больше привлеку внимание.

– Прочь! – рявкнул Хорн молодой парочке, стоящей у балюстрады. Те испуганно шарахнулись в темноту. Я попыталась выдернуть руку – ничего не вышло, пусть он был пьян, но силы в нем не уменьшилось.

– Что вам нужно, арий Хорн? – произнесла как можно холоднее, глядя в налитые кровью глаза. – Если вы хотите испортить мою репутацию, можете не стараться, у меня ее и так нет.

– Одно слово! – хрипло воскликнул он, еще сильнее сжимая руку, расплющивая ее в своих ладонях. – Одно слово, Дени, и я откажусь от свадьбы!

Я оцепенела. Сердце заколотилось где-то в горле.

На секунду я вообразила...

– Скажи, что будешь моей. Одно слово, и я... – он вдруг закашлялся, лицо пошло красными пятнами, и я внезапно увидела перед собой не высокородного ария, лучшего студента школы, благородного рыцаря, спасшего меня, а вдребезги пьяное ничего не соображающее ничтожество. Стало противно, больно и гадко. Словно я чего-то ожидала, а он не оправдал моих надежд. Потрепанный, с перегаром, который не мог перебить и сильный парфюм, едва стоящий на ногах, он был жалок. Даже его слова. Я усмехнулась. Он завтра не вспомнит, что говорил. А мое сердце дрогнуло от его слов. Глупое.

– О чем вы, арий Хорн? – я, наконец, вырвала руку и отошла дальше. – Вы с Оттаной Нурв прекрасная пара. Она вам очень подходит.

Хорн растеряно смотрел на меня, морщил лоб и, казалось, не понимал ни слова. Потом в его затуманенной хмелем голове начало проясняться, и он сообразил, что ему отказали. Опять.

Ноздри затрепетали от гнева. Он стремительно шагнул в мою сторону, но закачавшись, ухватился за перила. Я насмешливо скривила губы.

– Ты! Холодная с... У тебя вместо сердца – кусок льда! – визгливый голос ария звенел безумием. Лицо исказилось, и сейчас никто бы не назвал его красивым. «Неужели опять придется раскалять пуговицы?» – тоскливо подумала я, отступая еще дальше.

– Что здесь происходит? – слава богам, Эдвард. От облегчения подкосились ноги, и я ухватилась за колонну, чтобы не упасть. С ним были телохранители.

– А! Это ты! – Хорн развернулся к наследнику. – Думаешь, победил? Думаешь, она твоя?

Эдвард быстро подошел ко мне, кивнув в сторону Хорна. Телохранители все поняли с полуслова, подхватили того за руки и увели в темноту сада через неприметную калитку. Хорн вырывался, что-то кричал, грозил, бранился. Его голос все удалялся и в результате затих.

– Испугалась?

– Только в конце, – глубоко выдохнула, – в конце его совсем повело.

– Что он хотел?

– Да так... нес всякий бред.

– Идиот, – резюмировал Эдвард. Я согласно кивнула и взяла его под руку. Мы направились в зал.

– Ария Китеп была обеспокоена, и послала слуг разыскать меня. Очень вовремя. Подаришь еще один танец?

– Конечно, ваше высочество, – нужно продолжать веселиться, держать лицо, улыбаться гостям. Но внутри что-то тоскливо ныло и скулило. Чувство, которое я не могла идентифицировать. Печаль? Сочувствие? Сожаление?

Мы ушли с бала почти последними, Велир пропал вслед за сыном, королева исчезла после полуночи, нам пришлось остаться за главных. Глубокой ночью смазались ранги и иерархии. Арии, торговцы перемешались. Или сказалось огромное количество выпитого гостями шампанского? Ко мне даже подошла Фани со своим мужем и отцом, чтобы засвидетельствовать почтение. Ни слова не было сказано о

травле в школе, зато о том, что она жила со мной по соседству, и мы с ней вместе обедали, припоминала ежеминутно.

Да. Тяжелая наука – лицемерие.

Эдвард проводил меня в мои апартаменты в четыре утра. Спать не хотелось, усталость обволакивала теплым пушистым коконом, приглушая звуки и чувства. Я была словно пьяная, хоть не выпила ни грамма спиртного.

Наследник зашел вслед за мной, оставив телохранителей за дверью. Я вопросительно обернулась.

– Ты же моя фаворитка, – произнес Эдвард, и я заметила искорку смущения в его глазах.

– Фиктивная... – поправила его.

– Но об этом знаем только мы, – я перевела взгляд на дверь, за которой осталась его свита.

– Даже самый взыскательный сплетник не подумает, что после такого выматывающего многочасового бала мы будем способны на постельные подвиги, – криво улыбнулась и показательно зевнула, прикрыв ладошкой рот.

– Не переживай, – выдохнул устало принц, садясь в кресло, – немного посижу и уйду.

Кивнув, я подошла к кушетке напротив и, наконец, вытянула гудящие ноги. Ссориться не хотелось, но лучше сразу расставить точки. Я по-прежнему воспринимала Эдварда как своего друга, но он, увы, относился ко мне не так, как к подруге. Он стал более смелым и настойчивым. Часто обнимал меня за талию, чего не позволял себе делать в школе, склонялся к моей щеке, словно собираясь поцеловать. Это тревожило. Он расширял границы допустимого, проверяя как много я могу ему позволить.

– Ты очень понравилась маме, – я вынырнула из полусонной тишины.

– Странно, – отозвалась тихо, – она это никак не показала. Я не заметила на ее лице ни капли эмоций.

– Она настоящая королева и науку держать эмоции под контролем освоила в совершенстве, – Эдвард невесело рассмеялся. – Она меня часто укоряет, что по моему лицу можно прочесть все, что угодно. Это очень плохо для дипломатии.

– Зато хорошо для жизни. Я пугаюсь, когда ты приезжаешь из дворца с застывшей маской вместо лица. Мне хочется тебя тормошить и трясти, пока не придешь в себя.

– С тобой я не могу сдерживать эмоции, – голос Эдварда странно звучал, и я открыла глаза, чтобы посмотреть, что с ним случилось, – ты плохо на меня влияешь, Дениза Крей. Очень плохо.

Я не понимала, шутит он или говорит серьезно.

– Когда меня не будет рядом, ты окончательно превратишься в ледяную статую, и некому будет тебя приводить в чувство.

Эдвард настороженно подобрался и сел ровнее. Брови сошлись на переносице.

– Ты собираешься меня бросить? – напряжение разлилось по комнате.

На мгновение я растерялась, не зная, что сказать.

– Но ведь наш договор не навсегда? – сонливость слетела, словно ее и не было. – Ты станешь королем, Велир не будет править вечно. Я же смогу покинуть дворец и заниматься своими делами?

Эдвард вдруг резко встал и принялся нервно прохаживаться по комнате.

– Как ты думаешь, куда ты отправишься после окончания школы? – я неуверенно пожала плечами. – Где будешь применять те огромные знания, которые получила там? Работая в провинциальной кузне? – мой близкий и родной Эдвард вдруг превратился в незнакомца. Холодного, расчетливого манипулятора. – Лучшая студентка школы слишком ценный приз, чтобы исчезнуть с горизонта, выйти замуж и рожать детей в глухомани. Ты будешь здесь, во дворце, рядом со мной.

«Всегда», – едва не слетело с его языка, но он вовремя замолчал. Но и сказанные слова заставили меня напрячься. Что-то подобное говорил судья. И Арий Китеп, уже, к сожалению, покойный. Я что, буду вечной рабыней королевского дворца? Без личной жизни, свободного времени, независимости?

– Ты маг, один из немногих, которые остались в нашем государстве, – продолжил наследник, – я не могу тебя так просто отпустить.

– А магу полагается личная жизнь? У меня будут дети? – мой голос наливался раздражением. – Королевству же нужны наследники с

магией? Род Креев должен продолжиться. Не так ли?

Эдвард судорожно сглотнул и отвернулся, словно не мог больше на меня смотреть.

– Должен, – буркнул он в сторону. И через время глухо произнес: – Давай пока не будем обсуждать твоё замужество и будущих детей. Конечно, они у тебя будут. Но мне сейчас даже думать об этом больно.

Я встала и подошла к другу. Его спина окаменела, когда я положила ладонь на его предплечье.

– Мы сегодня безумно устали, – сказала тихонько, – нужно отдохнуть. Завтра начинаются занятия, и нам придется рано утром ехать в школу.

Эдвард тяжело вздохнул.

– Давай попытаемся хоть немного поспать? Разговор подождет.

– Хорошо, – наследник развернулся и серьезно посмотрел мне в глаза, – спасибо за сегодня. Ты была на высоте.

Медленно взял мою руку и поднес к губам. На моем лице не дрогнул ни один мускул. Он смотрел в мои глаза, отыскивая там... что? Не найдя, грустно улыбнулся и направился к двери.

– Спокойной ночи, Дениза. Встретимся в школе.

Я бездумно таращилась на закрывшуюся дверь. Как долго еще смогу сдерживать порывы наследника? Как долго он будет ограничиваться поцелуем руки? Как долго уважение и преклонение передо мной будут держать его в рамках? Не знаю... Но знаю точно, что не смогу стать любовницей друга.

На следующий день в школу пришло письмо. Секретарь директора постучала в мою комнату, где я отдыхала после обеда, и молча протянула запечатанный конверт. Я удивленно осмотрела его со всех сторон, ни отправителя, ни получателя не было, только мое имя. Внутри лежала короткая записка.

«Прости за вчерашнее. Но я был совершенно серьезен. Я отменю свадьбу, если ты согласишься бежать со мной. Жду сегодня в девять вечера у школьных ворот. Тор».

Я раздумывала целую минуту. Потом медленно поднесла бумагу к зажженной свече, с наслаждением наблюдая, как она болезненно

чернеет и скукоживается. Бежать? Куда? В его поместье? Прячась ото всех? Как простолюдинка, как легкомысленная девка, не отягощенная моралью и долгом? В качестве кого? Временной замены жены пока он не одумается и не вернется в лоно семьи? Недостойно, глупо. И не по мне.

Не знаю, ждал меня Хорн у ворот школы или нет, я уехала во дворец гораздо раньше, еще до ужина.

Теперь у меня был собственный выезд и собственные телохранители. Вскоре меня почти насильно переселили на второй этаж, где жили самые высокопоставленные арии. Апартаменты дали напротив принца. Они состояли из двух комнат и были более роскошно убраны, чем на четвертом. На этом и все различия.

Вечерами мы сидели с Эдвардом в библиотеке, зубрили лекции или в его комнате, играя в шахматы. В покоях наследника было целых три комнаты, кроме гостиной, спальни был еще настоящий оборудованный кабинет. Ему позволяли забирать из библиотеки кое-какие книги, и полки кабинета были заставлены ими.

Больше мы не возвращались к теме моего гипотетического замужества или работы после окончания школы. Я боялась затрагивать эту тему, Эдвард, похоже, тоже. Мы вместе уезжали во дворец, иногда вечерами и всегда на выходных. Я жила в своих апартаментах и потихоньку вливалась в дворцовую жизнь. Компаньонки занялись моими нарядами. Мерки остались у герры Бенедикты, и именно ее салону было поручено наполнить гардеробную фаворитки платьями и украшениями.

Платья для завтрака, для обеда, для ужина, для прогулок в саду, для выезда в город, для посещения больниц и школ, для балов и праздников. Туфли, шарфы, палантины, перчатки, пояса, муфты, накидки, горжетки и прочее. Как хорошо, что все делалось без моего участия, иначе целыми днями я то и делала бы, что примеряла наряды.

Однажды ко мне в комнату заглянула королева. Попить чаю, так сказать.

— Я слышала, что у вас прекрасное образование, — когда слуги расставили чашки и блюда с пирожными и удалились, произнесла она.

— Да, ваше величество, — не стала отнекиваться я. Ложная скромность была неуместна.

– Возьмете на себя ведение двух общественных больниц столицы и приюта для девочек. В бухгалтерии произошла путаница. Расходы на содержание одной сиротки превысили расходы на наем и экипировку королевского гвардейца, – все это с непроницаемым выражением и безэмоциональным тоном.

– Конечно, ваше величество, – мой голос мог бы посоперничать с ее беспристрастием.

– Бумаги принесет герра Вилара.

Разговор затих. Чай, налитый в красивые фарфоровые чашки, медленно остывал. Я поняла, что главной темой ее прихода ко мне была не бухгалтерия. Но увы, я ничего не могла прочитать на ее широкоскулом бледном лице.

– Вы очень красивая девушка, герра Крей, – начала издалека королева, – и мой сын в вас сильно влюблен. Это видно всем, кто видит вас вдвоем.

Я молча ждала продолжения, никак не реагируя на ее слова.

– Надеюсь, вы также разумная девушка и не собираетесь заставлять его делать что-то, что идет в разрез с нормами, правилами и обычаями королевства?

Видя непонимание в моих глазах, королева продолжила.

– Наследник великой Альтеи не имеет права жениться на фаворитке, – ах вот она о чем! Я позволила себе немного расслабиться. – Я уже подобрала ему невесту, вскоре будет заключен договор, – ее голос пронзительно зазвенел, я поняла, что она не так бесстрашна, как хочет казаться, – после бала Эдвард пришел ко мне и спросил, можно ли ему нарушить договоренности. Можно ли ему отказать...

– Я поняла, ваше величество, – слушать дальше не было смысла. Пусть прерывать королеву было нарушением этикета, но более держать ее в заблуждении я не могла.

– У нас в вами одна цель, ваше величество, – доброжелательно улыбнувшись, продолжила я, – я безмерно уважаю вашего сына и приложу все усилия, чтобы он стал королем. Я не враг вам и не соперница. И уж, конечно, не планирую выходить замуж за его высочество.

Королева на некоторое время лишилась способности говорить. Наверное, впервые видит девушку, не мечтающую стать королевой.

– Надеюсь на ваше благоразумие, герра Крей, – величественно встала она с кушетки. Я поднялась вслед за ней, – если то, что мне о вас говорили, правда, то вы, действительно, умная девушка.

Я благодарно склонила голову.

– Герра Вилара введет вас в курс дела, – этими словами мать Эдварда закончила аудиенцию.

Я облегченно выдохнула. Значит, Эдвард интересовался, может ли он взять меня в жены? А меня спросить забыл? Хотя... Будущему королю не пристало по рангу спрашивать или интересоваться чужим мнением.

Где же ты, мой скромный, застенчивый друг? Пройдет еще немного времени, и я перестану узнавать тебя.

К двум больницам и приюту вскоре прибавились еще три школы и богадельня. Днем я училась, а ночью корпела над бумагами, сводя доходы и расходы. Найти утечки получилось быстро, как и выяснить, кто воровал. В моем распоряжении теперь были и королевские гвардейцы, и дознаватели, и сыщики. Мне стоило лишь передать нужным людям сведения, а дальше те разбирались сами. Во дворце мы почти не виделись с Эдвардом. Я занималась своими делами, он – своими. И если я раньше думала, что место фаворитки предусматривает лишь красиво выглядеть и ублажать наследника в постели, то теперь поняла, каторжнее этой работы не было и быть не могло. Я постоянно была занята. Рано утром меня одевали, красили и делали прическу. Затем завтрак, иногда с Эдвардом и королевой, иногда одной. Потом бесконечные встречи, переговоры, переписки. Какого цвета шторы будут лучше смотреться в главной столовой? Не пора ли заменить мебель в кабинете короля? Посол Занты завтра уезжает, вместо него прибудет новый. Нужно достойно встретить и разместить. И еще множество «нужно» и «должна».

Я догадывалась, что на меня сбросили все черновые, не слишком почетные обязанности. Но не роптала. Это практика. А любая практика полезна. Неизвестно, что мне пригодится в будущем. Тем более, впоследствии я стала замечать, что мне все меньше и меньше времени требуется на решение той или иной проблемы. После того, как я навела порядок в бухгалтерских книгах, проверять их сейчас было минутным делом. Я уже не сидела всю ночь, выискивая дыры в расходах. Да и решить, как встретить того или иного дорогого

иностранного гостя, зная предпочтения и обычаи его страны, тоже оказалось легче, чем я думала.

Но пока сэкономленное время было слишком незначительным, чтобы тратить его на чтение газет или выслушивание сплетен. Лучше потратить на сон или на тренировки с металлом.

Незаметно прошли летние экзамены. То ли я втянулась, и учеба мне перестала казаться сложной, то ли профессора негласно жалели и щадили меня, но экзамены и зачеты я сдала без проблем, и опять оказалась лучшей ученицей.

Грамоты нам с Эдвардом вручил новый директор Натаниэль Бридор. Судья проигнорировал столь важное событие. И слава богам.

– Ты слышала о скандале в семье Хорнов? – мы с Эдвардом ехали вечером из школы в одной карете. Я планировала быстрее нырнуть к себе, лечь спать и, конечно, мне не было дела ни до каких скандалов.

– Нет. Что произошло? – равнодушно поинтересовалась, сдерживая зевоту, представляя, как вскоре растянусь на льняных вкусно пахнущих простынях.

– Тор пришел пьяный на церемонию венчания и сказал на вопрос священника «нет», – хохотнул Эдвард, – во всех сегодняшних газетах на первых полосах.

– Это у тебя есть время читать газеты, – пробурчала недовольно я, усмиряя вдруг заколотившееся сердце. – Я последние две недели пообедать нормально не могу, не то, что следить за новостями.

– Скандал разразился грандиозный, – продолжал наследник как ни в чем не бывало. Ему словно нравилось унижение Хорнов, – Нурвы в ярости, Оттана убежала из храма в слезах. Велир с супругой пытаются замять инцидент, но безуспешно. Торус сразу же куда-то исчез. Старший Хорн при всех пригрозил, что лишит сына наследства.

Я тихонько хмыкнула. Не думала, что он решится на подобное. Хотя он же не был в трезвом рассудке, а пьяному море по колено. Я постаралась выбросить Торуса из головы. Мне не интересны слабые безвольные люди, способные принимать судьбоносные решения в пьяном угаре. Пусть я его запомню, как благородного рыцаря, смело спасающего меня из лап страшного и ужасного верховного судьи, чем как путающееся в ногах ничтожество, каким он был на балу. Прощай, арий Торус Хорн. Иди своей дорогой и не пересекайся с моей.

Конец первой части